

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 31 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 12 сентября 2019 г.

О внесении изменений в Регламент Верховного Суда Российской Федерации

Руководствуясь Федеральным конституционным законом от 29 июля 2018 года № 1-ФКЗ “О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции” и абзацем шестым пункта 7 Регламента Верховного Суда Российской Федерации, утвержденного постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 августа 2014 года № 2, Пленум Верховного Суда Российской Федерации **п о с т а н о в л я е т** внести в Регламент Верховного Суда Российской Федерации, утвержденный постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 августа 2014 года № 2, следующие изменения:

1. Абзац двенадцатый пункта 2.1 изложить в следующей редакции:

“представляет Президенту Российской Федерации кандидатов для назначения в установленном порядке на должности судей федеральных судов, в том числе на должности председателей и заместителей председателей кассационных судов общей юрисдикции, апелляционных судов общей юрисдикции, верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области, судов автономных округов, военных судов, арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов, арбитражных судов субъектов Российской Федерации, Суда по интеллектуальным правам;”.

2. Абзац тринадцатый пункта 2.1 исключить.

3. Абзац шестнадцатый пункта 2.1 изложить в следующей редакции:

“вносит в Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации представления о квалификационной аттестации председателей и заместителей председателей кассационных судов общей юрисдикции, кассационного военного суда, апелляционных судов общей юрисдикции, апелляционного военного суда, верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области, судов автономных округов, окружных (флотских) военных судов, арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов, арбитражных судов субъектов Российской Федерации, Суда по интеллектуальным правам, а также о приостановлении или прекращении их полномочий;”.

4. Абзац девятнадцатый пункта 2.1 исключить.

5. Абзац двенадцатый пункта 3.1 изложить в следующей редакции:

“утверждает по представлению председателя соответствующего суда количественный и персональный состав президиума кассационного суда общей юрисдикции, кассационного военного суда, апелляционного суда общей юрисдикции, апелляционного военного суда, верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда, арбитражного суда округа, арбитражного апелляционного суда, арбитражного суда субъекта Российской Федерации, Суда по интеллектуальным правам;”.

6. Абзац пятнадцатый пункта 3.1 изложить в следующей редакции:

“ежегодно представляет по предложению Председателя Верховного Суда на утверждение Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации состав (составы) коллегии (коллегий) судей Верховного Суда, принимающей (принимающих) решение (решения) по вопросу о привлечении к административной ответственности судьи Конституционного Суда Российской Федерации, судьи Верховного Суда, судьи кассационного суда общей юрисдикции, апелляционного суда общей юрисдикции, судьи верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, военного суда, арбитражного суда округа, арбитражного апелляционного суда, арбитражного суда субъекта Российской Федерации, Суда по интеллектуальным правам, а также по другим вопросам, предусмотренным Законом Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации””.

7. Абзац двенадцатый пункта 3.2 изложить в следующей редакции:

“утверждает обзоры законодательства и судебной практики, которые доводятся до сведения судей и работников аппарата Верховного Суда, направляются в кассационные суды общей юрисдикции, кассационный военный суд, апелляционные суды общей юрисдикции, апелляционный военный суд, верховные суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов Российской Федерации, окружные (флотские) военные суды, арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды субъектов Российской Федерации, Суд по интеллектуальным правам, публикуются в ежеквартальных обзорах законодательства и судебной практики Верховного Суда, а также в “Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации””.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

К отношениям по возмещению службе судебных приставов в порядке регресса вреда, причиненного ее сотрудником вследствие ненадлежащего исполнения им своих служебных обязанностей, подлежат применению нормы Трудового кодекса РФ о материальной ответственности работника

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 22 января 2018 г. № 18-КГ17-236*

(Извлечение)

Как было установлено судом, В. проходил федеральную государственную гражданскую службу в должности судебного пристава-исполнителя управления Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации по Краснодарскому краю. Приказом руководителя УФССП по Краснодарскому краю действие служебного контракта с В. было прекращено, он был уволен 20 октября 2014 г. с федеральной государственной службы на основании п. 3 ч. 1 ст. 33 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” (по инициативе гражданского служащего).

В период исполнения В. служебных обязанностей судебного пристава-исполнителя в его производстве находилось исполнительное произ-

водство о взыскании с Общества в пользу индивидуального предпринимателя Г. суммы долга по исполнительному листу арбитражного суда от 20 февраля 2012 г.

Индивидуальный предприниматель Г. обратился в Арбитражный суд Краснодарского края с иском к Российской Федерации в лице ФССП России о возмещении вреда, причиненного незаконным бездействием судебного пристава-исполнителя по исполнению им требований исполнительного листа арбитражного суда.

Вступившим в законную силу постановлением арбитражного суда от 6 августа 2015 г. с Российской Федерации в лице ФССП России за счет казны Российской Федерации были взысканы убытки в пользу индивидуального предпринимателя Г.

Данным судебным постановлением была установлена противоправность бездействия судебного пристава-исполнителя В., выразившегося в непринятии мер по розыску и аресту имущества Общества, за счет которого мог быть исполнен судебный акт о взыскании с Общества денежных средств. Это привело к выбытию имущества должника, вследствие чего индивидуальный предприниматель Г. был лишен возможности получить пропорциональное удовлетворение по выданному ему арбитражным судом исполнительному документу. Постановление арбитражного суда от 6 августа 2015 г. было исполнено, Г. пла-

тежным поручением была перечислена сумма убытков.

УФССП России по Краснодарскому краю, ссылаясь на положения Федерального закона “О судебных приставах”, Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ), просило взыскать в порядке регресса с В. материальный ущерб, причиненный работником при исполнении им служебных обязанностей.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования УФССП России по Краснодарскому краю к В. о возмещении в порядке регресса материального ущерба, суд первой инстанции сослался на положения ст.ст. 3 и 19 Федерального закона “О судебных приставах”, ст.ст. 1069 и 1081 ГК РФ и исходил из того, что взыскание денежных средств с Российской Федерации в лице ФССП России за счет казны Российской Федерации было произведено ввиду ненадлежащего исполнения своих служебных обязанностей государственным гражданским служащим — судебным приставом-исполнителем В. и причинения вследствие этого вреда индивидуальному предпринимателю Г.

Учитывая, что ФССП России был возмещен ущерб, причиненный при исполнении служебных обязанностей В. индивидуальному предпринимателю Г., и у УФССП России по Краснодарскому краю возникло право обратного требования (регресса) к В. о возмещении ущерба, причиненного им при исполнении служебных обязанностей, суд первой инстанции произвел взыскание с В. материального ущерба в полном объеме в размере выплаченного Г. возмещения.

Суд апелляционной инстанции с выводами суда первой инстанции согласился.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 22 января 2018 г. признала, что выводы судов первой и апелляционной инстанций основаны на ошибочном толковании и неправильном применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, и сделаны с нарушением норм процессуального права в связи со следующим.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ “О судебных приставах” судебные приставы в своей деятельности руководствуются Конституцией Российской Федерации, указанным Федеральным законом, Федеральным законом “Об исполнительном производстве” и другими федеральными законами, а также принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами.

В силу п. 2 ст. 3 Федерального закона “О судебных приставах” судебный пристав является должностным лицом, состоящим на государственной службе.

В п. 1 ст. 10 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ “О системе государственной службы Российской Федерации” указано, что федеральным государственным служащим является гражданин, осуществляющий профессиональную служебную деятельность на должности федеральной государственной службы и полу-

чающий денежное содержание (вознаграждение, довольствие) за счет средств федерального бюджета.

На основании п. 3 ст. 10 этого Закона нанимателем федерального государственного служащего является Российская Федерация.

В силу п. 4 ст. 10 названного Закона правовое положение (статус) федерального государственного служащего, в том числе ограничения, обязательства, правила служебного поведения, ответственность, а также порядок разрешения конфликта интересов и служебных споров, устанавливаются соответствующим федеральным законом о виде государственной службы.

В соответствии с п. 2 ст. 1 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ “О государственной гражданской службе Российской Федерации” представитель нанимателя — руководитель государственного органа, лицо, замещающее государственную должность, либо представитель указанных руководителя или лица, осуществляющие полномочия нанимателя от имени Российской Федерации или субъекта Российской Федерации.

На судебных приставах распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом “О противодействии коррупции” и ст.ст. 17, 18 и 20 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” (п. 4 ст. 3 Федерального закона “О судебных приставах”).

Ущерб, причиненный судебным приставом гражданам и организациям, подлежит возмещению в порядке, предусмотренном гражданским законодательством Российской Федерации (п. 3 ст. 19 Федерального закона “О судебных приставах”).

В Гражданском кодексе РФ отношения, связанные с возмещением вреда, регулируются нормами главы 59 (“Обязательства вследствие причинения вреда”).

В соответствии со ст. 1069 ГК РФ вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

В силу п. 1 ст. 1081 ГК РФ лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом (работником при исполнении им служебных, должностных или иных трудовых обязанностей, лицом, управляющим транспортным средством, и т.п.), имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом.

Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование в случае возмещения ими вреда по основаниям,

предусмотренным ст.ст. 1069 и 1070 названного Кодекса, а также по решениям Европейского Суда по правам человека имеют право регресса к лицу, в связи с незаконными действиями (бездействием) которого произведено указанное возмещение (п. 3¹ ст. 1081 ГК РФ).

Из приведенных нормативных положений в их системной взаимосвязи, в частности, следует, что в случае причинения федеральным государственным гражданским служащим при исполнении служебных обязанностей вреда гражданину или юридическому лицу его возмещение производится в порядке, предусмотренном гражданским законодательством Российской Федерации, за счет казны Российской Федерации. Лицо, возместившее вред, причиненный федеральным государственным гражданским служащим при исполнении им служебных обязанностей, имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом.

Как было установлено судом, вступившим в законную силу постановлением арбитражного апелляционного суда от 6 августа 2015 г. было произведено взыскание с Российской Федерации в лице ФССП России за счет казны Российской Федерации в пользу индивидуального предпринимателя Г. убытков.

Постановление арбитражного апелляционного суда от 6 августа 2015 г. о взыскании с Российской Федерации в лице ФССП России за счет казны Российской Федерации убытков было исполнено, в связи с чем у УФССП России по Краснодарскому краю как представителя нанимателя в служебных отношениях с судебным приставом-исполнителем возникло право обратного требования (регресса) к судебному приставу-исполнителю В., причинившему ущерб нанимателю (работодателю) при исполнении служебных обязанностей.

Вместе с тем в Федеральном законе “О судебных приставах”, Федеральном законе “О государственной гражданской службе Российской Федерации”, Федеральном законе “О системе государственной службы Российской Федерации” не определены основания, порядок и виды материальной ответственности государственных гражданских служащих за ущерб, причиненный нанимателю, в том числе при предъявлении регрессных требований в связи с возмещением вреда.

Статьей 73 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” предусмотрено, что федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, содержащие нормы трудового права, применяются к отношениям, связанным с гражданской службой, в части, не урегулированной этим Федеральным законом.

Так, нормы трудового права, регулирующие служебные отношения с гражданскими служащими в органах Федеральной службы судебных приставов, содержатся в Отраслевых соглашениях,

заклученных директором Федеральной службы судебных приставов — главным судебным приставом РФ и председателем профсоюза работников государственных учреждений и общественного обслуживания РФ.

В соответствии с п. 2.1 Отраслевого соглашения по центральному аппарату и территориальным органам Федеральной службы судебных приставов на 2012—2014 гг., заключенного директором Федеральной службы судебных приставов — главным судебным приставом РФ и председателем профсоюза работников государственных учреждений и общественного обслуживания РФ 23 декабря 2011 г., действовавшего с 1 января 2012 г. по 31 декабря 2014 г., служебные отношения с гражданскими служащими в органах Федеральной службы судебных приставов регулируются Федеральным законом “О государственной гражданской службе Российской Федерации”, а в части, не урегулированной указанным Федеральным законом, — федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, содержащими нормы трудового права. Трудовые отношения работников в организациях системы Федеральной службы судебных приставов регулируются Трудовым кодексом РФ, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, содержащими нормы трудового права.

Пункт 2.1 такого же содержания имеется как в Отраслевом соглашении по центральному аппарату и территориальным органам Федеральной службы судебных приставов на 2015—2017 гг., так и в Отраслевом соглашении по центральному аппарату и территориальным органам Федеральной службы судебных приставов на 2018—2020 гг., заключенных директором Федеральной службы судебных приставов — главным судебным приставом РФ и председателем профсоюза работников государственных учреждений и общественного обслуживания РФ соответственно 28 января 2015 г. и 1 ноября 2017 г.

По смыслу изложенных выше нормативных положений и с учетом того, что Федеральным законом “О судебных приставах”, а также Федеральным законом “О государственной гражданской службе Российской Федерации” не определены основание и порядок привлечения государственного гражданского служащего к материальной ответственности за причиненный им при исполнении служебных обязанностей вред и виды (размер) этой ответственности, к спорным отношениям по возмещению в порядке регресса УФССП России по Краснодарскому краю вреда, причиненного судебным приставом-исполнителем отдела В. вследствие ненадлежащего исполнения им своих служебных обязанностей, подлежат применению нормы Трудового кодекса РФ о материальной ответственности работника.

Статьей 238 ТК РФ установлено, что работник обязан возместить работодателю причиненный ему прямой действительный ущерб. Неполученные доходы (упущенная выгода) взысканию с работника не подлежат. Под прямым действи-

тельным ущербом понимается реальное уменьшение наличного имущества работодателя или ухудшение состояния указанного имущества (в том числе имущества третьих лиц, находящегося у работодателя, если работодатель несет ответственность за сохранность этого имущества), а также необходимость для работодателя произвести затраты либо излишние выплаты на приобретение, восстановление имущества либо на возмещение ущерба, причиненного работником третьим лицам.

Материальная ответственность работника исключается в случаях возникновения ущерба вследствие непреодолимой силы, нормального хозяйственного риска, крайней необходимости или необходимой обороны либо неисполнения работодателем обязанности по обеспечению надлежащих условий для хранения имущества, вверенного работнику (ст. 239 ТК РФ).

Статьей 241 ТК РФ определено, что за причиненный ущерб работник несет материальную ответственность в пределах своего среднего месячного заработка, если иное не предусмотрено Кодексом или иными федеральными законами.

Материальная ответственность в полном размере причиненного ущерба может возлагаться на работника лишь в случаях, предусмотренных Кодексом или иными федеральными законами (ч. 2 ст. 242 ТК РФ).

Из приведенных нормативных положений следует, что основным видом материальной ответственности работника за ущерб, причиненный работодателю, является ограниченная материальная ответственность. Она заключается в обязанности работника возместить причиненный работодателю прямой действительный ущерб, но не свыше установленного законом максимального предела, определяемого в соотношении с размером получаемой им заработной платы. Таким максимальным пределом является средний месячный заработок работника. Применение ограниченной материальной ответственности работника в пределах его среднего месячного заработка означает, что, если размер ущерба превышает среднемесячный заработок работника, он обязан возместить только ту его часть, которая равна его среднему месячному заработку. Правило об ограниченной материальной ответственности работника в пределах его среднего месячного заработка применяется во всех случаях, кроме тех, в отношении которых Трудовым кодексом РФ или иным федеральным законом прямо установлена более высокая материальная ответственность работника, в частности полная материальная ответственность.

Согласно ст. 243 ТК РФ материальная ответственность в полном размере причиненного ущерба возлагается на работника в следующих случаях: 1) когда в соответствии с этим Кодексом или иными федеральными законами на работника возложена материальная ответственность в полном размере за ущерб, причиненный работодателю при исполнении работником трудовых обязанностей; 2) недостачи ценностей, вверенных ему на основании специального письменного

договора или полученных им по разовому документу; 3) умышленного причинения ущерба; 4) причинения ущерба в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения; 5) причинения ущерба в результате преступных действий работника, установленных приговором суда; 6) причинения ущерба в результате административного правонарушения, если такое было установлено соответствующим государственным органом; 7) разглашения сведений, составляющих охраняемую законом тайну (государственную, служебную, коммерческую или иную), в случаях, предусмотренных федеральными законами; 8) причинения ущерба не при исполнении работником трудовых обязанностей.

Как разъяснено в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 52 “О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю”, при рассмотрении дела о возмещении причиненного работодателю прямого действительного ущерба в полном размере работодатель обязан представить доказательства, свидетельствующие о том, что в соответствии с Трудовым кодексом РФ либо иными федеральными законами работник может быть привлечен к ответственности в полном размере причиненного ущерба и на время его причинения достиг восемнадцатилетнего возраста, за исключением случаев умышленного причинения ущерба либо причинения ущерба в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, либо если ущерб причинен в результате совершения преступления или административного проступка, когда работник может быть привлечен к полной материальной ответственности до достижения восемнадцатилетнего возраста (ст. 242 ТК РФ).

Между тем предусмотренных Трудовым кодексом РФ либо иными федеральными законами оснований для возложения на В. материальной ответственности в полном размере при рассмотрении дела судом установлено не было.

При таких обстоятельствах вывод суда первой инстанции со ссылкой на положения ст.ст. 3 и 19 Федерального закона “О судебных приставах”, ст.ст. 1069 и 1081 ГК РФ о наличии оснований для взыскания с В. вследствие ненадлежащего исполнения им как государственным гражданским служащим — судебным приставом-исполнителем своих служебных обязанностей в порядке регресса материального ущерба в полном объеме в размере выплаченного возмещения не может быть признан правомерным, поскольку он основан на неправильном применении норм материального права.

Вследствие установления действительных правоотношений сторон судами первой и апелляционной инстанций при рассмотрении дела не были применены положения ст. 241 ТК РФ об ограниченной материальной ответственности работника (в данном случае судебного пристава-исполнителя) в пределах его среднего месячного заработка (денежного довольствия), а также ст. 250 ТК РФ, согласно которой орган по рассмотрению

трудовых споров может с учетом степени и формы вины, материального положения работника и других обстоятельств снизить размер ущерба, подлежащий взысканию с работника.

Размер среднего месячного заработка (денежного довольствия) В., а также обстоятельства, связанные с личностью В., его материальным и семейным положением, судами первой и апелляционной инстанций не выяснялись, в нарушение ч. 2 ст. 56 и ч. 1 ст. 196 ГПК РФ эти обстоятельства не были определены в качестве юридически значимых для правильного разрешения спора, они не вошли в предмет доказывания по делу и, соответственно, не получили правовой оценки судов.

Ввиду изложенного Судебная коллегия отменила вынесенные по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1. Отказ в выплате вознаграждения временному управляющему в полном объеме при доказанности осуществления им мероприятий, предусмотренных процедурой наблюдения, противоречит Федеральному закону “О несостоятельности (банкротстве)”

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 24 декабря 2018 г. № 305-ЭС18-16347*

(Извлечение)

В рамках дела о банкротстве должника арбитражный управляющий Р. обратилась в арбитражный суд с заявлением о взыскании с Федеральной налоговой службы (далее — инспекция) вознаграждения временного управляющего и расходов на проведение процедуры наблюдения за период с 14 сентября 2012 г. по 5 декабря 2013 г.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды исходили из того, что к моменту назначения Р. временным управляющим должник прекратил свою деятельность (14 сентября 2011 г.) и она не могла проводить мероприятия, предусмотренные процедурой наблюдения.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 24 декабря 2018 г. отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 20³, пп. 1—3 ст. 20⁶ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве) арбитражный управляющий в деле о банкротстве имеет право на вознаграждение в размерах и в порядке, которые установлены настоящим Законом, а также на возмещение в полном объеме расходов, фактически

понесенных им при исполнении возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве.

В п. 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 2013 г. № 97 “О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве” разъяснено, что фиксированная сумма вознаграждения выплачивается за каждый месяц осуществления полномочий арбитражного управляющего с даты принятия судебного акта об утверждении лица арбитражным управляющим. Выплата вознаграждения прекращается, в частности, с даты принятия судебного акта о прекращении производства по делу о банкротстве.

При этом следует учитывать, что правовая природа вознаграждения арбитражного управляющего носит частноправовой встречный характер (п. 1 ст. 328 ГК РФ), поэтому применительно к абз. 3 п. 1 ст. 723 и ст. 783 ГК РФ, если арбитражный управляющий ненадлежащим образом исполнял свои обязанности, размер причитающейся ему фиксированной суммы вознаграждения может быть соразмерно уменьшен. Бремя доказывания ненадлежащего исполнения управляющим своих обязанностей лежит на лице, ссылающемся на такое исполнение (п. 5 вышеназванного постановления Пленума).

В обоснование своего заявления арбитражный управляющий Р. в том числе ссылалась на проведение ею в период с 14 сентября 2012 г. (дата назначения Р. временным управляющим) по 5 декабря 2013 г. (дата вступления в законную силу решения суда об отказе в удовлетворении заявления временного управляющего о признании недействительным решения налогового органа о реорганизации должника) мероприятий, предусмотренных процедурой наблюдения: совершение действий, направленных на выявление имущества должника и получение документации должника для проведения финансового анализа, определение местонахождения должника, обжалование действий инспекции о реорганизации должника. При этом требований о выплате вознаграждения за период с 6 декабря 2013 г. по 7 июля 2017 г. (дата прекращения производства по делу о банкротстве должника) Р. не заявлено, т.е. она, учитывая частноправовую природу вознаграждения управляющего, и не просила начислять его за период, когда мероприятия банкротства ею не осуществлялись.

Однако суды первой и апелляционной инстанций в нарушение положений ст.ст. 9, 65, 71, 168 и 170 АПК РФ указанные доводы оставили без какой-либо правовой оценки.

Суд округа названные недостатки определения суда первой инстанции и постановления суда апелляционной инстанции не устранил.

В силу общего правила, закрепленного Законом о банкротстве, арбитражный управляющий должен действовать разумно и добросовестно, проявляя требующиеся от него заботливость и осмотрительность.

Применительно к обстоятельствам настоящего дела это означает, что после утверждения временным управляющим Р. должна была незамед-

лительно приступить к исполнению возложенных на нее обязанностей.

Таким образом, при доказанности совершения временным управляющим Р. каких-либо действий, предусмотренных процедурой наблюдения, лишение ее вознаграждения в полном объеме противоречит требованиям Закона о банкротстве. При этом из обжалуемых судебных актов не следует, что Р. ненадлежащим образом выполняла возложенные на нее обязанности.

Также следует учитывать, что в данном случае заявителем по делу является уполномоченный орган, который не сообщил суду о внесенных им же в ЕГРЮЛ сведениях о реорганизации должника. При этом суд, сославшись на прекращение должником деятельности в период назначения Р. управляющим, фактически вменил ей собственную ошибку, допущенную им при утверждении кандидатуры управляющего уже прекратившим свою деятельность обществом.

Кроме того, являются ошибочными и выводы судов о пропуске Р. срока давности по требованиям о выплате вознаграждения.

Согласно разъяснениям п. 52 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 “О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве” заявление о взыскании расходов по делу о банкротстве (в том числе вознаграждения арбитражного управляющего или стоимости услуг привлеченного лица) с должника или заявителя рассматривается в деле о банкротстве по правилам ст. 112 АПК РФ. Такое заявление в силу ч. 2 данной статьи может быть подано в арбитражный суд, рассматривавший дело о банкротстве, не позднее шести месяцев со дня вступления в законную силу определения о завершении конкурсного производства или прекращения производства по делу о банкротстве.

С настоящим заявлением Р. обратилась 2 октября 2017 г., т.е. в пределах установленного процессуальным законом шестимесячного срока, исчисленного с момента прекращения производства по делу.

2. Платеж должника, имеющего обязательства перед кредиторами, в том числе с ненаступившим сроком исполнения, совершенный в отношении заинтересованного лица не ранее чем за три года и не позднее чем за шесть месяцев до принятия заявления о признании банкротом, может быть признан недействительным на основании п. 2 ст. 61² Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” при наличии у этого платежа признака безвозмездности (в случае его совершения в отсутствие обязательства)

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 ноября 2018 г. № 301-ЭС18-9388(1)

(Извлечение)

Общество (заемщик) в лице Х. и Х. (займодавец), действующий как физическое лицо, подпи-

сали договор о предоставлении обществу беспроцентного займа.

Вскоре после этого общество заключило с компанией договор поставки, во исполнение условий которого компания поставила обществу товар. Общество не исполнило обязательств по оплате поставленного товара, и в рамках другого дела судом с общества в пользу компании была взыскана задолженность по этому договору поставки.

При этом общество перечислило денежные средства Х. в качестве погашения задолженности по договору беспроцентного займа.

Впоследствии на основании заявления компании возбуждено производство по делу о банкротстве общества (далее — должник). В рамках дела о банкротстве требование компании (единственного кредитора) признано обоснованным и включено в реестр требований кредиторов.

В рамках дела о банкротстве конкурсный управляющий должника обратился в суд с заявлением о признании недействительными указанных операций по перечислению должником денежных средств Х., а также о применении последствий недействительности этих операций.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление оставлено без удовлетворения.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 15 ноября 2018 г. отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В рассматриваемый период должник полностью контролировался Х., который от его имени принимал все управленческие решения.

Конкурсный управляющий обращал внимание на то, что поведение Х. не соответствовало стандартам добросовестности и было направлено на причинение вреда кредитору с одновременным сокрытием информации обо всех совершаемых должником операциях. Так, после реализации товара, полученного от компании, погашения за счет выручки задолженности перед собой, Х. совершил действия, направленные на отчуждение единственного актива должника (недвижимости), прекратил свое участие в его уставном капитале, передал корпоративные полномочия иному лицу, которое сменило место нахождения должника. Впоследствии новое, номинальное, как полагал управляющий, руководство должника не передало управляющему документацию должника.

Возражая относительно заявленных требований, Х. ссылаясь исключительно на то, что спорные платежи совершены более чем за год до вынесения судебного решения о взыскании задолженности в пользу компании.

Однако обязательство должника перед единственным независимым кредитором — компанией, о котором доподлинно было известно Х., являлось бесспорным, поэтому сам по себе момент вынесения решения о взыскании задолженности

в данном случае не имел правового значения для правильного разрешения спора.

При этом Х. не представил доказательств реальной передачи денежных средств по договору займа, не дал каких-либо пояснений относительно того, как расходовались эти средства должником, находящимся под его единоличным контролем, какие цели он преследовал при отчуждении единственного актива должника, куда была направлена выручка от реализации недвижимости, каковы истинные мотивы передачи корпоративного контроля над должником третьему лицу после того, как у должника не осталось каких-либо активов и его приобретение не могло заинтересовать разумного и добросовестного участника гражданского оборота.

Таким образом, в ходе рассмотрения дела были выявлены два обстоятельства. С одной стороны, арбитражный управляющий, не имеющий доступа к полной документации должника, привел убедительные аргументы в пользу того, что действия Х. обладали признаками взаимосвязанных, преследующих единую противоправную цель — лишение компании возможности получить какое-либо удовлетворение. С другой стороны, Х. отказался раскрыть информацию о движении контролируемых им денежных потоков, не подтвердил, что образовалось сальдо в его пользу, т.е. существовало реальное долговое обязательство, в счет исполнения которого Х. получены спорные денежные средства. При этом Х. имел реальную возможность опровергнуть доводы процессуального оппонента.

По смыслу разъяснений, данных в пп. 5—7, абз. 3 п. 9.1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 “О некоторых вопросах, связанных с применением главы III¹ Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”, платеж должника, имеющего обязательства перед кредиторами, в том числе с ненаступившим сроком исполнения, совершенный в отношении заинтересованного лица не ранее чем за три года и не позднее чем за шесть месяцев до принятия заявления о признании банкротом, может быть признан недействительным на основании п. 2 ст. 61² Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” при наличии у этого платежа признака безвозмездности (в случае его совершения в отсутствие обязательства).

Суды не оценили в совокупности доводы конкурсного управляющего и поведение Х. в ходе судебного разбирательства, по сути, уклонившегося от дачи пояснений, не проверили факт существования реального заемного обязательства должника перед Х.

Кроме того, и при наличии реального заемного обязательства его погашение могло быть признано недействительным. Согласно правовой позиции, изложенной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12 февраля 2018 г. № 305-ЭС15-5734(4,5), возврат мажоритарным участником не за счет чистой прибыли, а за счет текущей выручки финансирования, ранее пре-

доставленного им для завуалирования кризиса, в ситуации, когда должник в силу п. 1 ст. 9 указанного Закона уже обязан был обратиться в суд с заявлением о собственном банкротстве, является злоупотреблением правом со стороны выдавшего заем мажоритарного участника.

Соответствующие обстоятельства судами также не проверялись.

3. В отношении объектов капитального строительства, введенных в эксплуатацию либо реконструированных до вступления в силу Федерального закона “Технический регламент о требованиях пожарной безопасности”, подлежат применению требования пожарной безопасности, установленные ранее действующим законодательством

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 16 апреля 2019 г. № 306-КГ18-21677*

(Извлечение)

По результатам выездной проверки по соблюдению обязательных требований пожарной безопасности административным органом выдано обществу предписание об устранении нарушений требований пожарной безопасности, о проведении мероприятий по обеспечению пожарной безопасности на объектах защиты и по предотвращению угрозы возникновения пожара.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании предписания административного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленного требования отказано.

Постановлением апелляционного суда, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено в части отказа в признании недействительными отдельных пунктов предписания и требование общества в указанной части удовлетворено. В остальной части решение суда первой инстанции оставлено без изменений.

Суды исходили из того, что, вменяя в вину обществу нарушение обязательных требований пожарной безопасности, действующих с 1 мая 2009 г., административному органу надлежало доказать, что объект защиты введен в эксплуатацию позже указанной даты, либо факт проведения на объекте защиты капитального ремонта, реконструкции и технического перевооружения, при проведении которых должны быть учтены действующие требования пожарной безопасности.

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением об отмене указанных судебных актов.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 16 апреля 2019 г. отменила названные судебные акты в части отказа в признании недействительными отдельных пунктов предписания и направила дело в указанной части на новое рассмотрение, указав следующее.

Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ “Технический регламент о требованиях пожарной безопасности” (далее — Закон № 123-ФЗ) согласно ч. 1 ст. 1 определяет основные положения технического регулирования в области пожарной безопасности и устанавливает общие требования пожарной безопасности к объектам защиты (продукции), в том числе к зданиям, сооружениям и строениям, промышленным объектам, пожарно-технической продукции и продукции общего назначения.

Согласно чч. 2 и 3 ст. 4 Закона № 123-ФЗ к нормативным правовым актам Российской Федерации по пожарной безопасности относятся федеральные законы о технических регламентах, федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, устанавливающие обязательные для исполнения требования пожарной безопасности. К нормативным документам по пожарной безопасности относятся национальные стандарты, своды правил, содержащие требования пожарной безопасности (нормы и правила).

Частью 4 ст. 4 Закона № 123-ФЗ предусмотрено, что в случае, если положениями этого Закона (за исключением положений ст. 64, ч. 1 ст. 82, ч. 7 ст. 83, ч. 12 ст. 84, чч. 1¹ и 1² ст. 97) устанавливаются более высокие требования пожарной безопасности, чем требования, действовавшие до дня вступления в силу соответствующих положений Закона № 123-ФЗ, в отношении объектов защиты, которые были введены в эксплуатацию либо проектная документация на которые была направлена на экспертизу до дня вступления в силу соответствующих положений Закона № 123-ФЗ, применяются ранее действовавшие требования. При этом в отношении объектов защиты, на которых были проведены капитальный ремонт, реконструкция или техническое перевооружение, требования Закона № 123-ФЗ применяются в части, соответствующей объему работ по капитальному ремонту, реконструкции или техническому перевооружению.

В силу ст. 6 Закона № 123-ФЗ пожарная безопасность объекта защиты считается обеспеченной при выполнении одного из следующих условий: 1) в полном объеме выполнены требования пожарной безопасности, установленные техническими регламентами, принятыми в соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ “О техническом регулировании” (далее — Закон № 184-ФЗ), и пожарный риск не превышает допустимых значений, установленных Законом № 184-ФЗ; 2) в полном объеме выполнены требования пожарной безопасности, установленные техническими регламентами, принятыми в соответствии с Законом № 184-ФЗ, и нормативными документами по пожарной безопасности.

Системный анализ приведенных выше норм позволяет сделать вывод о том, что в отношении объектов, введенных в эксплуатацию до введения в действие Закона № 123-ФЗ, данные правила подлежат применению только в части установленных ими требований пожарной безопасности,

предъявляемых к противопожарному режиму эксплуатации объектов.

Нормы пожарной безопасности “Перечень зданий, сооружений, помещений и оборудования, подлежащих защите автоматическими установками пожаротушения и автоматической пожарной сигнализацией” (далее — НПБ 110-03) устанавливают основные требования пожарной безопасности, регламентирующие защиту зданий, сооружений, помещений и оборудования на всех этапах их создания и эксплуатации автоматическими установками пожаротушения и автоматическими установками пожарной сигнализации. Нормы пожарной безопасности “Системы оповещения и управления эвакуацией людей при пожарах в зданиях и сооружениях” (далее — НПБ 104-03) устанавливают требования пожарной безопасности к системам оповещения и управления эвакуацией людей при пожарах в зданиях и сооружениях.

Приказы, утвердившие нормы НПБ 110-03 и НПБ 104-03, зарегистрированы Минюстом России 27 июня 2003 г. под регистрационными номерами 4836 и 4837. До настоящего момента нормы и требования НПБ 110-03 и НПБ 104-03 являются действующими.

Таким образом, для обеспечения пожарной безопасности объекта защиты общество обязано в полном объеме выполнить требования пожарной безопасности, установленные техническими регламентами, принятыми в соответствии с Законом № 184-ФЗ, и нормативными документами по пожарной безопасности, в том числе Сводами правил, НПБ 110-03 и НПБ 104-03, содержащими требования пожарной безопасности.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Федеральные авиационные правила по производству полетов экспериментальной авиации, утвержденные приказом Российского авиационно-космического агентства от 28 июня 2000 г. № 104, и приказ генерального директора Российского авиационно-космического агентства от 21 октября 2002 г. № 149 “О применении федеральных авиационных правил по производству полетов экспериментальной авиации” признаны недействующими со дня принятия

*Решение Верховного Суда РФ
от 6 декабря 2018 г. № АКПИ18-927,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 14 февраля 2019 г. № АПЛ19-9*

(Извлечение)

Приказом Российского авиационно-космического агентства от 28 июня 2000 г. № 104 утверждены Федеральные авиационные правила по производству полетов экспериментальной авиации (далее — Правила).

Генеральным директором Российского авиационно-космического агентства издан приказ от 21 октября 2002 г. № 149 “О применении феде-

ральных авиационных правил по производству полетов экспериментальной авиации” (далее — Приказ), которым предписано, что впредь до утверждения новой редакции федеральных авиационных правил по производству полетов экспериментальной авиации пп. 1.2, 5.2, 5.3, 5.4, 5.6, 5.12, 5.14, 5.17, 5.18, 5.19, 5.20, 5.22, 5.23 и приложение № 11 к Правилам применять в части, не противоречащей Федеральным авиационным правилам полетов в воздушном пространстве Российской Федерации, утвержденным приказом Министра обороны РФ, Минтранса России и Росавиакосмоса от 31 марта 2002 г. № 136/42/51 (п. 1). Этим же Приказом (п. 2) признано утратившим силу приложение № 8 “Расчет минимальной безопасной высоты (эшелоны) полета” к Правилам.

О. и С. обратились в Верховный Суд РФ с административным иском с заявлением о признании недействующими Правил и Приказа, ссылаясь на то, что они содержат нормативные правовые положения, обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение, регулируют отношения в области организации летно-испытательной работы, выполнения испытательных полетов, управления испытательными полетами и их обеспечения в организациях экспериментальной авиации, однако в нарушение требований Указа Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 “О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти” и Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009, не зарегистрированы и официально не опубликованы. Кроме того, Правила противоречат ст.ст. 50, 57, 58, 69 Воздушного кодекса РФ, положениям Федеральных авиационных правил “Организация воздушного движения в Российской Федерации”, утвержденных приказом Минтранса России от 25 ноября 2011 г. № 293, Федеральных авиационных правил полетов в воздушном пространстве Российской Федерации, утвержденных приказом Министра обороны РФ, Минтранса России, Росавиакосмоса от 31 марта 2002 г. № 136/42/51.

Указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 “О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти” Российское авиационно-космическое агентство преобразовано в Федеральное космическое агентство, а функции по принятию нормативных правовых актов в установленной сфере деятельности переданы Министерству промышленности и энергетики Российской Федерации (абз. 10 п. 15). Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 г. № 724 “Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти” Министерство промышленности и энергетики Российской Федерации преобразовано в Министерство промышленности и торговли Российской Федерации (далее также — Минпромторг России) и Мини-

стерство энергетики Российской Федерации с соответствующим распределением функций между этими министерствами (абз. 1 п. 8).

Верховный Суд РФ 6 декабря 2018 г. административное исковое заявление удовлетворил, указав следующее.

В соответствии с п. 2 ст. 2 Воздушного кодекса РФ федеральные правила использования воздушного пространства и федеральные авиационные правила являются нормативными актами, регулирующими отношения в области использования воздушного пространства и в области авиации, они принимаются в порядке, определенном Правительством РФ.

Постановлением Правительства РФ от 27 марта 1998 г. № 360 утверждено Положение о подготовке федеральных правил использования воздушного пространства и федеральных авиационных правил, согласно которому федеральные авиационные правила являются частью воздушного законодательства Российской Федерации, они обязательны для исполнения гражданами и юридическими лицами (п. 1), при этом федеральные авиационные правила в области экспериментальной авиации утверждаются и вводятся в действие Росавиакосмосом (п. 6 в редакции постановления Правительства РФ от 15 апреля 2000 г. № 344, действующей до 20 июля 2010 г.).

Таким образом, утверждение федеральных авиационных правил в области экспериментальной авиации на день принятия Правил и впоследствии Приказа относилось к полномочиям Российского авиационно-космического агентства.

В силу ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

Указом Президента Российской Федерации “О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти” предусмотрено, что нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций или имеющие межведомственный характер, прошедшие государственную регистрацию в Минюсте России, подлежат обязательному официальному опубликованию, кроме актов или отдельных их положений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера (п. 8).

Согласно п. 9 Указа (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 13 августа 1998 г. № 963, действующей на день принятия Правил и Приказа) нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти подлежат официальному опубликованию в “Российской

газете” в течение десяти дней после дня их регистрации, а также в Бюллетене нормативных актов федеральных органов исполнительной власти издательства “Юридическая литература” Администрации Президента Российской Федерации. Официальным также является указанный Бюллетень, распространяемый в машиночитаемом виде научно-техническим центром правовой информации “Система”. Действующая редакция п. 9 Указа предусматривает, что названные акты в тот же исчисляемый срок подлежат официальному опубликованию в “Российской газете” или на “Официальном интернет-портале правовой информации” (www.pravo.gov.ru).

Правилами подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации предусмотрено, что государственной регистрации подлежат нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций, имеющие межведомственный характер, независимо от срока их действия, в том числе акты, содержащие сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера (п. 10). Государственная регистрация нормативных правовых актов осуществляется Министерством юстиции Российской Федерации, которое ведет Государственный реестр нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, и включает: юридическую экспертизу соответствия этого акта законодательству Российской Федерации; принятие решения о необходимости государственной регистрации данного акта; присвоение регистрационного номера; занесение в Государственный реестр нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти.

Из содержания общих положений Правил следует, что они определяют порядок организации летно-испытательной работы, выполнения испытательных полетов, управления полетами и их обеспечения в авиационных организациях экспериментальной авиации и являются обязательными для всех субъектов правоотношений, на которых распространяется действие воздушного законодательства Российской Федерации, регулирующего отношения в области деятельности экспериментальной авиации и использования воздушного пространства Российской Федерации, в том числе на юридических лиц, осуществляющих разработку, производство и испытания авиационной и другой техники, организацию летно-испытательной работы, выполнение испытательных полетов, управление полетами и их обеспечение (п. 1.1).

Правила, в частности, содержат определения различных терминов и понятий в области производства полетов в воздушном пространстве Российской Федерации (п. 1.2); регулируют вопросы организации летно-испытательной работы, в том числе состав и обязанности экипажа экспериментального воздушного судна, требования к планированию испытательных полетов, порядок допуска летного состава к полетам (глава III); устанавливают требования к управлению полетами,

состав группы руководства полетами и обеспечения полетов, обязанности руководителей полетов при управлении полетами и по окончании полетов (глава IV); определяют правила визуальных полетов и полетов по приборам, безопасные высоты полета, особенности выполнения испытательных полетов, регламентируют выполнение аэродромных, внеаэродромных, международных и иных полетов (глава V); предусматривают организацию штурманского, метеорологического, орнитологического, инженерно-авиационного, диспетчерского и иного обеспечения полетов (глава VI); содержат положения о расследовании авиационных происшествий, инцидентов и нарушений порядка использования воздушного пространства Российской Федерации (глава VII). Приложения к Правилам включают: максимальные значения параметров метеозащиты, определяющие полеты в сложных метеорологических условиях (№ 1); плановую таблицу полетов (№ 2); условные знаки для оформления плановых таблиц полетов и других документов (№ 3); журнал диспетчерских разрешений и решений командиров воздушных судов на вылет (№ 4); перечень основного типового оборудования рабочих мест руководителей полетов и диспетчеров аэродромного диспетчерского пункта на аэродромах экспериментальной авиации (№ 5); перечень основных нормативных правовых актов, методических, справочных и учетных документов на рабочих местах руководителей полетов и диспетчеров аэродромных диспетчерских пунктов (№ 6); журнал старшего руководителя полетов (№ 7); расчет минимальной безопасной высоты (эшелоны) полета (№ 8); расчет высоты для полета на заданном эшелоне при установке на шкале давления барометрического высотомера атмосферного давления на аэродроме (№ 9); сигналы (команды), подаваемые эволюциями самолета при управлении группой (№ 10); сигналы (команды), подаваемые экипажам воздушных судов при отсутствии радиосвязи (№ 11).

В свою очередь, взаимосвязанный с Правилами Приказ, пп. 1 и 2 которого введены в действие с 1 января 2003 г., предписывает, что впредь до утверждения новой редакции федеральных авиационных правил по производству полетов экспериментальной авиации пп. 1.2, 5.2, 5.3, 5.4, 5.6, 5.12, 5.14, 5.17, 5.18, 5.19, 5.20, 5.22, 5.23 и приложение № 11 к Правилам применять в части, не противоречащей Федеральным авиационным правилам полетов в воздушном пространстве Российской Федерации, утвержденным приказом Министра обороны РФ, Минтранса России и Росавиакосмоса от 31 марта 2002 г. № 136/42/51 (п. 1).

Из содержания Правил и Приказа следует, что их положения затрагивают права, свободы и обязанности человека и гражданина, имеют межведомственный характер, следовательно, они подлежали регистрации в Минюсте России и официальному опубликованию, однако данные правила введения в действие нормативных правовых актов не были соблюдены.

Необходимость государственной регистрации оспариваемых нормативных правовых актов следу-

ет также из Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных приказом Минюста России от 4 мая 2007 г. № 88, согласно которым государственной регистрации подлежат нормативные правовые акты, содержащие, в частности, правовые нормы, затрагивающие гражданские, политические, социально-экономические и иные права, свободы и обязанности граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, механизма реализации прав, свобод и обязанностей, а также имеющие межведомственный характер, т.е. содержащие правовые нормы, обязательные для других федеральных органов исполнительной власти и (или) организаций, не входящих в систему федерального органа исполнительной власти, утвердившего (двух или более федеральных органов исполнительной власти, совместно утвердивших) нормативный правовой акт (подп. “а”, “в” п. 12).

Довод Минпромторга России о том, что Положение о подготовке федеральных правил использования воздушного пространства и федеральных авиационных правил не содержит указания о государственной регистрации в Минюсте России разработанных правил, не опровергает вывод о несоблюдении органом, принявшим оспариваемые нормативные правовые акты, правил их введения в действие.

Согласно упоминаемому положению все без исключения федеральные авиационные правила являются частью воздушного законодательства Российской Федерации и обязательны для исполнения гражданами и юридическими лицами. Этим положением определен порядок принятия федеральных правил использования воздушного пространства и федеральных авиационных правил, в том числе установлены полномочия соответствующих органов на их подготовку (п. 2), утверждение (пп. 5—7). Данное положение ввиду иного предмета не регулирует правила государственной регистрации нормативных правовых актов, не устанавливает специальных правил введения в действие нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, исключаящих их обязательную государственную регистрацию.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в п. 4.1 Постановления от 31 марта 2015 г. № 6-П, легальность нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти предполагает не только наличие в них определенного, не противоречащего закону нормативного содержания (общего правила), но и соблюдение надлежащей законной формы, порядка принятия и обнародования. В действующей системе правового регулирования судебная проверка такого нормативного акта включает установление его соответствия федеральному закону по содержанию нормативных предписаний, по форме акта, а также по издавшему его субъекту, порядку принятия, опубликования и введения в действие.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 29 ноября 2007 г. № 48 “О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части” разъяснил: если суд установит, что при издании оспариваемого нормативного правового акта были нарушены требования законодательства хотя бы по одному из оснований, влекущих признание акта недействующим (в частности, несоблюдение предусмотренных правил введения нормативных правовых актов в действие), он вправе принять решение об удовлетворении заявления без исследования других обстоятельств по делу, в том числе содержания оспариваемого акта (п. 17).

Фактическое применение Правил и Приказа со дня принятия (каждого из них) не может подменять собой установленный порядок введения в действие нормативных правовых актов. Подобный способ легализации нормативных правовых актов, для которых необходимы обязательная государственная регистрация в Минюсте России и официальное опубликование, не предусмотрен законодательством Российской Федерации. Поэтому установленный судом по настоящему делу факт применения Правил и Приказа независимо от его продолжительности не имеет правового значения.

Федеральные органы исполнительной власти направляют для исполнения нормативные правовые акты, подлежащие государственной регистрации, только после их регистрации и официального опубликования (п. 19 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации).

Кроме того, административным ответчиком не представлены доказательства официального опубликования оспариваемых нормативных правовых актов. Адресная рассылка Правил и Приказа организациям, связанным с производством полетов экспериментальной авиации, аутентичный текст которых также не представлен суду, не относится к официальному опубликованию, предусмотренному Указом Президента Российской Федерации.

Пунктом 10 приведенного Указа Президента Российской Федерации предписано, что нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, кроме актов и отдельных их положений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера, не прошедшие государственную регистрацию, а также зарегистрированные, но не опубликованные в установленном порядке, не влекут правовых последствий как не вступившие в силу и не могут служить основанием для регулирования соответствующих правоотношений, применения санкций к гражданам, должностным лицам и организациям за невыполнение содержащихся в них предписаний. На указанные акты нельзя ссылаться при разрешении споров.

При установленных обстоятельствах и в силу п. 1 ч. 2 ст. 215 КАС РФ Правила и взаимосвязан-

ный с ними Приказ подлежат признанию не действующими со дня их принятия, поскольку как не вступившие в силу они не могут служить основанием для регулирования соответствующих правоотношений.

В настоящее время Минпромторг России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области развития авиационной техники и экспериментальной авиации (п. 1 Положения о Министерстве промышленности и торговли Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 438). Принятие данным Министерством федеральных авиационных правил в области экспериментальной авиации предусмотрено Положением о подготовке федеральных правил использования воздушного транспорта и федеральных авиационных правил (в ред. постановления Правительства РФ от 30 июня 2010 г. № 488).

В соответствии с ч. 4 ст. 216 КАС РФ в случае, если в связи с признанием судом нормативного правового акта не действующим полностью или в части выявлена недостаточная правовая урегулированность административных и иных публичных правоотношений, которая может повлечь за собой нарушение прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, суд вправе возложить на орган государственной власти, орган местного самоуправления, иной орган, уполномоченную организацию или должностное лицо, принявшие оспариваемый нормативный правовой акт, обязанность принять новый нормативный правовой акт, заменяющий нормативный правовой акт, признанный не действующим полностью или в части.

Поскольку отсутствие в настоящее время принятых и введенных в действие в установленном порядке федеральных авиационных правил в области экспериментальной авиации указывает на недостаточную правовую урегулированность публичных правоотношений, которая может повлечь за собой нарушение прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, суд считает необходимым возложить на Минпромторг России обязанность принять новый нормативный правовой акт, заменяющий нормативный правовой акт, признанный полностью не действующим.

Учитывая вышеизложенное, Верховный Суд РФ административное исковое заявление удовлетворил, признал не действующими со дня принятия Федеральные авиационные правила по производству полетов экспериментальной авиации, утвержденные приказом Российского авиационно-космического агентства от 28 июня 2000 г. № 104, и приказ генерального директора Российского авиационно-космического агентства от 21 октября 2002 г. № 149 “О применении федеральных авиационных правил по производству полетов экспериментальной авиации”.

**2. Пункты 1 и 7, подп. 2 п. 8
Порядка представления и контроля
отчетности об образовании, использовании,
обезвреживании и размещении отходов
(за исключением статистической отчетности),
утвержденного приказом Минприроды России
от 16 февраля 2010 г. № 30, в той мере,
в какой в системе действующего правового
регулирования употребление терминов
“использование отходов”, “использованных
отходов” в указанных нормах не соответствует
понятию “утилизация отходов”, содержащемуся
в абз. 8 ст. 1 Федерального закона
“Об отходах производства и потребления”
(в редакции от 29 июля 2018 г.), признаны
не действующими со дня вступления решения
в законную силу**

*Решение Верховного Суда РФ
от 18 октября 2018 г. № АКПИ18-493,
вступившее в законную силу*

(Извлечение)

Приказом Минприроды России от 16 февраля 2010 г. № 30 (далее — Приказ) утвержден Порядок представления и контроля отчетности об образовании, использовании, обезвреживании и размещении отходов (за исключением статистической отчетности) (далее — Порядок).

Порядок устанавливает требования к содержанию и представлению отчетности об образовании, использовании, обезвреживании, о размещении отходов (далее — отчетность) (п. 1). Отчетность составляется на основе данных первичного учета образовавшихся, использованных, обезвреженных, переданных другим юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, полученных от других юридических лиц и индивидуальных предпринимателей или физических лиц, а также размещенных отходов (п. 7). Отчетность включает баланс масс образовавшихся, использованных, обезвреженных, переданных другим юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, полученных от других юридических лиц и индивидуальных предпринимателей или физических лиц, размещенных отходов за отчетный период (подп. 2 п. 8); приложения к отчетности включают копии приемосдаточных актов о приеме лома и отходов черных и цветных металлов (подп. 3 п. 12).

Общество с ограниченной ответственностью “Союзвтормет” обратилось в Верховный Суд РФ с административным иском с заявлением о признании недействующими пп. 1, 7 и подп. 2 п. 8 Порядка в той части, в которой в указанных нормах употребляются слова “использование” и “использованных”, ссылаясь на то, что в оспариваемой части они противоречат Федеральному закону от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ “Об отходах производства и потребления” (далее — Закон об отходах) в действующей редакции.

Общество также просит признать недействующим подп. 3 п. 12 Порядка как не соответст-

вующий пп. 3 и 4 ст. 13¹ Закона об отходах. По мнению административного истца, приемосдаточные акты о приеме лома и отходов черных и цветных металлов, которые в силу оспариваемой нормы необходимо представлять в качестве приложения к отчетности, не подтверждают передачу отходов по классификации в соответствии с Федеральным классификационным каталогом отходов, утвержденным приказом Федеральной службы по надзору в сфере природопользования от 22 мая 2017 г. № 242 (далее — ФККО), поскольку эти акты заполняются по форме согласно приложению № 1 к Правилам обращения с ломом и отходами черных металлов и их отчуждения, утвержденным постановлением Правительства РФ от 11 мая 2001 г. № 369, с применением ГОСТ, а терминология ФККО и ГОСТ имеет несоответствие.

Верховный Суд РФ 18 октября 2018 г. заявленное требование частично удовлетворил, указав следующее.

Правовые основы обращения с отходами производства и потребления в целях предотвращения вредного воздействия отходов производства и потребления на здоровье человека и окружающую среду, а также вовлечения таких отходов в хозяйственный оборот в качестве дополнительных источников сырья определяет Закон об отходах.

В силу п. 4 ст. 18 Закона об отходах (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 309-ФЗ) порядок разработки и утверждения нормативов образования отходов и лимитов на их размещение, представления и контроля отчетности об образовании, использовании, обезвреживании, о размещении отходов (за исключением статистической отчетности) устанавливает федеральный орган исполнительной власти в области обращения с отходами.

Таким федеральным органом в силу п. 1 Положения о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 29 мая 2008 г. № 404 (в ред. постановления Правительства РФ от 27 января 2010 г. № 717), являлось Минприроды России, которое на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов Президента Российской Федерации и Правительства РФ самостоятельно принимало порядок разработки и утверждения нормативов образования отходов и лимитов на их размещение, представления и контроля отчетности об образовании, использовании, обезвреживании и размещении отходов (за исключением статистической отчетности) (подп. 5.2.56.1 п. 5.2 Положения).

Во исполнение приведенных предписаний закона и на основании предоставленных полномочий Минприроды России разработало и утвердило Порядок.

Процедура издания, введения в действие и опубликования Приказа, утвердившего Порядок, соответствует положениям Указа Прези-

дента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 “О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти” и Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009.

В настоящее время п. 7 ст. 18 Закона об отходах (в действующей редакции) полномочия по установлению порядка представления и контроля отчетности об образовании, утилизации, обезвреживании, о размещении отходов (за исключением статистической отчетности) субъектами малого и среднего предпринимательства, в процессе хозяйственной и (или) иной деятельности которых образуются отходы на объектах, подлежащих федеральному государственному экологическому надзору, предоставлены уполномоченному Правительством РФ федеральному органу исполнительной власти, которым является Минприроды России согласно п. 1 и подп. 5.2.60 п. 5.2 Положения о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 11 ноября 2015 г. № 1219.

Порядок устанавливает требования к содержанию и представлению отчетности об образовании, использовании, обезвреживании, о размещении отходов (п. 1).

Закон об отходах в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 309-ФЗ под обращением с отходами понимал деятельность по сбору, накоплению, использованию, обезвреживанию, транспортированию, размещению отходов. Сбором отходов являлись прием или поступление отходов от физических лиц и юридических лиц в целях дальнейшего использования, обезвреживания, транспортирования, размещения таких отходов, а накоплением отходов — временное складирование отходов (на срок не более чем шесть месяцев) в местах (на площадках), обустроенных в соответствии с требованиями законодательства в области охраны окружающей среды и законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, в целях их дальнейшего использования, обезвреживания, размещения, транспортирования. Под использованием отходов понималось применение отходов для производства товаров (продукции), выполнения работ, оказания услуг или для получения энергии; под обезвреживанием отходов — обработка отходов, в том числе сжигание и обеззараживание отходов на специализированных установках, в целях предотвращения вредного воздействия отходов на здоровье человека и окружающую среду; под транспортированием отходов — перемещение отходов с помощью транспортных средств вне границ земельного участка, находящегося в собственно-

сти юридического лица или индивидуального предпринимателя либо предоставленного им на иных правах; под размещением отходов — хранение и захоронение отходов.

Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 458-ФЗ в Закон об отходах внесены изменения, в том числе и в его ст. 1.

Согласно внесенным изменениям в настоящее время обращением с отходами является деятельность по сбору, накоплению, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению отходов.

Данным понятием как самостоятельный вид исключена деятельность по использованию отходов и включены виды деятельности по обработке и утилизации отходов.

В соответствии с Законом об отходах в действующей редакции утилизация отходов представляет собой использование отходов для производства товаров (продукции), выполнения работ, оказания услуг, включая повторное применение отходов, в том числе повторное применение отходов по прямому назначению (рециклинг), их возврат в производственный цикл после соответствующей подготовки (регенерация), а также извлечение полезных компонентов для их повторного применения (рекуперация).

В значение понятия “утилизация отходов” включено ранее действовавшее понятие “использование отходов”, которое расширено повторным применением отходов (рециклинг, регенерация и рекуперация), в связи с чем оно фактически имеет более широкое правовое применение.

Учитывая изложенное, нельзя согласиться с утверждением административных ответчиков о том, что понятие “использование отходов” заменено не совпадающим с ним понятием “утилизация отходов”.

Из анализа законоположений следует, что употребление слов “использование” и “использованных” в оспариваемых предписаниях пп. 1 и 7 и подп. 2 п. 8 Порядка не соответствует действующему федеральному законодательству и порождает правовую неопределенность в их применении, в связи с чем данные нормы Порядка в оспариваемой части подлежат признанию недействующими.

Вместе с тем довод административного истца о несоответствии подп. 3 п. 12 Порядка пп. 3 и 4 ст. 13.1 Закона об отходах является несостоятельным.

Статьей 13¹ Закона об отходах закреплены требования к обращению с ломом и отходами цветных и (или) черных металлов и их отчуждению, в частности установлено, что юридические лица и индивидуальные предприниматели могут осуществлять обращение с ломом и отходами цветных металлов и их отчуждение в случае, если имеются документы, подтверждающие их право собственности на указанные лом и отходы (п. 2), правила обращения с ломом и

отходами цветных и черных металлов и их отчуждения устанавливаются Правительством РФ (пп. 3 и 4).

Правила обращения с ломом и отходами цветных металлов и их отчуждения, утвержденные постановлением Правительства РФ от 11 мая 2001 г. № 370, и Правила обращения с ломом и отходами черных металлов и их отчуждения, утвержденные постановлением Правительства РФ от 11 мая 2001 г. № 369, в пп. 11 и 10 соответственно закрепляют, что прием лома и отходов черных и цветных металлов осуществляется с обязательным составлением на каждую партию лома и отходов приемосдаточного акта, который составляется в 2 экземплярах (один передается лицу, сдающему лом и отходы черных металлов, второй остается у лица, осуществляющего прием). Указанные акты являются документами строгой отчетности и должны иметь сквозную нумерацию.

Следовательно, требование подп. 3 п. 12 Порядка о включении в приложение к отчетности копии приемосдаточных актов о приеме лома и отходов черных и цветных металлов в полной мере согласуется с приведенными нормативными предписаниями.

Довод административного истца о том, что данные акты не подтверждают передачу отходов по классификации, утвержденной ФККО, не имеет правового значения по делу, поскольку оспариваемая норма не содержит в себе указания о предоставлении приемосдаточных актов, заполненных по классификации ФККО.

Ввиду того, что оспариваемые в части пп. 1 и 7 и подп. 2 п. 8 Порядка противоречат нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу, заявленное требование в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 215 КАС РФ подлежит удовлетворению частично.

Принимая во внимание, что Порядок до вынесения решения судом применялся юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями в целях представления отчетности в территориальные органы Росприроднадзора по месту осуществления своей хозяйственной и иной деятельности, в результате которой образуются отходы, оспариваемые положения подлежат признанию не действующими со дня вступления решения в законную силу.

Учитывая изложенное, Верховный Суд РФ административное исковое заявление удовлетворил частично, признал не действующими со дня вступления решения в законную силу пп. 1 и 7, подп. 2 п. 8 Порядка в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования употребление терминов “использование отходов”, “использованных отходов” в указанных нормах не соответствует понятию “утилизация отходов”, содержащемуся в абз. 8 ст. 1 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ “Об отходах производства и потребления” (в редакции от 29 июля 2018 г.).

3. Пункт 1 указаний начальника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ — первого заместителя Министра обороны РФ от 17 февраля 2018 г. № 317/6/25 в той мере, в какой по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой до дня признания названных указаний утратившими силу 10 ноября 2018 г., его действие было распространено на граждан — пользователей архивными документами Центрального архива Минобороны России в части запрета на использование собственных технических средств без звуковых сигналов и без подключения к информационно-телекоммуникационным сетям архива при изучении в читальном зале архива дел, документов, справочно-поисковых средств к ним, печатных изданий, доступ к которым не ограничен, для осуществления выписок, набора текста, изготовления копий дел, документов, печатных изданий, признан не действующим со дня принятия

*Решение Верховного Суда РФ
от 15 ноября 2018 г. № АКПИ18-918,
вступившее в законную силу*

(Извлечение)

Г. обратился в Верховный Суд РФ с административным иском заявлением, в котором просил признать недействующими указания начальника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ от 17 февраля 2018 г. № 317/6/25 (далее — Указания) в части запрета на использование технических средств личного пользования (телефонов сотовой связи, фото- и видеокамер и т.д.) для копирования при работе с делами, документами, справочно-поисковыми средствами к ним в читальном зале Центрального архива Минобороны России (войсковая часть 00500), ссылаясь на их противоречие ст. 25, чч. 1, 3 ст. 26 Федерального закона от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ “Об архивном деле в Российской Федерации”, Порядку использования архивных документов в государственных и муниципальных архивах, утвержденному приказом Федерального архивного агентства от 1 сентября 2017 г. № 143, п. 255 Наставления по архивному делу в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны РФ от 31 августа 2005 г. № 200.

Требование мотивировано тем, что Указания являются нормативным правовым актом, изданы федеральным органом исполнительной власти, обязательны к исполнению на территории Российской Федерации, рассчитаны на неоднократное применение неограниченным кругом лиц, в том числе физических, и нарушают его право на использование технических средств личного пользования в читальном зале Центрального архива Минобороны России.

Верховный Суд РФ 15 ноября 2018 г. административный иск удовлетворил, указав следующее.

В силу пп. 1, 2 Положения о Генеральном штабе Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 23 июля 2013 г. № 631 (да-

лее — Положение) Генеральный штаб Вооруженных Сил РФ (далее — Генеральный штаб) является центральным органом военного управления Минобороны России и основным органом оперативного управления Вооруженными Силами РФ. Руководство деятельностью Генерального штаба осуществляет Министр обороны РФ.

Согласно п. 3 Положения Генеральный штаб в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, приказами и директивами Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами РФ, постановлениями и распоряжениями Правительства РФ, приказами и директивами Министра обороны РФ, а также Положением.

Пунктами 25, 27 Положения установлено, что Генеральный штаб возглавляет начальник Генерального штаба Вооруженных Сил РФ — первый заместитель Министра обороны РФ, который издает приказы, директивы Генерального штаба, дает указания, при реализации решений Министра обороны РФ отдает приказание подчиненным Министру обороны РФ лицам от его имени, организует и контролирует их исполнение.

Начальник Генерального штаба как первый заместитель Министра обороны РФ имеет право подписывать приказы и директивы Министра обороны РФ (за исключением приказов, подлежащих государственной регистрации) по вопросам, относящимся к его компетенции, представлять Минобороны России во взаимоотношениях с Правительством РФ, федеральными органами исполнительной власти, законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, судами, вести переписку от имени Минобороны России, давать по вопросам, относящимся к его компетенции, указания, обязательные для исполнения заместителями Министра обороны РФ, главнокомандующими видами Вооруженных Сил, командующими войсками военных округов, командующими родами войск Вооруженных Сил, должностными лицами видов Вооруженных Сил, военных округов, родов войск Вооруженных Сил, центральных органов военного управления, органов военного управления, соединений, воинских частей и организаций Вооруженных Сил.

В соответствии с пп. 1, 6 и 7 Положения Генеральный штаб является органом, наделенным государственными властными полномочиями, осуществляющим в том числе функции по организации управления Вооруженными Силами и выполняющим в том числе задачи по организации мероприятий по защите государственной тайны в Вооруженных Силах и подведомственных Минобороны России федеральных органах исполнительной власти и организациях и контроль за их реализацией.

Выполняя названные функции, Генеральный штаб издал Указания в целях предотвращения в Вооруженных Силах РФ утечки информации ограниченного доступа.

Пункт 1 Указаний содержит требования: “Запретить внос и использование на территории воинских частей технических средств личного пользования (телефонов сотовой связи, смартфонов, коммуникаторов, ноутбуков, планшетных компьютеров, средств спутниковой связи и навигации, модемов, диктофонов, фото- и видеокамер, видеорегистраторов, “умных” часов, фитнес-браслетов и т.д.), имеющих расширенные мультимедийные возможности (функции аудиозаписи, фото- и видеосъемки, геолокации, навигации, передачи данных по сети “Интернет”, модули Wi-Fi и Bluetooth инфракрасный порт, разъем внешней памяти и т.д.)”.

В силу приведенных норм Указания являются обязательными для исполнения заместителями Министра обороны РФ, главнокомандующими видами Вооруженных Сил, командующими войсками военных округов, командующими родами войск Вооруженных Сил, должностными лицами видов Вооруженных Сил, военных округов, родов войск Вооруженных Сил, центральных органов военного управления, органов военного управления, соединений, воинских частей и организаций Вооруженных Сил.

Вместе с тем по смыслу, придаваемому оспариваемому пункту правоприменительной практикой воинских частей и организаций Вооруженных Сил, его действие распространено на неограниченный круг лиц — пользователей архивными документами Центрального архива Минобороны России и рассчитано на неоднократное применение.

Так, из материалов дела следует, что указанный архив расположен на территории ФГКУ “Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации” (войсковая часть 00500), которое, в свою очередь, организовало выполнение вступивших в силу 17 февраля 2017 г. Указаний о запрете использования собственных технических средств в воинских частях и организациях Вооруженных Сил, в том числе осуществляет на основании его требований соответствующий пропускной режим. Данные обстоятельства указаны в письмах ФГКУ “Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации” от 6 марта 2018 г. № 1/3290 и от 7 июня 2018 г. № 1/153141.

Факт распространения предусмотренного п. 1 Указаний запрета на пользователей архивными документами подтверждается также ответом ФГКУ “Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации” от 1 июня 2018 г. № упр/3774, направленным в адрес председателя Комитета по обороне Государственной Думы Федерального Собрания РФ в связи с поступившим коллективным обращением по вопросу защиты интересов исследователей, работающих с архивными фондами, и ответом начальника Архивной службы Вооруженных Сил РФ от 16 мая 2018 г. № 350/00392.

Как указано в ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации, любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанно-

сти человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

Правилами подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденными постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009, определено, что нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти издаются в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций и положений. Издание нормативных правовых актов в виде писем и телеграмм не допускается (п. 2). Согласно пп. 9, 10, 11, 19 приведенных Правил нормативные правовые акты, созданные на бумажном носителе, подписываются (утверждаются) руководителем федерального органа исполнительной власти или лицом, исполняющим его обязанности, собственноручно; государственная регистрация нормативных правовых актов осуществляется Минюстом России, такой регистрации подлежат нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций, имеющие межведомственный характер, независимо от срока их действия, в том числе акты, содержащие сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера; данные нормативные правовые акты направляются на исполнение только после их регистрации и официального опубликования.

В соответствии с пп. 9, 10 Указа Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 “О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти” официальным опубликованием нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти считается первая публикация их полных текстов в “Российской газете” или первое размещение (опубликование) на “Официальном интернет-портале правовой информации” (www.pravo.gov.ru). Официальными являются также тексты нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, размещаемые на интернет-портале “Российской газеты” (www.rg.ru), функционирование которого обеспечивает федеральное государственное бюджетное учреждение “Редакция “Российской газеты””. Нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, кроме актов и отдельных их положений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера, не прошедшие государственную регистрацию, а также зарегистрированные, но не опубликованные в установленном порядке, не влекут правовых последствий как не вступившие в силу и не могут служить основанием для регулирования соответствующих правоотношений, применения санкций к гражданам, должностным лицам и организациям за невыполнение содержащихся в них предписаний.

Применяемый в отношении неопределенного круга лиц запрет, установленный п. 1 Указаний, затрагивает права, свободы и обязанности человека и гражданина. Вместе с тем данное общеобязательное, как указано выше, нормативное предписание издано не в форме соответствующего нормативного правового акта и без соблюдения установленных законодательством Российской Федерации требований к порядку его подготовки, принятию, государственной регистрации и опубликованию.

Согласно указаниям первого заместителя Министра обороны РФ от 10 ноября 2018 г. № 317/6/10678дсп оспариваемые административным истцом Указания признаны утратившими силу.

Основанные на данном факте доводы представителей начальника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ — первого заместителя Министра обороны РФ и Минобороны России о наличии основания для прекращения производства по делу подлежат отклонению.

Кодексом административного судопроизводства РФ в ч. 2 ст. 194 предусмотрено, что суд вправе прекратить производство по административному делу в случае, если оспариваемые нормативный правовой акт, решение отменены или пересмотрены и перестали затрагивать права, свободы и законные интересы административного истца.

Между тем в соответствии с ч. 11 ст. 213 Кодекса утрата нормативным правовым актом силы или его отмена в период рассмотрения административного дела об оспаривании нормативного правового акта не может служить основанием для прекращения производства по этому административному делу в случае, если при его рассмотрении установлены применение оспариваемого нормативного правового акта в отношении административного истца и нарушение его прав, свобод и законных интересов.

При рассмотрении настоящего административного дела установлено применение п. 1 Указаний в отношении Г. и нарушение его прав, предусмотренных действующим законодательством, что исключает удовлетворение ходатайства о прекращении производства по делу и влечет необходимость разрешения административного дела по существу в целях выполнения задач административного судопроизводства, определенных в ст. 2 Кодекса.

Согласно ч. 1 ст. 26 Федерального закона “Об архивном деле в Российской Федерации” пользователь архивными документами имеет право использовать, передавать, распространять информацию, содержащуюся в предоставленных ему архивных документах, а также копии архивных документов для любых законных целей и любым законным способом.

Доступ к архивным документам может быть ограничен в соответствии с международным договором Российской Федерации, законодательством Российской Федерации, а также в соответствии с распоряжением собственника или владельца архивных документов, находящихся в частной собственности. Федеральным законом “Об архивном деле в Российской Федерации” ограничен доступ к архивным документам, независи-

мо от их форм собственности, содержащим сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законодательством Российской Федерации тайну, к подлинникам особо ценных документов, в том числе уникальных документов, и документам Архивного фонда РФ, признанным в порядке, установленном уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в сфере архивного дела и делопроизводства, находящимися в неудовлетворительном физическом состоянии; а также к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности (чч. 1—3 ст. 25 указанного Федерального закона).

Основные правила организации и ведения архивного дела в Вооруженных Силах РФ определены в Наставлении по архивному делу в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденном приказом Министра обороны РФ от 31 августа 2005 г. № 200, согласно которому архивное дело в Вооруженных Силах организуется в соответствии с Федеральным законом “Об архивном деле в Российской Федерации”, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, приказами и директивами Министра обороны Российской Федерации, данным наставлением; в систему архивов Вооруженных Сил входит Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации с филиалом (пп. 2, 12).

Организацию работы пользователей с документами Архивного фонда Российской Федерации и другими архивными документами, не содержащими сведения, составляющие государственную тайну, справочно-поисковыми средствами к ним и находящимися на хранении в научно-справочных библиотеках архивов печатными изданиями в читальных залах (просмотровых залах, комнатах прослушивания фонодокументов, помещениях каталогов) государственных и муниципальных архивов или (при отсутствии специально выделенного помещения) в рабочей комнате архива под контролем работника архива регламентирует Порядок использования архивных документов в государственных и муниципальных архивах Российской Федерации (далее — Порядок).

Подпунктами 4.1.13, 4.1.14 Порядка предусмотрено, что пользователь вправе использовать при изучении дел, документов, справочно-поисковых средств к ним, печатных изданий для осуществления выписок и набора текста собственные технические средства без звуковых сигналов и без подключения к информационно-телекоммуникационным сетям архива или арендовать технические средства архива; заказывать либо изготавливать самостоятельно арендуемыми техническими средствами архива или собственным техническим средством копии архивных дел, документов, печатных изданий в объеме не более 100 листов (кадров, электронных образов) в течение рабочего дня на возмездной основе при соблюдении требований подп. 4.2.21—4.2.25 этого же Порядка.

Пункт 1 Указаний в той мере, в какой по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой до дня признания названных ука-

заний утратившими силу 10 ноября 2018 г., его действие было распространено на граждан — пользователей архивными документами Центрального архива Минобороны России, не соответствует приведенным нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу, так как устанавливает запрет пользователю на использование собственных технических средств без звуковых сигналов и без подключения к информационно-телекоммуникационным сетям архива при изучении в читальном зале архива дел, документов, справочно-поисковых средств к ним, печатных изданий, доступ к которым не ограничен, для осуществления выписок, набора текста, изготовления копий дел, документов, печатных изданий.

На основании изложенного Верховный Суд РФ заявленные требования удовлетворил, признал не действующим со дня принятия п. 1 указаний начальника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ — первого заместителя Министра обороны РФ от 17 февраля 2018 г. № 317/6/25 в той мере, в какой по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой до дня признания названных указаний утратившими силу 10 ноября 2018 г., его действие было распространено на граждан — пользователей архивными документами Центрального архива Министерства обороны РФ в части запрета на использование собственных технических средств без звуковых сигналов и без подключения к информационно-телекоммуникационным сетям архива при изучении в читальном зале архива дел, документов, справочно-поисковых средств к ним, печатных изданий, доступ к которым не ограничен, для осуществления выписок, набора текста, изготовления копий дел, документов, печатных изданий.

4. Абзац 6 п. 3.15 Правил аттестации на право управления маломерными судами, поднадзорными Государственной инспекции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, утвержденных приказом МЧС России от 27 мая 2014 г. № 262, в той мере, в какой он в системе действующего правового регулирования ставит в зависимость от представления заявителем медицинской справки о годности к управлению маломерным судном выдачу дубликата удостоверения в связи с его утерей либо приходом в негодность, признан не действующим со дня вступления решения суда в законную силу

*Решение Верховного Суда РФ
от 23 октября 2018 г. № АКПИ18-826,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 19 февраля 2019 г. № АПЛ19-25*

(Извлечение)

Приказом МЧС России от 27 мая 2014 г. № 262 (далее — Приказ) утверждены Правила аттестации на право управления маломерными судами, поднадзорными Государственной инспек-

ции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее — Правила аттестации). Нормативный правовой акт зарегистрирован в Минюсте России 20 августа 2014 г., № 33667, и опубликован 26 ноября 2014 г. в “Российской газете”, № 269.

Пункт 3.15 Правил аттестации определяет перечень документов, представляемых заявителем для выдачи дубликата удостоверения в связи с его утерей или приходом в негодность. Согласно абз. 6 данного пункта наряду с письменным заявлением о необходимости выдачи дубликата удостоверения, документом, удостоверяющим личность, личной карточкой судоводителя, пришедшим в негодность удостоверением или его остатками заявитель обязан представить медицинскую справку.

К. обратился в Верховный Суд РФ с административным иском о признании недействующим положения абз. 6 п. 3.15 Правил аттестации, ссылаясь на то, что оно противоречит Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”, Правилам проведения экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений, утвержденным постановлением Правительства РФ от 24 октября 2014 г. № 1097, регулирующим сходные правоотношения, и ограничивает его право управления маломерным судном.

Верховный Суд РФ 23 октября 2018 г. административное исковое заявление удовлетворил частично по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1, подп. 2 п. 8 Положения о Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 г. № 868, МЧС России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию, а также по надзору и контролю в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (далее — чрезвычайные ситуации), обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах, в соответствии с возложенными на него задачами разрабатывает и утверждает (устанавливает) нормативные правовые акты по вопросам, касающимся установленной сферы деятельности, за исключением вопросов, правовое регулирование которых осуществляется исключительно федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства РФ.

Согласно пп. 1 и 4 Положения о Государственной инспекции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам граж-

данской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, утвержденному постановлением Правительства РФ от 23 декабря 2004 г. № 835 (далее — Положение), осуществление государственного надзора за маломерными судами и базами (сооружениями) для их стоянок и их использованием во внутренних водах и в территориальном море Российской Федерации (далее — водные объекты) и обеспечение безопасности людей на водных объектах отнесено к компетенции Государственной инспекции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее — Государственная инспекция по маломерным судам), входящей в систему МЧС России (п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 г. № 868).

Государственная инспекция по маломерным судам разрабатывает типовые программы обучения и осуществляет прием экзаменов по судоводждению, правилам пользования и навыкам практического управления маломерными судами, водными мотоциклами (гидроциклами), аттестацию судоводителей и выдачу им удостоверений на право управления маломерным судном, в том числе временных разрешений на право управления маломерным судном (подп. 5 п. 5 Положения).

Согласно абз. 3 п. 7 Положения акты, регламентирующие аттестацию на право управления маломерными судами, надзор во внутренних водах и территориальном море Российской Федерации за использованием маломерными судами и базами (сооружениями) для их стоянок и формы судового билета и документов, подтверждающих право управления маломерным судном, утверждаются Министром Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

Во исполнение приведенных предписаний и на основании предоставленных полномочий МЧС России разработало и утвердило Правила аттестации.

Процедура издания, введения в действие и опубликования Приказа, утвердившего указанные правила, соответствует положениям Указа Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 “О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти” и Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009.

Таким образом, оспариваемый нормативный правовой акт принят компетентным органом с соблюдением установленного порядка введения в действие и опубликования.

Правила аттестации определяют порядок определения уровня знаний, умений и навыков при аттестации для предоставления права управления маломерными судами, используемыми в некоммерческих целях и подлежащими регистрации в реестре маломерных судов (далее — маломерные суда). Аттестация на право управления маломерными судами (далее — аттестация) предусматривает систему мероприятий, направленных на определение способности безопасно управлять маломерными судами, осуществляется в отношении физических лиц и проводится по их заявлению (пп. 1.1 и 1.2).

Документом, удостоверяющим право его владельца управлять в указанном районе плавания маломерным судном указанного типа, используемым в некоммерческих целях, является удостоверение на право управления маломерным судном (далее — удостоверение), которое действительно в течение 10 лет со дня его выдачи (пп. 1.5, 7.3).

Как указано в п. 1.6 Правил аттестации, сроки и последовательность административных процедур (административных действий) аттестации устанавливаются приказом МЧС России от 27 мая 2014 г. № 263 “Об утверждении Административного регламента Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий предоставления государственной услуги по аттестации на право управления маломерными судами, поднадзорными Государственной инспекции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий” (далее — Административный регламент).

Предусмотренные для аттестации мероприятия, направленные на определение способности безопасно управлять маломерными судами, проводятся аттестационными комиссиями на право управления маломерным судном (далее — аттестационные комиссии), которые в своей деятельности руководствуются законодательством Российской Федерации, Правилами аттестации, Административным регламентом и другими нормативными правовыми актами, касающимися использования и обслуживания маломерных судов (пп. 2.1, 2.2 Правил аттестации).

Административным регламентом установлен перечень документов, необходимых для предоставления государственной услуги по аттестации (далее — входные документы), которые подразделяются на документы, подлежащие представлению на бумажном носителе лично заявителем, и документы, подлежащие получению по запросу в единой системе межведомственного электронного взаимодействия. Лично заявителем на бумажном носителе при каждом случае предоставления государственной услуги по аттестации представляются заявление, документ, удостоверяющий личность, медицинская справка о годности к управлению маломерным судном (далее — медицинская справка) (пп. 22 и 23).

Из положений п. 24 Административного регламента следует, что при предоставлении государственной услуги по аттестации с целью получения права управления маломерным судном заявление оформляется на бланке личной карточки судоводителя, форма которой приведена в приложении № 2 к Административному регламенту, а при выдаче дубликата удостоверения в связи с его утерей или приходом в негодность заявление оформляется в произвольной форме с указанием причин его представления на бумажном листе формата А4. Бланк личной карточки судоводителя на бумажном носителе выдается в подразделении Государственной инспекции по маломерным судам (далее — ГИМС).

Медицинская справка представляется по результатам медицинского освидетельствования, проводимого организацией, имеющей соответствующую лицензию, для определения в установленном порядке годности по состоянию здоровья к управлению маломерными судами (п. 26 Административного регламента).

Такая справка выдается в соответствии с Инструкцией о порядке предварительных и периодических медицинских осмотров судоводителей индивидуальных маломерных судов, утвержденной приказом Министерства здравоохранения СССР от 26 мая 1986 г. № 724, лицам, признанным годными по состоянию здоровья к управлению индивидуальными маломерными судами, подписывается врачом-терапевтом, ответственным за медицинский осмотр, и заведующим терапевтическим отделением поликлиники (п. 6).

Из содержания личной карточки судоводителя усматривается, что в ней отражаются результаты проверки теоретических знаний, реквизиты выданного судоводителю на основании Протокола заседания аттестационной комиссии удостоверения на право управления маломерным судном соответствующего типа. В карточку также заносятся данные о представлении заявителем медицинской справки, являющейся одним из необходимых документов для принятия аттестационной комиссией решения о допуске к аттестации (приложение № 2 к Административному регламенту).

Пунктом 30 Административного регламента предусмотрено, что в подразделении ГИМС с документов заявителя, удостоверяющих личность, и документов о подготовке или квалификации снимаются копии, после чего эти документы возвращаются заявителю.

Входными документами, находящимися в распоряжении государственных органов, являются: документы (информация) об уплате заявителем государственной пошлины; документы с результатами аттестаций заявителя, проводившихся ранее (данные, внесенные в личные карточки судоводителя по результатам проводившихся ранее аттестаций). Непредставление заявителем указанных документов не является основанием для отказа заявителю в предоставлении

государственной услуги по аттестации (п. 32 Административного регламента).

В силу пп. 34 и 35 Административного регламента данные, внесенные в личные карточки судоводителя по результатам проводившихся ранее аттестаций, содержатся в электронной базе автоматизированной информационной системы ГИМС МЧС России (далее — АИС ГИМС) и получают подразделением ГИМС в установленном порядке. Заявитель вправе по собственной инициативе представить документы, подтверждающие факт уплаты государственной пошлины, а также имеющуюся личную карточку судоводителя с результатами аттестаций, проводившихся ранее.

Из анализа приведенных норм следует, что медицинская справка заявителем представляется в числе других документов для прохождения аттестации с целью получения права управления маломерным судном, которое подтверждается выдачей удостоверения. Сведения о наличии медицинской справки, результаты аттестации, данные о выданном удостоверении, внесенные в личную карточку судоводителя, находятся в распоряжении подразделений ГИМС.

Административный регламент не содержит предписаний, возлагающих на заявителя обязанность при выдаче дубликата удостоверения в связи с его утерей или приходом в негодность представлять медицинскую справку.

Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» в ст. 7 запрещает органам, предоставляющим государственные и муниципальные услуги, требовать от заявителя: представления документов и информации или осуществления действий, представление или осуществление которых не предусмотрено нормативными правовыми актами, регулирующими отношения, возникающие в связи с предоставлением государственных и муниципальных услуг, а также представления документов и информации, в том числе подтверждающих внесение заявителем платы за предоставление государственных и муниципальных услуг, которые находятся в распоряжении органов, предоставляющих государственные услуги, за исключением документов, включенных в определенный ч. 6 данной статьи перечень документов. Заявитель вправе представить указанные документы и информацию в органы, предоставляющие государственные услуги, и органы, предоставляющие муниципальные услуги, по собственной инициативе (пп. 1 и 2 ч. 1).

Учитывая, что последовательность административных процедур (административных действий) аттестации, деятельность аттестационных комиссий осуществляются в соответствии с Административным регламентом, а выдача дубликата удостоверения в связи с его утерей или приходом в негодность производится посредством предоставления соответствующей государственной услуги, положение абз. 6 п. 3.15 Правил аттестации, возлагающее на заявителя обязанность

представлять медицинскую справку, в указанном случае нельзя признать правомерным.

Выдаваемая заявителю медицинская справка является результатом медицинского освидетельствования.

Частью 1 ст. 65 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” установлено, что медицинское освидетельствование лица представляет собой совокупность методов медицинского осмотра и медицинских исследований, направленных на подтверждение такого состояния здоровья человека, которое влечет за собой наступление юридически значимых последствий.

В случае признания лица в результате медицинского освидетельствования по состоянию здоровья годным к управлению маломерным судном и успешного прохождения аттестации юридически значимым последствием для него является получение им права управления маломерным судном, которое подтверждается удостоверением. Утрата удостоверения в период срока его действия не влечет за собой прекращение данного права, в связи с чем не требует повторного прохождения медицинского освидетельствования, а заявитель вправе представить медицинскую справку в органы, предоставляющие государственные и муниципальные услуги, по собственной инициативе.

Дубликат удостоверения содержит те же сведения, что и утраченное либо пришедшее в негодность, а срок действия дубликата должен соответствовать сроку действия утраченного либо пришедшего в негодность удостоверения.

Правила проведения экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений, утвержденные постановлением Правительства РФ от 24 октября 2014 г. № 1097 (в ред. постановления Правительства РФ от 23 марта 2017 г. № 326), регулирующие сходные правоотношения, для выдачи водительского удостоверения взамен ранее выданного при поступлении заявления об утрате (хищении) водительского удостоверения, а также в случае, если водительское удостоверение пришло в негодность для дальнейшего использования вследствие износа, повреждения или других причин и сведения, указанные в нем (либо в его части), невозможно определить визуально, предоставления медицинского заключения не требуют. В этих случаях медицинское заключение представляется по желанию заявителя (подп. “в” п. 30).

Учитывая изложенное, Верховный Суд РФ административное исковое заявление удовлетворил частично, признал не действующим со дня вступления решения суда в законную силу положение абз. 6 п. 3.15 Правил аттестации в той мере, в какой оно в системе действующего правового регулирования выдачу дубликата удостоверения в связи с его утерей либо приходом в негодность ставит в зависимость от представления заявителем медицинской справки.

5. Пункт 24 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений, утвержденного приказом МВД России от 20 октября 2015 г.

№ 995, в той мере, в какой его положение в системе действующего правового регулирования не допускает подтверждения плательщиком факта уплаты государственной пошлины способами, предусмотренными абз. 2 и 3 п. 3 ст. 333¹⁸ НК РФ: в безналичной форме — платежным поручением с отметкой банка или соответствующего территориального органа Федерального казначейства (иного органа, осуществляющего открытие и ведение счетов), в том числе производящего расчеты в электронной форме, о его исполнении; в наличной форме — либо квитанцией установленной формы, выдаваемой плательщику банком, либо квитанцией, выдаваемой плательщику должностным лицом или кассой органа, в который производилась оплата, признан не действующим с момента вступления в законную силу решения суда

*Решение Верховного Суда РФ
от 25 октября 2018 г. № АКПИ18-886,
вступившее в законную силу*

(Извлечение)

Приказом МВД России от 20 октября 2015 г. № 995 (далее — Приказ) утвержден Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений (далее — Административный регламент).

Пунктом 24 Административного регламента установлено, что факт уплаты государственной пошлины плательщиком подтверждается информацией об уплате государственной пошлины, содержащейся в Государственной информационной системе о государственных и муниципальных платежах.

П. обратилась в Верховный Суд РФ с административным исковым заявлением о признании недействующим указанного пункта Административного регламента, ссылаясь на то, что в нарушение требований п. 3 ч. 2 ст. 12 Федерального закона “Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг” он не предусматривает положений, устанавливающих последовательность (порядок) и срок проверки платежа через Государственную информационную систему о государственных и муниципальных платежах (далее — ГИС ГМП).

Верховный Суд РФ 25 октября 2018 г. заявленное требование удовлетворил частично.

Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ “Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг” (далее — Федеральный закон № 210-ФЗ)

отношения, возникающие в связи с предоставлением государственных и муниципальных услуг соответственно федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также местными администрациями и иными органами местного самоуправления, осуществляющими исполнительно-распорядительные полномочия, регулируются данным Законом.

По смыслу п. 1 ст. 2 Закона под государственной услугой, предоставляемой федеральным органом исполнительной власти, органом государственного внебюджетного фонда, исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органом местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации (далее — государственная услуга), понимается деятельность по реализации функций соответственно федерального органа исполнительной власти, государственного внебюджетного фонда, исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органа местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации (далее — органы, предоставляющие государственные услуги), которая осуществляется по запросам заявителей в пределах установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации полномочий органов, предоставляющих государственные услуги.

Предоставление государственных и муниципальных услуг осуществляется в соответствии с административным регламентом — нормативным правовым актом, устанавливающим порядок предоставления государственной или муниципальной услуги и стандарт предоставления государственной или муниципальной услуги, разработка проекта которого осуществляется органом, предоставляющим государственную услугу, или органом, предоставляющим муниципальную услугу (п. 4 ст. 2, ч. 1 ст. 12, ч. 1 ст. 13 Федерального закона № 210-ФЗ).

Порядок разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг установлен Правилами разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг, утвержденными постановлением Правительства РФ от 16 мая 2011 г. № 373, в соответствии с п. 1 которых регламентом является нормативный правовой акт федерального органа исполнительной власти, органа государственного внебюджетного фонда, государственной корпорации, наделенных в соответствии с федеральным законом полномочиями по предоставлению государственных услуг в установленной сфере деятельности, устанавливающий сроки и последовательность

административных процедур (действий), осуществляемых органами, предоставляющими государственные услуги, в процессе предоставления государственной услуги в соответствии с требованиями Федерального закона № 210-ФЗ.

Федеральным законом от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ “О безопасности дорожного движения” (далее — Закон о безопасности дорожного движения) в п. 2 ст. 25 установлено, что проведение экзаменов на право управления транспортными средствами (далее — экзамены), определение состава технических средств контроля, предназначенных для проведения экзаменов, требований к указанным техническим средствам и условий их применения, а также выдача водительских удостоверений осуществляется в порядке, установленном Правительством РФ.

Правительство РФ постановлением от 24 октября 2014 г. № 1097 утвердило Правила проведения экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений, в п. 5 которых закрепило, что сроки и последовательность выполнения административных процедур (действий), связанных с проведением экзаменов, выдачей российских национальных и международных водительских удостоверений и обменом иностранных водительских удостоверений, устанавливаются административным регламентом по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений МВД России.

МВД России, реализуя предоставленные полномочия, утвердило Административный регламент, который определяет сроки и последовательность выполнения административных процедур (действий), связанных с проведением экзаменов на право управления транспортными средствами соответствующих категорий и входящих в них подкатегорий, предусмотренных п. 1 ст. 25 Закона о безопасности дорожного движения, выдачей российских национальных и международных водительских удостоверений и обменом иностранных национальных и международных водительских удостоверений на российские национальные и международные водительские удостоверения подразделениями Госавтоинспекции, а также связанных с выдачей российских национальных водительских удостоверений взамен ранее выданных российских национальных водительских удостоверений и выдачей международных водительских удостоверений в многофункциональных центрах предоставления государственных и муниципальных услуг.

Процедура издания, введения в действие и опубликования Приказа, утвердившего Административный регламент, соответствует положениям Указа Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 “О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти” и Правил подготовки нормативных правовых актов федераль-

ных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009.

Следовательно, оспариваемый в части нормативный правовой акт принят полномочным федеральным органом исполнительной власти с соблюдением формы и порядка введения в действие.

Согласно ст. 4 Федерального закона № 210-ФЗ одним из основных принципов предоставления государственных и муниципальных услуг является правомерность взимания с заявителей государственной пошлины за предоставление государственных и муниципальных услуг, платы за предоставление государственных и муниципальных услуг, платы за предоставление услуг, которые являются необходимыми и обязательными для предоставления государственных и муниципальных услуг и предоставляются организациями, указанными в ч. 2 ст. 1 этого Закона (п. 3).

В силу ч. 2 ст. 8 названного Закона государственная пошлина взимается за предоставление государственных и муниципальных услуг в случаях, порядке и размерах, установленных законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

Статьей 333³³ НК РФ установлены размеры государственной пошлины, уплачиваемой за выдачу национального водительского удостоверения, в том числе взамен утраченного или пришедшего в негодность, в частности изготавливаемого из расходных материалов на пластиковой основе, — 2000 руб.; изготавливаемого из расходных материалов на пластиковой основе нового поколения, — 3000 руб. (подп. 43¹ п. 1).

В ст. 333¹⁸ Кодекса приведены порядок и сроки уплаты государственной пошлины. Пунктом 3 этой статьи закреплено, что государственная пошлина уплачивается по месту совершения юридически значимого действия в наличной или безналичной форме (абз. 1). Факт уплаты государственной пошлины плательщиком в безналичной форме подтверждается платежным поручением с отметкой банка или соответствующего территориального органа Федерального казначейства (иного органа, осуществляющего открытие и ведение счетов), в том числе производящего расчеты в электронной форме, о его исполнении (абз. 2). Факт уплаты государственной пошлины плательщиком в наличной форме подтверждается либо квитанцией установленной формы, выдаваемой плательщику банком, либо квитанцией, выдаваемой плательщику должностным лицом или кассой органа, в который производилась оплата (абз. 3). Факт уплаты государственной пошлины плательщиком подтверждается также с использованием информации об уплате государственной пошлины, содержащейся в Государственной информационной системе о государственных и муниципальных платежах, предусмотренной Федеральным законом № 210-ФЗ (абз. 4). При наличии информации об уплате государственной пошлины, содержащейся в Государствен-

ной информационной системе о государственных и муниципальных платежах, дополнительное подтверждение уплаты плательщиком государственной пошлины не требуется (абз. 5).

Установленное п. 24 Административного регламента предписание о том, что факт уплаты государственной пошлины плательщиком подтверждается информацией об уплате государственной пошлины, содержащейся в ГИС ГМП, не соответствует приведенным нормам Налогового кодекса РФ, поскольку ограничивает подтверждение плательщиком факта уплаты государственной пошлины только одним способом, закрепленным в абз. 4 п. 3 ст. 333¹⁸ Кодекса, и не допускает подтверждения плательщиком факта уплаты государственной пошлины способами, предусмотренными абз. 2 и 3 п. 3 указанной статьи.

Довод административного истца о противоречии оспариваемой нормы п. 3 ч. 2 ст. 12 Федерального закона № 210-ФЗ является несостоятельным, поскольку основан на неправильном толковании норм материального права.

Учитывая изложенное, Верховный Суд РФ административное исковое заявление удовлетворил частично, признал недействующим со дня вступления решения в законную силу п. 24 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений, утвержденного приказом МВД России от 20 октября 2015 г. № 995, в той мере, в какой его положение в системе действующего правового регулирования не допускает подтверждения плательщиком факта уплаты государственной пошлины способами, предусмотренными абз. 2 и 3 п. 3 ст. 333¹⁸ НК РФ: в безналичной форме — платежным поручением с отметкой банка или соответствующего территориального органа Федерального казначейства (иного органа, осуществляющего открытие и ведение счетов), в том числе производящего расчеты в электронной форме, о его исполнении; в наличной форме — либо квитанцией установленной формы, выдаваемой плательщику банком, либо квитанцией, выдаваемой плательщику должностным лицом или кассой органа, в который производилась оплата.

**6. Оспариваемый частично абз. 2 п. 51
Административного регламента Министерства
внутренних дел Российской Федерации
по предоставлению государственной услуги
по регистрации автотранспортных средств
и прицепов к ним, утвержденного приказом
МВД России от 7 августа 2013 г. № 605,
признан не противоречащим
федеральному законодательству**

*Решение Верховного Суда РФ
от 20 августа 2018 г. № АКПИ18-613,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 15 ноября 2018 г. № АПЛ18-496*

7. Подпункт 10 п. 11 Федеральных авиационных правил “Медицинское освидетельствование летного, диспетчерского состава, бортпроводников, курсантов и кандидатов, поступающих в учебные заведения гражданской авиации”, утвержденных приказом Минтранса России от 22 апреля 2002 г.

№ 50, в части, обязывающей коммерческих и линейных пилотов авиакомпаний при достижении возраста 55 и 60 лет проходить обязательное медицинское обследование в условиях стационара федерального бюджетного учреждения “Центральная клиническая больница гражданской авиации” с последующим освидетельствованием в Центральной врачебно-летной экспертной комиссии гражданской авиации, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 18 сентября 2018 г. № АКПИ18-828,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 13 декабря 2018 г. № АПЛ18-531*

8. Пункты 2.3, 2.10 санитарно-эпидемиологических правил и нормативов СанПиН 2.1.2.2645-10 “Санитарно-эпидемиологические требования к условиям проживания в жилых зданиях и помещениях”, утвержденных постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 10 июня 2010 г. № 64, в части возможности размещения на территории дворов жилых зданий гостевых стоянок автотранспорта признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 6 августа 2018 г. № АКПИ18-522,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 1 ноября 2018 г. № АПЛ18-470*

9. Оспариваемые частично абз. 2, 5 п. 3.4, подп. “а”, “б”, “в”, “г”, “ж” п. 6.2 Положения о федеральной государственной информационной системе “Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме”, утвержденного приказом Минсвязи России от 13 апреля 2012 г. № 107, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 7 сентября 2018 г. № АКПИ18-649,
вступившее в законную силу*

10. Подпункты “а” и “б” п. 12 Положения о государственном ветеринарном надзоре, утвержденного постановлением Правительства РФ от 5 июня 2013 г. № 476, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 8 августа 2018 г. № АКПИ18-521,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 29 ноября 2018 г. № АПЛ18-487*

11. Приложение № 3 к приказу ФНС России от 13 февраля 2017 г. № ММВ-7-8/179@ “Об утверждении форм документа о выявлении недоимки, требования об уплате налога, сбора, страховых взносов, пени, штрафа, процентов, а также документов, используемых налоговыми органами при применении обеспечительных мер и взыскании задолженности по указанным платежам” в той части, в которой содержащаяся в нем форма требования об уплате налога предусматривает наличие справочной информации о числящейся за налогоплательщиком задолженности за конкретный налоговый период, а также об общей сумме задолженности за все налоговые периоды, включая период, указанный в требовании, признано не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 23 августа 2018 г. № АКПИ18-698,
вступившее в законную силу*

12. Оспариваемые частично пояснения к ст. 58 расписания болезней раздела II Требований к состоянию здоровья граждан при первоначальной постановке на воинский учет, призыве на военную службу (военные сборы), граждан, поступающих на военную службу по контракту, граждан, поступающих в военно-учебные заведения, военнослужащих, граждан, пребывающих в запасе Вооруженных Сил Российской Федерации, являющиеся приложением к Положению о военно-врачебной экспертизе, утвержденному постановлением Правительства РФ от 4 июля 2013 г. № 565, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 5 сентября 2018 г. № АКПИ18-666,
вступившее в законную силу*

13. Пункт 8.1.2 Положения об Управлении Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Воронежской области, утвержденного приказом Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 10 июля 2012 г. № 743, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 9 августа 2018 г. № АКПИ18-536,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 29 ноября 2018 г. № АПЛ18-481*

14. Оспариваемые частично пп. 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 12, 21, 22, 23, 24, 25, 27 Инструкции об организации и проведении служебных проверок в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, утвержденной приказом Федеральной службы исполнения наказаний от 12 апреля 2012 г. № 198, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 6 сентября 2018 г. № АКПИ18-665,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 13 декабря 2018 г. № АПЛ18-520*

15. Оспариваемые частично положения п. 86, абз. 1 п. 91 и абз. 2 п. 92 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 22 августа 2018 г. № АКПИ18-603,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 13 декабря 2018 г. № АПЛ18-519*

16. Пункт 135 Федеральных авиационных правил “Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей”, утвержденных приказом Минтранса России от 28 июня 2007 г. № 82, в части установления возможности провоза пассажиром в качестве ручной клади сверх установленной нормы бесплатного провоза ручной клади рюкзака, вес и габариты которого установлены правилами перевозчика, дамской сумки, портфеля с вложенными в рюкзак, или сумку, или портфель вещами, букета цветов, верхней одежды, костюма в портпледе признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 7 августа 2018 г. № АКПИ18-530,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 20 ноября 2018 г. № АПЛ18-475*

17. Пункт 45 Правил осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 15 января 2007 г. № 9, в части, возлагающей на администрацию организаций, указанных в п. 44 данных Правил, обязанность уведомить территориальный орган МВД России об убытии иностранного гражданина путем направления (передачи) отрывной части бланка уведомления о прибытии для его снятия с учета по месту пребывания, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 8 августа 2018 г. № АКПИ18-533,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 15 ноября 2018 г. № АПЛ18-474*

18. Оспариваемый частично п. 40 приложения к Правилам расчета суммы страхового возмещения при причинении вреда здоровью потерпевшего, утвержденным постановлением Правительства РФ от 15 ноября 2012 г. № 1164, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 1 августа 2018 г. № АКПИ18-515,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 1 ноября 2018 г. № АПЛ18-465*

19. Пункт 9 и подп. 35.2 п. 35 Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 26 марта 2013 г. № 161, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 30 августа 2018 г. № АКПИ18-682,
вступившее в законную силу*

20. Пункт 1 Приказа заместителя Министра обороны РФ от 8 декабря 2015 г. № 1184дсп “Об установлении запретной зоны военного объекта — Хвойное лесничество Министерства обороны Российской Федерации” в части установления границ запретной зоны Хвойного лесничества на территории Нововилговского сельского поселения Республики Карелия признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 6 сентября 2018 г. № АКПИ18-699,
вступившее в законную силу*

21. Пункт 5, подп. “в”, “д” п. 96 положения о спортивных судьях, утвержденного приказом Минспорта России от 28 февраля 2017 г. № 134, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 28 августа 2018 г. № АКПИ18-633,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 4 декабря 2018 г. № АПЛ18-503*

22. Приказ МВД России от 11 февраля 2010 г. № 80 “О морально-психологическом обеспечении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации” признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 16 августа 2018 г. № АКПИ18-657,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 4 декабря 2018 г. № АПЛ18-505*

23. Пункт 2 Положения о зоне санитарной охраны Рублевского водопровода и источников его питания, утвержденного постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР от 23 мая 1941 г. № 355, в части установления зоны санитарной охраны Рублевского водопровода на территории деревни Новая сельского поселения Соколовское Солнечногорского района Московской области признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 17 октября 2018 г. № АКПИ18-830,
вступившее в законную силу*

**24. Оспариваемые частично
подп. “г” п. 1 и п. 2 изменений,
которые вносятся в постановление
Правительства РФ от 6 февраля 2016 г. № 81
“Об утилизационном сборе в отношении
самоходных машин и (или) прицепов к ним
и о внесении изменений в некоторые акты
Правительства Российской Федерации”,
утвержденных постановлением
Правительства РФ от 31 мая 2018 г. № 639,
признаны не противоречащими
федеральному законодательству**
*Решение Верховного Суда РФ
от 17 октября 2018 г. № АКПИ18-864,
вступившее в законную силу*

**25. Подпункт “г” п. 8 Правил
направления средств (части средств)
материнского (семейного) капитала на улучшение
жилищных условий, утвержденных
постановлением Правительства РФ
от 12 декабря 2007 г. № 862,
в части указания в обязательстве лица,
являющегося покупателем по договору
купли-продажи жилого помещения,
родителя ребенка (детей), лишь обладающего
статусом супруга лица, получившего сертификат,
признан не противоречащим
федеральному законодательству**
*Решение Верховного Суда РФ
от 24 октября 2018 г. № АКПИ18-915,
вступившее в законную силу*

**26. Подпункт “б” п. 16
Федеральных авиационных правил
“Требования авиационной безопасности
к аэропортам”, утвержденных приказом
Минтранса России от 28 ноября 2005 г. № 142,
признан не противоречащим
федеральному законодательству**
*Решение Верховного Суда РФ
от 19 октября 2018 г. № АКПИ18-871,
вступившее в законную силу*

**27. Раздел 4 формы разрешения на строительство,
утвержденной приказом Минстроя России
от 19 февраля 2015 г. № 117/пр,
в части указания кратких проектных
характеристик для строительства,
реконструкции объекта капитального
строительства, таких как количество этажей,
количество подземных этажей, общая площадь
объекта, строительный объем, строительный
объем подземной части, высота в отношении
объектов индивидуального жилищного
строительства (отдельно стоящих жилых домов
с количеством этажей не более чем три,
предназначенных для проживания одной семьи),
признан не противоречащим
федеральному законодательству**
*Решение Верховного Суда РФ
от 23 апреля 2018 г. № АКПИ18-95,
вступившее в законную силу*

**1. Умышленное незаконное получение путем
обмана материнского (семейного) капитала
лицами, не имеющими соответствующего права
на эти денежные средства, следует
квалифицировать как мошенничество
при получении выплат**

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 11 октября 2018 г. № 83-УД18-15*

(Извлечение)

По приговору Бежицкого районного суда г. Брянска от 14 апреля 2017 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции в части квалификации действий лиц) осуждены: Б. по ч. 3 ст. 159 УК РФ (пять преступлений), Р. по ч. 3 ст. 159 УК РФ (два преступления), З. по ч. 3 ст. 159 УК РФ, Л. по ч. 3 ст. 159 УК РФ (три преступления).

Постановлением президиума Брянского областного суда от 14 марта 2018 г. состоявшиеся судебные решения изменены: действия Б. пере-квалифицированы с ч. 3 ст. 159 УК РФ (два преступления) (в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) на ч. 3 ст. 159² УК РФ (в ред. Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ) и с ч. 3 ст. 159 УК РФ (два преступления) (в ред. Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ) на ч. 3 ст. 159² УК РФ (в ред. Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ); действия Р. переквалифицированы с ч. 3 ст. 159 УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) на ч. 3 ст. 159² УК РФ (в ред. Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ) и с ч. 3 ст. 159 УК РФ (в ред. Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ) на ч. 3 ст. 159² УК РФ (в ред. Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ), назначенное им наказание смягчено.

С учетом изменений Б., Р., З. и Л. признаны виновными в совершении ряда мошеннических действий в крупном размере группой лиц по предварительному сговору, а Б. и Р. — в совершении мошенничества при получении выплат в крупном размере.

Путем обмана сотрудников территориальных органов Пенсионного фонда РФ ими совершены хищения средств, выделяемых государством из федерального бюджета в виде дополнительных мер государственной поддержки семей, имеющих детей, в виде материнского (семейного) капитала под видом их использования на улучшение жилищных условий с причинением материального ущерба государству в лице Пенсионного фонда РФ.

В кассационных жалобах осужденные Б. и Р. просили их действия переквалифицировать на ч. 3 ст. 159² УК РФ с учетом положений Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 11 октября 2018 г. удовлетвори-

ла кассационные жалобы, указав в обоснование следующее.

Отвергая доводы стороны защиты о квалификации содеянного по ст. 159² УК РФ, суд в приговоре указал на то, что данный состав преступления предусматривает хищение виновным денежных средств при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат получателем данных выплат. Б., Р., З. и Л. получателями социальных выплат не являлись и, соответственно, субъектами преступления, предусмотренного ст. 159² УК РФ, быть не могли.

Вместе с тем согласно разъяснениям, изложенным в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 “О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате”, по ст. 159² УК РФ квалифицируется такое хищение денежных средств или иного имущества в форме мошенничества, которое связано с незаконным получением социальными выплатами, а именно установленных федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления выплат гражданам, нуждающимся в социальной поддержке.

Для целей ст. 159² УК РФ к социальным выплатам, в частности, относятся средства материнского (семейного) капитала. Субъектом преступления, предусмотренного ст. 159² УК РФ, может быть лицо, как обладающее правом на получение социальных выплат, так и не имеющее соответствующего права.

Президиум Брянского областного суда частично устранил допущенные судом первой и апелляционной инстанций нарушения уголовного закона и внес с учетом указанных положений изменения в судебные решения, переквалифицировав действия Р. и Б. на ч. 3 ст. 159² УК РФ (в ред. Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ).

Вместе с тем суд кассационной инстанции признал основанными на неправильном толковании закона доводы жалоб осужденных о переквалификации на данный уголовный закон всех совершенных ими преступлений, указав, что их действия имели место до введения в Уголовный кодекс РФ ст. 159², что в силу ст. 9 УК РФ препятствовало применению этого закона.

Данный вывод суда кассационной инстанции противоречит требованиям ч. 1 ст. 10 УК РФ о том, что уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, т.е. распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость.

При таких обстоятельствах хищение Б. и Р. денежных средств при получении социальных выплат в 2012 году влечет ответственность по ч. 3

ст. 159² (в ред. Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ).

Допущенное неправильное применение уголовного закона в соответствии с ч. 1 ст. 401¹⁵ УПК РФ является существенным, поскольку повлияло на исход дела.

С учетом изложенного Судебная коллегия изменила состоявшиеся судебные решения в отношении всех осужденных, действия Р., Б., З. и Л. переквалифицировала с ч. 3 ст. 159 УК РФ на ч. 3 ст. 159² УК РФ.

2. Убийство на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, когда поведение виновного обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение, следует квалифицировать по п. “и” ч. 2 ст. 105 УК РФ как совершенное из хулиганских побуждений

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 20 ноября 2018 г. № 88-АП/18-6*

(Извлечение)

По приговору Томского областного суда от 8 июня 2018 г. П. осужден по п. “и” ч. 2 ст. 105 УК РФ и ст. 319 УК РФ.

В апелляционных жалобах осужденный П. и его защитник просили переквалифицировать действия П. с п. “и” ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 111 УК РФ, поскольку между осужденным и потерпевшим имел место конфликт, спровоцированный самим потерпевшим.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 20 ноября 2018 г. оставила приговор без изменения по следующим основаниям.

Доводы апелляционных жалоб о том, что убийство потерпевшего осужденный совершил не из хулиганских побуждений, а вследствие конфликта, в ходе которого потерпевший нанес ему удар по лицу, аналогичны его доводам в судебном заседании.

Данные доводы суд обоснованно признал недостоверными в указанной части, так как они опровергаются первоначальными показаниями П. при допросе в качестве подозреваемого, обвиняемого и при проверке показаний на месте.

Из этих показаний осужденного следует, что с потерпевшим в лифте они не разговаривали. Потерпевший его никак не провоцировал. Когда лифт опустился на первый этаж и его двери открылись, он достал охотничий нож и нанес потерпевшему удары ножом. Каких-либо телесных повреждений в ходе нападения потерпевший ему не причинял. Из-за нахождения в сильной степени алкогольного опьянения П. не помнит, зачем нанес потерпевшему удары ножом.

В ходе проверки показаний на месте П. также ничего не сообщал о якобы имевшем место конфликте между ним и потерпевшим, а, напротив, утверждал, что видел потерпевшего впервые и причин нанесения ему ударов ножом не помнит, так как был сильно пьян.

Суд пришел к правильному выводу о том, что П., нанеся потерпевшему 23 удара охотничьим ножом, обладающим высокой поражающей способностью, в область шеи, грудной клетки, живота, поясничной области, от которых на месте происшествия наступила его смерть, действовал с прямым умыслом на убийство потерпевшего.

В связи с указанными обстоятельствами суд пришел к обоснованному выводу о том, что мотивом действий осужденного при совершении убийства явилось желание противопоставить себя окружающим, продемонстрировать явное неуважение и пренебрежение к общественному порядку, общепринятым нормам морали, т.е. хулиганские побуждения.

ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

1. Лицо, выданное иностранным государством, не может быть осуждено без согласия государства, его выдавшего, за преступление, не указанное в запросе о выдаче

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 12 июля 2018 г. № 205-АПУ18-14

(Извлечение)

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 11 апреля 2018 г. И. осужден в том числе за незаконную перевозку огнестрельного оружия и боеприпасов.

Рассмотрев дело по апелляционным жалобам осужденного и его защитников, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 12 июля 2018 г. приговор изменила в части осуждения И. за незаконную перевозку огнестрельного оружия и боеприпасов по ч. 3 ст. 222 УК РФ (в ред. Федерального закона от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ), указав в обоснование следующее.

Согласно материалам дела И. привлекался к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 209, ст. 317, пп. “а”, “б”, “в” ч. 4 ст. 162, ч. 3 ст. 222 УК РФ (в ред. Федерального закона от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ).

Поскольку после возбуждения в отношении И. уголовного дела по подозрению в совершении им названных преступлений он находился на территории иностранного государства, Российская Федерация в лице Генеральной прокуратуры РФ направила запрос иностранному государству о выдаче И. для уголовного преследования.

В запросе было указано, что в отношении И. возбуждено уголовное дело по подозрению в совершении им преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 209, ст. 317, пп. “а”, “б”, “в” ч. 4 ст. 162, ч. 3 ст. 222 УК РФ (в ред. Федерального закона от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ).

Однако после выдачи И. органами следствия дополнительно было вменено совершение им преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 222 УК РФ (в ред. Федерального закона от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ), и по указанной статье он также был осужден судом первой инстанции.

При этом согласие иностранного государства на привлечение И. к уголовной ответственности за совершение незаконной перевозки огнестрельного оружия и боеприпасов получено не было.

Между тем в силу ч. 1 ст. 461 УПК РФ лицо, выданное иностранным государством, не может быть задержано, привлечено в качестве обвиняемого, осуждено без согласия государства, его выдавшего, а также передано третьему государству за преступление, не указанное в запросе о выдаче.

При таких обстоятельствах приговор окружного военного суда в части осуждения И. за незаконную перевозку огнестрельного оружия и боеприпасов нельзя признать законным, в связи с чем в этой части приговор подлежит изменению, а указанное обвинение — исключению в связи с нарушением порядка выдачи лица для уголовного преследования.

В связи с уменьшением объема обвинения по ч. 3 ст. 222 УК РФ (в ред. Федерального закона от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ) наказание, назначенное судом осужденному за данное преступление, а также по совокупности преступлений, смягчено.

2. Если статья Особенной части Уголовного кодекса РФ, по которой квалифицировано преступление, предусматривает возможность назначения дополнительного наказания по усмотрению суда, в приговоре следует указать основания его применения с приведением соответствующего обоснования

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 10 июля 2018 г. № 203-АПУ18-13

(Извлечение)

По приговору Приволжского окружного военного суда с участием присяжных заседателей от 8 декабря 2017 г. С., помимо прочего, осужден за вовлечение несовершеннолетнего в совершение тяжкого преступления.

За совершение указанного преступления С. было назначено по ч. 4 ст. 150 УК РФ и по совокупности преступлений дополнительное наказание в виде ограничения свободы на срок один год с установлением ограничений и возложением обязанностей, указанных в приговоре.

Рассмотрев дело по апелляционным жалобам осужденных и их защитников, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 10 июля 2018 г. приговор изменила в части назначенного осужденному С. дополнительного наказания, указав следующее.

Санкцией ч. 4 ст. 150 УК РФ предусмотрено в качестве дополнительного наказания ограничение свободы на срок до двух лет, которое может быть назначено по усмотрению суда.

По смыслу закона, если статья Особенной части Уголовного кодекса РФ, по которой квалифицировано преступление, предусматривает возможность назначения дополнительного наказания по усмотрению суда, в приговоре следует

указать основания его применения с приведением соответствующих мотивов.

В силу требований, предусмотренных п. 4 ст. 307 УПК РФ, описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать в том числе мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания, освобождению от него или его отбывания, применению иных мер воздействия.

Между тем суд, назначив осужденным по ч. 4 ст. 150 УК РФ к лишению свободы дополнительное наказание в виде ограничения свободы, принятое решение в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора не мотивировал.

Следовательно, приговор суда в этой части не может быть признан законным и обоснованным, в связи с чем указание на назначение осужденному дополнительного наказания в виде ограничения свободы подлежит исключению.

На основании изложенного Судебная коллегия приговор изменила, исключила указание на назначение осужденному по ч. 4 ст. 150 УК РФ и по совокупности преступлений дополнительного наказания в виде ограничения свободы.

3. Необоснованный отказ суда в удовлетворении ходатайства лица, совершившего в состоянии невменяемости запрещенные уголовным законом деяния, об обеспечении его личного участия в судебном разбирательстве по уголовному делу повлек отмену судебного решения

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 9 октября 2018 г. № 204-АПУ18-2

(Извлечение)

По постановлению Уральского окружного военного суда от 25 июля 2018 г. Ч. признан лицом, совершившим в состоянии невменяемости запрещенные уголовным законом деяния, в связи с чем на основании ст. 21 УК РФ он освобожден от уголовной ответственности и ему назначена принудительная мера медицинского характера в виде принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях специализированного типа с интенсивным наблюдением.

В апелляционной жалобе Ч. просил отменить постановление и возратить уголовное дело прокурору ввиду нарушения его права на защиту, выразившегося в лишении его возможности лично ознакомиться с материалами дела перед направлением его в суд и в отказе в удовлетворении его ходатайства об участии в судебном разбирательстве по вопросу о применении принудительной меры медицинского характера.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 9 октября 2018 г. постановление отменила и возвратила уголовное дело военному прокурору Центрального военного округа, указав в обоснование следующее.

Согласно ч. 1 ст. 441 УПК РФ рассмотрение уголовного дела о применении принудительной меры медицинского характера производится в общем порядке с изъятиями, предусмотренными главой 51 УПК РФ. Лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, должно быть предоставлено право лично участвовать в судебном заседании, если его психическое состояние позволяет ему участвовать в судебном заседании. При этом учитываются заключение экспертов, участвующих в производстве судебно-психиатрической экспертизы, и при необходимости медицинское заключение психиатрического стационара.

Как следует из разъяснений, данных в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 “О практике применения судами принудительных мер медицинского характера”, лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, должно быть предоставлено право лично осуществлять принадлежащие ему и предусмотренные ст.ст. 46 и 47 УПК РФ процессуальные права, если его психическое состояние позволяет ему осуществлять такие права. При этом учитываются заключение экспертов, участвовавших в производстве судебно-психиатрической экспертизы, и при необходимости медицинское заключение психиатрического стационара. Указанные медицинские документы не имеют для суда заранее установленной силы и подлежат оценке в совокупности с другими доказательствами.

Как усматривается из материалов дела, Ч., находящийся в медицинской организации — филиале Свердловской областной клинической психиатрической больницы, будучи уведомленным о дате, месте и времени рассмотрения его дела окружным военным судом, заблаговременно обратился с ходатайством о предоставлении ему возможности лично ознакомиться с материалами дела, что не было сделано на предыдущих стадиях производства, и о непосредственном его участии в судебном заседании.

В удовлетворении ходатайства судом было отказано. При этом суд, как это указано в постановлении, принял во внимание наличие в материалах дела данных о невозможности участия Ч. по своему психическому состоянию в судебном заседании.

Однако вывод суда о невозможности личного участия Ч. в судебных заседаниях сделан без достаточных оснований.

Согласно заключению психолого-психиатрической экспертизы от 22 февраля 2018 г. Ч. страдал в период, относящийся ко времени совершения инкриминируемых ему деяний, и на момент составления данного заключения психическим расстройством, лишаящим его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, а на момент составления заключения был лишен возможности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о

них показания, а также не способен правильно понимать характер и значение своего процессуального положения и самостоятельно осуществлять свои процессуальные права и выполнять процессуальные обязанности.

В соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона судебной проверке подлежит каждое из представленных сторонами доказательств, а согласно ч. 2 ст. 17 УПК РФ никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

С учетом этих требований суду следовало проверить невозможность личного участия Ч. в судебном разбирательстве путем его вызова в судебное заседание и исследования всех данных о состоянии его психического здоровья на момент рассмотрения дела, и лишь непосредственно убедившись в том, что по своему психическому состоянию он не может участвовать в рассмотрении дела, суд мог принять решение о проведении судебного разбирательства в его отсутствие.

Такой вывод согласуется с правовыми позициями, изложенными в Постановлении Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2007 г. № 13-П “По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева”, в котором указано, что согласно Международному пакту о гражданских и политических правах каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника (пп. “d” п. 3 ст. 14). Право каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия, закреплено также Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (подп. “с” п. 3 ст. 6).

Конкретизируя приведенные положения международно-правовых актов применительно к лицам, страдающим психическими расстройствами, Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи (приняты 17 декабря 1991 г. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 46/119) предусматривают право любого психически больного лица на осуществление всех признанных международными нормами гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав и прямо указывают на недопустимость какой-либо дискриминации, т.е. установления в связи с психическим заболеванием лица таких отличий, исключений или предпочтений, следствием которых являются отрицание или ограничение равенства в реализации прав (пп. 4 и 5 принципа 1); в отношении же лиц, совершивших запрещенные уголовным законом деяния, если предполагается или установлено, что они страдают психическим

заболеванием, общие принципы защиты подлежат применению в полном объеме с такими минимальными, необходимыми в данных обстоятельствах изменениями и исключениями, которые не будут наносить ущерб их правам (принцип 20); при этом государства обязаны обеспечивать наличие соответствующих механизмов для соблюдения данной Резолюции, в том числе в части разрешения жалоб (принцип 22).

В ряде других документов — рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы 818(1977) “О положении психически больных”, рекомендациях Комитета Министров Совета Европы № R(83)2 “Относительно правовой защиты лиц, страдающих психическим расстройством, которые были госпитализированы в принудительном порядке”, № R(99)4 “О принципах, касающихся правовой защиты недееспособных взрослых”, Rec(2004)10 “Относительно защиты прав человека и достоинства лиц с психическим расстройством” — государствам — членам Совета Европы предложено установить, чтобы судебные решения не принимались только на основании медицинских заключений, а пациенту с психическим заболеванием, как и любому другому лицу, было обеспечено право быть выслушанным и чтобы в случаях предполагаемого правонарушения в течение всего разбирательства присутствовал адвокат; лица с психическими расстройствами должны иметь возможность осуществлять все свои гражданские и политические права, а любые их ограничения допускаются строго в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и не могут основываться на одном лишь факте наличия у лица психического заболевания.

С названными положениями международных актов соотносятся предписания Закона РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-I “О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании”, согласно ч. 1 ст. 5 которого лица, страдающие психическими расстройствами, обладают всеми правами и свободами граждан, предусмотренными Конституцией Российской Федерации и федеральными законами; ограничение же прав и свобод граждан, связанное с психическим расстройством, допустимо лишь в случаях, предусмотренных законами Российской Федерации, как это следует из ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Оспариваемое постановление также не соответствует практике Европейского Суда по правам человека, который в постановлении от 20 октября 2005 г. по делу “Романов против России” признал, что присутствие заявителя в судебном заседании является необходимым условием для того, чтобы судья лично мог убедиться в его психическом состоянии и принять справедливое решение; рассмотрение дела судом первой и кассационной инстанций в отсутствие заявителя (вопреки его желанию), которое ничем не может быть компенсировано, допустимо лишь при наличии особых обстоятельств, например, если имеют место какие-либо признаки агрессивного поведе-

ния или если физическое и психическое состояние не позволяет ему предстать перед судом.

Таких обстоятельств из материалов дела не усматривается.

Учитывая изложенное, Судебная коллегия пришла к выводу, что судом первой инстанции допущено существенное нарушение уголовно-процессуального закона, выразившееся в необоснованном отказе в удовлетворении ходатайств Ч. об обеспечении его личного участия в судебном разбирательстве по уголовному делу, являющееся в соответствии со ст. 389¹⁷ УПК РФ основанием для отмены судебного решения.

Кроме того, из материалов дела следует, что на досудебной стадии производства было допущено иное существенное нарушение прав Ч., предусмотренных ст. 46 УПК РФ, поскольку ему не была предоставлена возможность ознакомиться с делом и заявить соответствующие ходатайства в порядке, предусмотренном ст. 217 УПК РФ, подлежащие разрешению на указанной стадии производства.

При этом ни в ст. 46 УПК РФ, ни в нормах главы 51 УПК РФ, регламентирующих порядок производства по применению принудительных мер медицинского характера, не содержится положений, допускающих лишение лица, в отношении которого ставится вопрос о применении указанных мер, права на ознакомление с материалами дела, в том числе с помощью адвоката и (или) законного представителя, и на заявление ходатайств на соответствующей стадии процесса.

Что касается заключения эксперта, проводившего психолого-психиатрическую экспертизу от 22 февраля 2018 г., о том, что Ч. лишен возможности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания, а также не способен правильно понимать характер и значение своего процессуального положения и самостоятельно осуществлять свои процессуальные права и выполнять процессуальные обязанности, то оно не свидетельствует об объективной невозможности реализации Ч. гарантированных законом прав и не является основанием для их ограничения.

Лишение Ч. установленного законом права на ознакомление с материалами дела на досудебной стадии и на заявление после этого соответствующих ходатайств препятствует постановлению судом решения, отвечающего принципу законности и справедливости, поскольку Ч. без законных оснований был ограничен в возможности определить свою позицию по вопросам, указанным в постановлении о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера.

Нарушение прав Ч. не может быть устранено при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке, что является основанием для направления его прокурору для принятия соответствующего решения в пределах его компетенции.

4. Решение о передаче боевого холодного клинкового оружия (кортика) гражданам, проходившим военную службу в Вооруженных Силах РФ и уволенным с военной службы, принимается Министром обороны РФ

*Определение Судебной коллегии
по делам военнослужащих Верховного Суда РФ
от 29 ноября 2018 г. № 210-КГ18-16*

(Извлечение)

Решением Североморского гарнизонного военного суда от 7 декабря 2017 г., оставленным в силе апелляционным определением Северного флотского военного суда от 2 февраля 2018 г., удовлетворено административное исковое заявление Р., в котором он просил обязать командира воинской части передать ему для пожизненного хранения и ношения с военной формой одежды кортик и оформить сопроводительные документы для регистрации этого оружия. На указанное воинское должностное лицо возложена обязанность выписать аттестат на личное оружие — кортик, а также передать его для пожизненного хранения и ношения с военной формой одежды Р.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 29 ноября 2018 г. пришла к выводу, что судами при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что по окончании высшего военно-морского училища Р. получил личное оружие — кортик. Приказом соответствующего командира от 30 июня 2017 г. административный истец уволен с военной службы по состоянию здоровья в запас с правом ношения военной формы одежды и знаков различия, после чего исключен из списков личного состава воинской части.

Рапорт Р. к командиру воинской части с просьбой о выдаче аттестата на кортик удовлетворен не был, после чего в связи с увольнением с военной службы административный истец сдал кортик на склад.

Удовлетворяя требования административного истца, суды указали, что в силу ч. 5 ст. 19 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ “Об оружии” (далее — Закон об оружии), п. 7¹ Правил оборота боевого ручного стрелкового и иного оружия, боеприпасов и патронов к нему, а также холодного оружия в государственных военизированных организациях, утвержденных постановлением Правительства РФ от 15 октября 1997 г. № 1314 (в ред. постановления Правительства РФ от 13 сентября 2017 г. № 1100), Р. относится к категории граждан, имеющих право на получение кортиков для пожизненного хранения и ношения с военной формой одежды, в связи с чем требования административного истца подлежат удовлетворению.

Между тем такой вывод судов основан на неправильном применении норм материального права.

Согласно ч. 5 ст. 19 Закона об оружии руководители государственных военизированных организаций, в которых предусмотрена военная служба, имеют право передавать для пожизненного хранения и ношения с военной формой одежды некоторым категориям граждан Российской Федерации по их заявлениям отдельные модели боевого холодного клинкового оружия (кортики). Право на получение отдельных моделей боевого холодного клинкового оружия (кортиков) имеют граждане Российской Федерации, уволенные из государственных военизированных организаций с правом ношения военной формы одежды, не имеющие медицинских противопоказаний к владению оружием. Хранение отдельных моделей боевого холодного клинкового оружия (кортиков) и их ношение с военной формой одежды осуществляются на основании записи о наличии такого права, сделанной государственной военизированной организацией, передавшей данное оружие, в документе, выдаваемом гражданину при увольнении. Порядок передачи отдельных моделей боевого холодного клинкового оружия (кортиков) для пожизненного хранения и ношения с военной формой одежды устанавливается Правительством РФ.

Условия передачи отдельных моделей боевого холодного клинкового оружия (кортиков) некоторым категориям граждан Российской Федерации для пожизненного хранения и ношения с военной формой одежды, в том числе перечень, форма и порядок ведения документов, которыми оформляется передача данного оружия, в силу ч. 6 ст. 19 Закона об оружии устанавливаются руководителями государственных военизированных организаций, в которых предусмотрена военная служба, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере оборота оружия.

Предусмотренная законодателем в этой норме закона обязанность по установлению условий передачи отдельных моделей боевого холодного клинкового оружия (кортиков) некоторым категориям граждан Российской Федерации предопределяет необходимость разработки общеобязательного предписания постоянного характера, рассчитанного на многократное применение, т.е. нормативного правового акта.

Согласно подп. 7 п. 10 Положения о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082 “Вопросы Министерства обороны Российской Федерации”, право издавать приказы, директивы, положения, наставления, инструкции, уставы и иные нормативные (правовые, нормативные правовые) акты, давать указания, организовывать и проверять их исполнение предоставлено Министру обороны РФ.

Из изложенного следует, что вопросы, связанные с передачей отдельных моделей боевого холодного клинкового оружия (кортиков) некоторым категориям граждан Российской Федера-

ции, находятся в компетенции не всех руководителей государственных военизированных организаций, а только наделенных правом издавать нормативные правовые акты, в данном случае — Министра обороны РФ.

Таким образом, в период спорных правоотношений решение вопроса о передаче кортиков, находящихся на учете Минобороны России, гражданам, уволенным с военной службы, находилось в компетенции Министра обороны РФ, а не командира воинской части, как ошибочно указали суды.

В настоящее время приказом Министра обороны РФ от 28 декабря 2017 г. № 800 установлены условия передачи отдельных моделей боевого холодного клинкового оружия (кортиков) некоторым категориям граждан Российской Федерации для пожизненного хранения и ношения с военной формой одежды.

Согласно п. 2 приложения к приказу Министра обороны РФ от 28 декабря 2017 г. № 800 гражданин Российской Федерации, увольняемый из Вооруженных Сил РФ, после получения выписки из приказа по личному составу о его увольнении с военной службы с правом ношения военной формы одежды Военно-Морского флота вправе обратиться с рапортом (заявлением) на имя Министра обороны РФ о получении кортика для пожизненного хранения и ношения с военной формой одежды через командование центрального органа военного управления, объединения, соединения, воинской части или руководство организации Вооруженных Сил РФ, в которой он проходил военную службу на момент увольнения.

В соответствии с ч. 1 ст. 43 КАС РФ в случае, если при подготовке административного дела к судебному разбирательству или во время судебного разбирательства в суде первой инстанции будет установлено, что административное исковое заявление подано не к тому лицу, которое должно отвечать по заявленным требованиям, суд с согласия административного истца заменяет ненадлежащего административного ответчика надлежащим. Если административный истец не согласен на замену административного ответчика другим лицом, суд может без согласия административного истца привлечь это лицо в качестве второго административного ответчика.

Данные требования закона судом не выполнены, что свидетельствует о существенных нарушениях норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможна защита охраняемых законом публичных интересов, что является основанием для отмены в кассационном порядке решения гарнизонного и апелляционного определения флотского военных судов и направления дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Кроме того, вопреки положениям ч. 3 ст. 62, ч. 4 ст. 178, п. 1 ч. 4 ст. 180 КАС РФ судом не выяснены все обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения данного дела.

Из ч. 5 ст. 19 Закона об оружии и содержащего аналогичное требование п. 7¹ Правил оборота боевого ручного стрелкового и иного оружия,

боеприпасов и патронов к нему, а также холодного оружия в государственных военизированных организациях следует, что обязательным условием передачи гражданину, уволенному с военной службы, отдельных моделей боевого холодного клинкового оружия (кортиков) является отсутствие медицинских противопоказаний к владению оружием.

При этом форма медицинского заключения об отсутствии медицинских противопоказаний к владению оружием установлена Порядком проведения медицинского освидетельствования на наличие медицинских противопоказаний к владению оружием и химико-токсикологических

исследований наличия в организме человека наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов, утвержденным приказом Минздрава России от 30 июня 2016 г. № 441н.

Обстоятельства, связанные с выполнением Р. требования о прохождении освидетельствования на предмет установления медицинских противопоказаний к владению оружием, судами не устанавливались и отражения в судебных актах по делу не нашли.

На основании изложенного Судебная коллегия отменила обжалуемые судебные акты, а дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ СУДОВ РЕСПУБЛИК, КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ СУДОВ

1. Если в судебном заседании установлено, что осужденным принимались меры к возмещению причиненного преступлением вреда, однако в силу объективных причин вред возмещен лишь частично, то суд не вправе отказать в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания только на этом основании

*Постановление президиума
Хабаровского краевого суда
от 4 июня 2018 г.*

(Извлечение)

По приговору Железнодорожного районного суда г. Хабаровска от 29 октября 2015 г. К. осужден по ч. 5 ст. 264 УК РФ к четырем годам лишения свободы.

По постановлению Хабаровского районного суда Хабаровского края от 18 октября 2017 г. (оставленному судом апелляционной инстанции без изменения) отказано в удовлетворении ходатайства К. об условно-досрочном освобождении.

В кассационной жалобе К. просил об отмене судебных решений, указывая на то, что в удовлетворении ходатайства ему отказано по основаниям, не предусмотренным законом.

По постановлению судьи Верховного Суда РФ от 12 апреля 2018 г. кассационная жалоба осужденного передана для рассмотрения в судебном заседании президиума Хабаровского краевого суда.

Президиум Хабаровского краевого суда 4 июня 2018 г. отменил апелляционное постановление и передал материал на новое апелляционное рассмотрение¹, указав в обоснование следующее.

¹ По апелляционному постановлению Хабаровского краевого суда от 2 августа 2018 г. К. от отбывания оставшейся части наказания освобожден условно-досрочно на один год шесть месяцев девять дней. В своем решении суд апелляционной инстанции сослался на то, что К. возместил потерпевшим ущерб в размере более 1 млн. рублей и продолжает возмещать причиненный ущерб.

Из материалов усматривается, что К. отбыл установленную законом часть наказания, трудоустроен и к труду относится добросовестно, имеет тринадцать поощрений, нарушений режима содержания не допускал, частично возместил ущерб, причиненный преступлением, представителем администрации исправительного учреждения ходатайство поддержано.

Отказывая в удовлетворении ходатайства, суд учел мнение потерпевших, возражавших против его удовлетворения, поскольку К. не возмещен причиненный преступлением вред в размере 2 млн. рублей, а также сослался на то, что большую часть срока отбытого наказания К. проживал вне колонии-поселения по своему месту жительства.

Между тем согласно разъяснениям, изложенным в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 “О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части более мягким видом наказания”, в соответствии с ч. 1 ст. 79 и ч. 1 ст. 80 УК РФ возмещение вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, является одним из условий для условно-досрочного освобождения. Если в судебном заседании установлено, что осужденным принимались меры к возмещению причиненного преступлением вреда (материального ущерба и морального вреда), однако в силу объективных причин вред возмещен лишь частично, то суд не вправе отказать в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания только на этом основании.

Данных о том, что, принимая решение об отказе в удовлетворении ходатайства, суд выяснял причины, по которым материальный ущерб потерпевшим был возмещен частично, не имеется.

Согласно положениям ст. 79 УК РФ, ст. 175 УИК РФ суду при рассмотрении ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания следует учитывать данные о поведении осужденного, его отношении к

труду в течение всего периода отбывания наказания, в том числе имеющиеся поощрения и взыскания, отношение осужденного к совершенному деянию, данные о том, что осужденный полностью или частично возместил вред, причиненный преступлением, или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления, а также заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности его условно-досрочного освобождения.

Приведенное судом первой инстанции обоснование своих выводов об отказе в удовлетворении ходатайства К. мнение потерпевших к указанным выше обстоятельствам не относится.

При рассмотрении материала в суде апелляционной инстанции допущенные судом первой инстанции нарушения закона не были устранены.

2. Не является вымогательством угроза со стороны взяткополучателя совершить в отношении взяткодателя законные действия, которые могут причинить вред интересам последнего

*Постановление президиума
Московского областного суда
от 13 июня 2018 г.*

(Извлечение)

По приговору Одинцовского городского суда Московской области от 16 мая 2016 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) М. осужден по п. “б” ч. 5 ст. 290 УК РФ (по эпизоду от 8 ноября 2014 г.) и по п. “б” ч. 5 ст. 290 УК РФ (по эпизоду от 5 апреля 2015 г.). На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно назначено четыре года шесть месяцев лишения свободы со штрафом в размере три миллиона пятьсот тысяч рублей.

По постановлению Скопинского районного суда Рязанской области от 1 декабря 2016 г. приговор изменен, с учетом положений Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ снижен размер штрафа по п. “б” ч. 5 ст. 290 УК РФ (по эпизоду от 8 ноября 2014 г.) до двух миллионов пятисот тысяч рублей и по п. “б” ч. 5 ст. 290 УК РФ (по эпизоду от 5 апреля 2015 г.) до двух миллионов рублей. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ размер штрафа снижен до трех миллионов рублей.

М. признан виновным в совершении преступлений при следующих обстоятельствах.

Являясь должностным лицом, начальником отдела полиции межмуниципального управления МВД России по Московской области, М. был осведомлен о том, что подчиненными ему сотрудниками полиции были привлечены к ответственности участники торговой ярмарки, совершившие административные правонарушения. Используя свое служебное положение, М. потребовал от индивидуального предпринимателя П., осуществлявшего торговую деятельность на территории ярмарки с помощью привлеченных к торговле участников ярмарки, взятку в сумме пятьдесят тысяч рублей за бездействие в пользу

П. и представляемых им лиц, выражающееся в том, что подчиненными ему сотрудниками полиции не будут проводиться проверки соблюдения участниками ярмарки правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, и выявляться лица, совершившие административные правонарушения, нарушения пропускного режима, и к ним не будут применяться меры административной ответственности. В противном случае М. пообещал в дальнейшем организовать и провести проверку подчиненными ему сотрудниками полиции участников ярмарки. Таким образом М. с целью вымогательства взятки заведомо создал условия, при которых П., будучи заинтересованным как организатор ярмарки в нормальной работе привлекаемых им участников ярмарки и в целях недопущения совершения со стороны сотрудников полиции действий, в том числе незаконных, по организации и проведению проверок участников ярмарки, был вынужден передать М. 8 ноября 2014 г. взятку в сумме пятьдесят тысяч рублей. За бездействие во время проведения следующей ярмарки в апреле 2015 г. М. снова потребовал от П. взятку в сумме сорок тысяч рублей. П., опасаясь осуществления угроз со стороны М., вынужден был согласиться с требованиями и 5 апреля 2015 г. передал М. взятку в указанной сумме.

В кассационной жалобе М. просил приговор изменить, полагая, что вывод суда о наличии в его действиях квалифицирующего признака “с вымогательством взятки” противоречит нормам уголовного закона.

По постановлению заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. кассационная жалоба осужденного вместе с уголовным делом переданы для рассмотрения в судебном заседании президиума Московского областного суда.

Президиум Московского областного суда 13 июня 2018 г. удовлетворил жалобу осужденного, указав в обоснование следующее.

По смыслу закона не может рассматриваться как вымогательство угроза со стороны взяткополучателя совершить в отношении взяткодателя законные действия, хотя и затрагивающие его интересы.

В приговоре признано установленным, что М. своими действиями создал условия, при которых П., индивидуальный предприниматель, заинтересованный в работе привлекаемых им участников ярмарки, опасаясь угроз со стороны М., с целью предотвращения вредных для себя и участников ярмарки последствий, вынужден был согласиться на выдвинутые М. условия по передаче взяток.

Вместе с тем судом не учтено, что организация проведения проверок по соблюдению участниками ярмарки норм и правил административного законодательства и, соответственно, привлечение виновных лиц к предусмотренной законом ответственности входила в должностные обязанности М., являющегося начальником отдела полиции.

Высказанные М. угрозы в случае невыполнения П. его требований о передаче взяток относительно организации и проведения проверок в отношении участников ярмарки не затрагивали пра-

вохраняемые интересы П. и представляемых им лиц, а являлись бы выполнением М. своих должностных обязанностей, т.е. законными действиями.

При таких обстоятельствах квалификацию действий М. как совершенных с вымогательством взятки нельзя признать законной.

Президиум Московского областного суда изменил приговор, переквалифицировал действия М. с п. “б” ч. 5 ст. 290 УК РФ (по двум эпизодам) на ч. 2 ст. 290 УК РФ (по двум эпизодам) и снизил наказание.

3. Назначение осужденному более мягкого вида наказания в виде штрафа ухудшило положение лица, поскольку фактически условное наказание заменено реальным

*Постановление президиума
Волгоградского областного суда
от 27 июня 2018 г.*

(Извлечение)

По приговору Дзержинского районного суда г. Волгограда от 8 июля 2016 г. Е. осужден за незаконное предпринимательство, осуществляемое ООО “А”, по п. “б” ч. 2 ст. 171 УК РФ к одному году лишения свободы и за незаконное предпринимательство, осуществляемое ООО “Б”, по п. “б” ч. 2 ст. 171 УК РФ к одному году лишения свободы. На основании ч. 2 ст. 69 УК РФ с применением ст. 73 УК РФ ему назначено один год шесть месяцев лишения свободы условно.

По апелляционному постановлению Волгоградского областного суда от 19 декабря 2016 г. приговор изменен: действия Е. за незаконное предпринимательство, осуществляемое ООО “А”, переквалифицированы с п. “б” ч. 2 ст. 171 УК РФ на ч. 1 ст. 171 УК РФ (в ред. Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ), ему назначен штраф в размере ста тысяч рублей и из приговора исключено указание о применении правил ч. 2 ст. 69 УК РФ. Постановлено наказание в виде штрафа, назначенное по ч. 1 ст. 171 УК РФ, исполнять самостоятельно.

С учетом последующих изменений, внесенных в приговор, Е. признан виновным в незаконном предпринимательстве, т.е. осуществлении предпринимательской деятельности без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, сопряженном с извлечением дохода в крупном и особо крупном размерах.

В кассационной жалобе адвокат в защиту интересов Е. оспаривал законность и обоснованность приговора, выражал несогласие с осуждением Е. за незаконное предпринимательство.

По постановлению заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. кассационная жалоба адвоката в интересах осужденного вместе с уголовным делом переданы для рассмотрения в судебном заседании президиума Волгоградского областного суда.

Президиум Волгоградского областного суда 27 июня 2018 г., проверив материалы уголовного дела по кассационной жалобе адвоката в защиту интересов осужденного, а также в порядке ч. 1 ст. 401¹⁶ УПК РФ, изменил судебные решения на

основании ч. 1 ст. 401¹⁵ УПК РФ, указав в обоснование следующее.

Суд апелляционной инстанции переквалифицировал действия Е. с п. “б” ч. 2 ст. 171 УК РФ на ч. 1 ст. 171 УК РФ, по которой назначил реальное наказание в виде штрафа в размере ста тысяч рублей.

Между тем, несмотря на то, что вновь назначенное наказание в виде штрафа в соответствии со ст. 44 УК РФ является более мягким видом наказания, оно ухудшает положение осужденного, поскольку фактически условное наказание было заменено на реальное.

Поскольку уголовным законом не предусмотрено назначение основного наказания в виде штрафа условно, а назначение иного вида наказания ухудшает положение осужденного, президиум Волгоградского областного суда изменил апелляционное определение в отношении Е., освободил его от наказания, назначенного по ч. 1 ст. 171 УК РФ, постановил считать его осужденным по п. “б” ч. 2 ст. 171 УК РФ к лишению свободы на один год, в соответствии со ст. 73 УК РФ наказание считать условным.

В остальной части состоявшиеся судебные решения оставлены без изменения.

4. Лицо, сообщившее о преступлении, вправе обжаловать решение об отказе в возбуждении уголовного дела

*Постановление президиума
Свердловского областного суда
от 10 октября 2018 г.*

(Извлечение)

По приговору Алапаевского городского суда Свердловской области от 13 октября 2014 г. У. осужден по ч. 1 ст. 30, пп. “а”, “б” ч. 3 ст. 228¹ УК РФ и другим статьям Уголовного кодекса РФ. По ч. 1 ст. 228 УК РФ по факту сбыта наркотического средства свидетелю под псевдонимом “Л.” У. оправдан за непричастностью к совершению преступления.

У. обратился в следственные органы с просьбой привлечь к уголовной ответственности Л. за заведомо ложный донос.

Постановлением следователя следственной службы Управления ФСКН России по Свердловской области от 28 марта 2015 г. отказано в возбуждении уголовного дела в отношении Л. на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием события преступления.

Алапаевским городским судом Свердловской области 10 ноября 2016 г. отказано в принятии к рассмотрению жалобы У., поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, о признании постановления следователя незаконным.

В апелляционном порядке постановление суда не рассматривалось.

В кассационной жалобе У. просил об отмене постановления суда, поскольку отказ в возбуждении уголовного дела подлежит обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ.

Постановлением заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 6 сентября 2018 г. кассаци-

онная жалоба У. вместе с судебным материалом переданы для рассмотрения в судебном заседании президиума Свердловского областного суда.

Президиум Свердловского областного суда 10 октября 2018 г. отменил постановление суда и материал передал на новое судебное рассмотрение¹, указав в обоснование следующее.

Отказывая в принятии к рассмотрению жалобы У. в порядке ст. 125 УПК РФ, суд сослался на то, что преступления, предусмотренные ст.ст. 306 и 307 УК РФ, направлены против правосудия, а не интересов конкретных физических лиц. У. не является участником уголовного судопроизводства, в том числе потерпевшим по материалу проверки, обжалованное процессуальное решение не может причинить ущерб его конституционным правам и свободам либо затруднить его доступ к правосудию.

Вместе с тем в соответствии с ч. 4 ст. 148 УПК РФ копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в течение 24 часов с момента его вынесения направляется заявителю. При этом заявителю разъясняется его право обжаловать данное постановление и порядок обжалования.

Согласно ч. 5 ст. 148 УПК РФ отказ в возбуждении уголовного дела может быть обжалован в суд в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК РФ постановления органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Определениях от 26 мая 2011 г. № 619-О-О и от 28 февраля 2017 г. № 257-О, Уголовно-процессуальный кодекс РФ наделяет заявителя комплексом прав, реализуемых в связи с поданным им заявлением о преступлении, в том числе прямо закрепляет право обжаловать решение, принятое по результатам рассмотрения сообщения о преступлении.

Таким образом, судом допущено существенное нарушение уголовно-процессуального закона, повлиявшее на исход дела.

ОБЗОР ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ В 2018 ГОДУ ОБЛАСТНЫМИ И РАВНЫМИ ИМ СУДАМИ ДЕЛ ОБ УСЫНОВЛЕНИИ ДЕТЕЙ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ ИЛИ ЛИЦАМИ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА, А ТАКЖЕ ГРАЖДДАНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПОСТОЯННО ПРОЖИВАЮЩИМИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Верховным Судом РФ проведено обобщение практики рассмотрения судами в 2018 году дел об усыновлении детей — граждан Российской Федерации иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации (далее — международное усыновление).

Как показали результаты проведенного обобщения, выявленная за предыдущие годы тенденция к снижению количества дел указанной категории продолжает сохраняться.

В 2018 году областными и равными им судами с вынесением решения рассмотрено 256 дел о международном усыновлении, что на 23,8% меньше, чем в 2017 году (336 дел), и на 40,9% меньше, чем в 2016 году (433 дела). По сравнению с 2009 годом, когда было рассмотрено с вынесением решения 3427 дел о международном усыновлении, в 2018 году количество таких дел уменьшилось на 92,5%. С удовлетворением требования в 2018 году рассмотрено 251 дело, с отказом в удовлетворении требования — 5 дел. По 4 делам производство по делу было прекращено, 3 заявления оставлены без рассмотрения.

Обобщение судебной практики показало, что в 2018 году наибольшее количество дел о международном усыновлении с вынесением решения рассмотрено Кемеровским областным судом (56 дел), Приморским краевым судом (21 дело), Пермским краевым судом и Санкт-Петербургским городским судом (по 17 дел), Верховным Судом Республики Саха (Якутия) (13 дел).

Как и в предыдущие 6 лет, чаще всего в 2018 году российских детей усыновляли граждане Италии (60% дел, рассмотренных с удовлетворением заявления), граждане Испании (12%) и граждане Франции (6%).

При рассмотрении указанной категории дел судами соблюдаются требования действующего законодательства, регулирующего вопросы усыновления детей, и учитываются разъяснения, данные Верховным Судом РФ в постановлении Пленума от 20 апреля 2006 г. № 8 “О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей” с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 17 декабря 2013 г. № 37 (далее — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8).

С учетом положений ст.ст. 131, 270 и 271 ГПК РФ судьями при принятии заявления о международном усыновлении к производству суда проверялось, соответствует ли заявление требованиям, предъявляемым к форме и содержанию заявления об усыновлении.

Как показало проведенное обобщение, по-прежнему имеют место случаи обращения в суд с заявлениями об усыновлении, к которым не приложены документы,

¹Алапаевским городским судом Свердловской области 30 октября 2018 г. жалоба У. на постановление следователя оставлена без удовлетворения. Апелляционным постановлением Свердловского областного суда от 22 января 2019 г. отменено решение суда, постановление следователя признано незаконным. Суд апелляционной инстанции обязал соответствующее должностное лицо устранить допущенные нарушения.

перечисленные в ст. 271 ГПК РФ. **Оставляя такие заявления без движения**, суды предоставляли заявителям разумный срок (не менее месяца) для устранения выявленных недостатков, а в случае невыполнения требований — возвращали заявление заявителем. По указанному основанию заявления возвращались Калининградским, Московским и Мурманским областными судами.

В случае неподсудности **заявления об усыновлении** данному суду заявление **возвращалось** заявителю.

Так, определением Краснодарского краевого суда заявление гражданина Российской Федерации, постоянно проживающего на территории Российской Федерации и состоящего в браке с гражданкой Украины, об усыновлении несовершеннолетних детей супруги, являющихся гражданами Украины, было возвращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ, поскольку дело не подсудно Краснодарскому краевому суду, и разъяснено право на обращение в соответствующий районный суд с соблюдением требований абз. 4 п. 1 ст. 165 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ) и правил территориальной подсудности.

Имели место случаи **отказа** в принятии заявлений **об усыновлении**.

Так, например, в 2018 году Московским городским судом обоснованно было отказано в принятии двух заявлений об усыновлении, поданных **гражданами Соединенных Штатов Америки**, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ “О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод гражданина Российской Федерации” запрещается передача детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки.

Как показало проведенное обобщение, в 2018 году по абсолютному большинству дел усыновителями являлись супруги. Кроме того, дети усыновлялись их отчимами (мачехами), в двух случаях ребенок был усыновлен одиноким лицом — женщиной. Так, например, по одному делу двоих детей, являющихся между собой братом и сестрой, усыновила их тетя — гражданка Германии, которая являлась родной сестрой матери детей. Как установил суд, усыновитель постоянно поддерживала связь с детьми, проживающими сначала с ее отцом (дедушкой детей), а после его смерти — в детском учреждении. Удовлетворяя заявление, суд учел, что между заявителем и усыновляемыми детьми существуют длительные родственные отношения, установлен положительный эмоционально-психологический контакт, дети воспринимают заявителя как своего родителя.

В соответствии с п. 4 ст. 124 СК РФ иностранные граждане и лица без гражданства вправе усыновить российских детей, если невозможно передать усыновляемого ребенка на воспитание в семьи граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, либо на усыновление родственникам этого ребенка независимо от гражданства и места жительства этих родственников, а также если истекли двенадцать месяцев со дня поступления сведений о таком ребенке в федеральный банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей.

В подп. “а” п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 обращено внимание судов на необходимость истребовать при подготовке дела об усыновлении к судебному разбирательству у органа опеки и попечительства документы, подтверждающие невозможность передачи ребенка на воспитание в семью граждан Российской Федерации или на усыновление родственникам ребенка независимо от гражданства и места жительства этих родственников, документ, подтверждающий наличие сведений об усыновляемом ребенке в федеральном банке дан-

ных о детях, оставшихся без попечения родителей, а также документы, содержащие информацию о принятых органами опеки и попечительства, региональным и федеральным оператором мерах по устройству (оказанию содействия в устройстве) ребенка, оставшегося без попечения родителей, на воспитание в семьи граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации.

Следуя положениям закона, а также учитывая разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, суды устанавливали, какие меры были приняты органами опеки и попечительства, региональным и федеральным операторами по **устройству детей**, оставшихся без попечения родителей, **в семьи граждан Российской Федерации или в семьи их родственников**.

Так, Санкт-Петербургский городской суд, установив, что не исчерпана возможность устройства несовершеннолетнего ребенка в семью граждан Российской Федерации, а именно в семью, где воспитывается родной брат усыновляемого, отказал в удовлетворении заявления граждан Италии об усыновлении. При этом судом учтено, что гражданка Российской Федерации, в семье которой воспитывается брат усыновляемого, имеет твердое намерение взять несовершеннолетнего мальчика на воспитание в свою семью, о чем сообщила, будучи допрошенной в ходе судебного разбирательства, а также подтвердила, что в целях усыновления ребенка она собрала необходимые документы и получила заключение о возможности быть усыновителем, подавала заявление о постановке на учет в качестве кандидата в усыновители и выдаче направления на посещение несовершеннолетнего мальчика. Апелляционным определением Верховного Суда РФ решение Санкт-Петербургского городского суда оставлено без изменения.

В другом случае, рассматривая заявление граждан Франции об удочерении несовершеннолетней, Санкт-Петербургский городской суд установил, что на момент выдачи направления иностранным гражданам для посещения несовершеннолетнего ребенка прошло менее двенадцати месяцев со дня поступления сведений о нем в федеральный банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей. Суд, придя к выводу о том, что на момент рассмотрения дела не исчерпаны возможности устройства несовершеннолетней девочки в семью граждан Российской Федерации, отказал в удовлетворении заявления. Апелляционным определением Верховного Суда РФ решение Санкт-Петербургского городского суда оставлено без изменения.

Во всех случаях суды устанавливали наличие или отсутствие у ребенка родственников, а также **причины, по которым родственники ребенка отказались принять** его в свои семьи. Как показало обобщение судебной практики, в качестве таких причин родственники ребенка указывали преклонный возраст, тяжелое материальное положение, необходимость осуществлять уход за иными нетрудоспособными родственниками, характер работы (прохождение военной службы по контракту, работа на судах, находящихся в море от нескольких месяцев до полугода) и другие.

В необходимых случаях родственники ребенка опрашивались в судебном заседании в порядке судебного поручения.

Например, при рассмотрении Челябинским областным судом заявления об усыновлении ребенка гражданами Франции было установлено, что дедушка и бабушка усыновляемого, которые являлись опекунами его сестры, не дали письменного согласия на его усыновление. В связи с этим судом было принято решение о необходимости опроса данных лиц. Производство по делу было приостановлено до исполнения судебного поручения об опросе дедушки и бабушки усыновляемого в судебном заседании по месту их жительства с

целью установления того, имеют ли они намерение принять ребенка на воспитание в свою семью. Производство по делу было возобновлено судом после получения протокола судебного заседания об исполнении судебного поручения, содержащего сведения об отказе бабушки и дедушки принять ребенка на воспитание в свою семью. Суд вынес решение об удовлетворении заявления граждан Франции об усыновлении.

Как показало проведенное обобщение судебной практики, в ряде случаев усыновляемые дети ранее воспитывались в семьях своих родственников либо граждан Российской Федерации, не являющихся их родственниками, однако впоследствии такие лица отказывались от их воспитания.

Так, по одному из дел, рассмотренных судом Еврейской автономной области, дядя ребенка после двухмесячного нахождения ребенка в его семье отказался от намерения принять ребенка в свою семью в связи с отсутствием на это согласия супруги. Ребенок был передан под опеку гражданам Российской Федерации, однако впоследствии они также отказались от его воспитания в связи с тем, что между ним и их биологическим ребенком не сложились дружеские отношения.

При рассмотрении дел о международном усыновлении судами исследовались вопросы о том, какое количество **граждан Российской Федерации** получило информацию в отношении ребенка и каковы **причины их отказа взять ребенка** на воспитание в семью. Данные обстоятельства отражались судами в решениях. В отдельных случаях в целях проверки указанной информации в суде опрашивались представители органов опеки и попечительства.

Например, Новосибирским областным судом по одному из дел об усыновлении в судебном заседании опрашивался представитель министерства социального развития Новосибирской области, который представил документы о проделанной работе по устройству несовершеннолетнего в семье граждан Российской Федерации, в том числе о количестве лиц, ознакомившихся с информацией о ребенке, и причинах, по которым они не пожелали принять ребенка на воспитание (письменные заявления об ознакомлении и отказе взять ребенка на воспитание, копии документов, удостоверяющих личности граждан, знакомившихся со сведениями о ребенке, и другие).

Обобщение судебной практики свидетельствует о том, что в большинстве случаев российские граждане отказывались от принятия детей на воспитание в свои семьи в связи с состоянием здоровья передаваемых на усыновление детей, наличием у них отягощенной наследственности. В некоторых случаях на такой отказ влияли возраст детей, их внешние данные, пол, неблагоприятный социальный статус их родителей, а также невозможность установления психологического контакта с ребенком.

Так, при рассмотрении Саратовским областным судом одного из дел об усыновлении было установлено, что из-за проблем в поведении и возраста усыновляемого ребенка (девять лет) от принятия несовершеннолетнего на воспитание отказались 17 российских семей. Кроме того, ребенок дважды передавался под опеку, но по заявлению опекунов они были освобождены от возложенных на них обязанностей из-за проблем в поведении ребенка.

По одному из дел, рассмотренных Ярославским областным судом, основной причиной отказа граждан от принятия ребенка в свои семьи также являлся возраст ребенка (девять лет).

Тверской областной суд, рассматривая заявление граждан Франции об усыновлении несовершеннолетнего, установил, что со сведениями о ребенке знакомились 309 российских семей, однако данные граждане отказались от посещения ребенка в детском учреж-

дении с целью решения вопроса о принятии девочки на воспитание в связи с состоянием ее здоровья. По одному из дел, рассмотренных Саратовским областным судом, было установлено, что от усыновления несовершеннолетнего отказалось 49 семей в связи с отягощенной наследственностью ребенка, а также состоянием его здоровья и негативной информацией о его матери.

Имели место случаи, когда заявители отказывались от усыновления детей вследствие проведенного дополнительного медицинского обследования несовершеннолетних.

Так, по двум из рассмотренных Верховным Судом Республики Коми дел об усыновлении производство на стадии подготовки дел к рассмотрению приостанавливалось на время проведения экспертной комиссией при Министерстве здравоохранения Республики Коми медицинского освидетельствования несовершеннолетних детей в соответствии с приказом Минздравмедпрома России № 369, Минобразования России № 641 от 25 декабря 1995 г. "О медицинском освидетельствовании детей, передаваемых на воспитание в семью". По одному из указанных дел после ознакомления кандидатов в усыновители с состоянием здоровья ребенка, которое они определили в своем заявлении как "вновь открывшееся для себя по данному вопросу обстоятельство", супруги — граждане Италии подали в суд заявление об отказе от требования об усыновлении данного ребенка.

Как и в предыдущие годы, дела об усыновлении ребенка, достигшего возраста **четырнадцати лет**, были рассмотрены с участием такого ребенка, за исключением случая, когда состояние здоровья усыновляемого не позволяло выяснить в судебном заседании его мнение.

Так, при рассмотрении Рязанским областным судом дела об усыновлении ребенка его дядей — гражданином Российской Федерации и женой дяди — гражданкой Республики Молдова ребенок не опрашивался судом в судебном заседании в связи с состоянием его здоровья (ребенок страдает тяжелой умственной отсталостью, вследствие данного заболевания ему установлена инвалидность). Удовлетворяя заявление, суд учел, что на время усыновления дядя ребенка являлся его опекуном и ребенок проживал в семье заявителей.

Мнение детей в возрасте от **десяти до четырнадцати лет** по вопросу их усыновления выяснялось судом, как правило, также в судебном заседании. В отдельных случаях мнение детей указанного возраста выяснялось органом опеки и попечительства.

Например, Краснодарским краевым судом рассмотрено дело об усыновлении ребенка, достигшего возраста десяти лет, который длительное время проживает в Израиле с матерью — гражданкой России и усыновителем — гражданином Израиля (супругом матери). Удовлетворяя требование об усыновлении данного ребенка, суд принял во внимание заявление несовершеннолетнего, приобщенное к материалам дела, согласно которому он выразил желание быть усыновленным супругом матери и просил присвоить ему фамилию усыновителя.

Если суд приходил к выводу о том, что **дети более раннего возраста** в силу своего развития могут сформулировать свои взгляды по вопросам их усыновления, то такие несовершеннолетние также опрашивались в судебном заседании. Так, дети в возрасте младше десяти лет опрашивались в судебном заседании Приморским краевым судом, Архангельским, Владимирским, Иркутским, Кемеровским и Ярославским областными судами, Санкт-Петербургским городским судом, судом Еврейской автономной области.

Судом задавались вопросы об отношении ребенка к усыновителям, о возможности оставления им детско-

го учреждения, о его друзьях, о желании поехать вместе с усыновителями к ним домой. При наличии у детей родственников суд выяснял, понимают ли дети, что в случае усыновления им придется расстаться с родными, а также желают ли они поддерживать с ними связь.

Так, по делу по заявлению граждан Италии, рассмотренному Приморским краевым судом, в присутствии педагога опрашивался усыновляемый мальчик в возрасте восьми лет, имеющий двух братьев. Ребенку задавались вопросы о том, где он учится, кем хочет стать, когда вырастет, знаком ли он с заявителями, знает ли их имена, будет ли скучать по своим друзьям, знает ли он о своих двух братьях, общается ли он со своими братьями и бабушками, как он относится к усыновлению, хочет ли ехать в Италию с усыновителями. Необходимость опроса ребенка была вызвана тем, что заявление об усыновлении было подано в отношении только данного ребенка, вопрос об усыновлении его братьев заявителями не ставился.

При решении вопроса о возможности опросить ребенка, не достигшего возраста десяти лет, непосредственно в судебном заседании судом выяснялось мнение руководителя учреждения, в котором находился ребенок, представителя органа опеки и попечительства. Их позиция по данному вопросу основывалась на результатах проведенного в детском учреждении тестирования ребенка, заключениях врачей, педагога-психолога относительно того, достиг ли ребенок достаточной степени развития и способен ли он сформулировать свои собственные взгляды, а также не отразится ли негативно опрос в суде на его психическом или физическом состоянии.

По одному из дел, рассмотренных Владимирским областным судом, в порядке подготовки дела к судебному разбирательству суд обязал провести в детском учреждении тестирование ребенка с привлечением соответствующих врачей и специалистов, педагога-психолога для подготовки письменного заключения о возможности и целесообразности опроса усыновляемого, которому на момент рассмотрения заявления исполнилось девять лет, в судебном заседании с учетом его возраста и индивидуальных особенностей развития, а также способности формулировать свои собственные взгляды по вопросу его усыновления. После проведенного тестирования было дано заключение о том, что с учетом возраста несовершеннолетнего и его индивидуальных особенностей развития присутствие и опрос усыновляемого в судебном заседании нецелесообразны. Данное заключение было принято судом во внимание.

В судебной практике имели место случаи одновременного **усыновления заявителями двоих и более детей, являющихся между собой братьями и сестрами**. Такие заявления были удовлетворены, в частности, Верховным Судом Республики Саха (Якутия), Пермским и Приморским краевыми судами, Вологодским, Иркутским, Кемеровским, Кировским, Омским и Рязанским областными судами, Санкт-Петербургским городским судом, судом Еврейской автономной области.

Так, например, Омским областным судом удовлетворено заявление гражданина Испании и гражданки Российской Федерации об усыновлении двоих детей, которые являются племянниками одного из заявителей (гражданки Российской Федерации); решением Кемеровского областного суда удовлетворено заявление граждан Италии об усыновлении (удочерении) троих несовершеннолетних детей, являющихся братьями и сестрой, которые проживали в одном детском доме; по одному из рассмотренных судом Еврейской автономной области делу заявители усыновили троих детей-родственников, а по другому делу, рассмотренному этим же судом, — двух братьев.

В ходе судебного разбирательства по всем делам судом выяснялся вопрос о том, по каким **причинам** заявители решили прибегнуть к процедуре **усыновления**, а также что послужило основанием для принятия ими решения об **усыновлении ребенка, являющегося гражданином Российской Федерации**.

Анализ судебной практики показал, что почти по всем делам заявители ссылались на невозможность иметь биологических детей, в том числе посредством вспомогательных репродуктивных технологий, а также на наличие у них желания и возможности позаботиться о развитии и образовании ребенка, оставшегося без попечения родителей.

По одному из дел, рассмотренных Архангельским областным судом, заявители пояснили, что их решение об усыновлении обусловлено нереализованным желанием быть родителями в связи с гибелью их сына в дорожно-транспортном происшествии.

Основаниями для принятия решений об усыновлении ребенка, являющегося гражданином Российской Федерации, заявители называли наличие у них знакомых, усыновивших детей из России, близость заявителей к культуре и обычаям России, а также наличие успешного опыта усыновления первого ребенка из России.

Как показало обобщение судебной практики, по ряду дел суды удовлетворяли заявления об усыновлении иностранными гражданами детей, имеющих братьев и сестер, также оставшихся без попечения родителей, **в отношении которых вопрос об усыновлении заявителями не ставился**.

При рассмотрении таких заявлений суды руководствовались п. 3 ст. 124 СК РФ, согласно которому усыновление братьев и сестер разными лицами не допускается, за исключением случаев, когда усыновление отвечает интересам детей.

Заявление об усыновлении ребенка, имеющего братьев и сестер, удовлетворялось судом только в случае, если суд приходил к выводу о том, что разлучение усыновляемого ребенка с братьями и сестрами отвечает интересам ребенка.

Так, например, удовлетворяя заявление об усыновлении, Пермский краевой суд принял во внимание проведенную психологической службой ГКУСО ПК “Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей” города Перми оценку взаимоотношений и уровня привязанности несовершеннолетних друг к другу, согласно которой усыновляемый ребенок не знает о существовании старшего брата, так как с рождения дети воспитываются отдельно, какая-либо привязанность между братьями отсутствует. С учетом указанного суд согласился с заключением территориального управления Министерства социального развития Пермского края о возможности усыновления младшего брата отдельно от его старшего брата.

В ряде случаев суд выяснял мнение братьев (сестер) усыновляемых детей относительно их раздельного усыновления.

В частности, по одному из дел об усыновлении, рассмотренных Архангельским областным судом, по результатам проведенной педагогом-психологом диагностики было установлено, что из четверых детей, являющихся родственниками ребенка и воспитывающихся в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, родственные связи у ребенка сформированы с тремя из детей. Однако, поскольку возраст этих детей не соответствовал пожеланиям кандидатов в усыновители, вопрос об их усыновлении не ставился. Несмотря на то, что суду были представлены заключение органа опеки и попечительства, а также листы беседы с тремя братьями и сестрой усыновляемого ребенка и написанные ими собственноручно в присутствии сотрудников учреждения, вос-

питанниками которого они являлись, заявления о согласии на усыновление их брата, суд пришел к выводу о необходимости опроса детей в судебном заседании. В ходе опроса дети подтвердили свое согласие на усыновление их брата, указав, что для него будет лучше воспитываться в семье, чем в учреждении для детей, оставшихся без попечения родителей.

Проведенное обобщение судебной практики показало, что в подавляющем большинстве случаев **возраст усыновляемого ребенка либо состояние его здоровья** отвечали рекомендациям, которые были даны усыновителям в социально-психологическом отчете либо в свидетельстве о способности быть усыновителями.

В случаях, когда возраст усыновляемого ребенка либо состояние его здоровья не отвечали указанным рекомендациям, заявители представляли в суд дополнительные документы, подтверждающие их способность усыновить именно этого ребенка.

Так, при рассмотрении дела об усыновлении гражданами Италии двух несовершеннолетних, имеющих группу инвалидности, Краснодарский краевой суд обязал заявителей представить дополнительное заключение компетентного органа страны проживания заявителей о возможности усыновления ими указанных детей, поскольку из социально-психологического отчета следовало, что заявители не готовы к принятию в свою семью ребенка с инвалидностью. Оценив в совокупности представленные доказательства, выяснив позицию заявителей относительно их понимания имеющихся диагнозов у детей с учетом полученных ими консультаций у врачей по месту их проживания, суд пришел к выводу о том, что имеющиеся диагнозы не являются препятствием для усыновления заявителями этих детей.

Судом Еврейской автономной области при рассмотрении дела по заявлению граждан Италии было установлено, что согласно социальному отчету рекомендованный возраст усыновляемого ребенка указан от четырех до восьми лет, однако на момент рассмотрения дела ребенку исполнилось десять лет. Данный вопрос судом ставился на обсуждение сторон, и с учетом мнения заявителей о том, что они изначально были готовы усыновить ребенка более старшего возраста и имеющаяся разница в возрасте ребенка для них не имеет значения, а также представленного заявителями обновленного социального отчета, согласно которому они могут усыновить ребенка в возрасте десяти лет, суд удовлетворил заявление об усыновлении.

Во всех случаях судом выяснялось, ознакомились ли заявители с медицинскими документами усыновляемого ребенка, понимают ли они имеющиеся у него диагнозы, **готовы ли они обеспечить ребенку необходимую медицинскую помощь.**

Так, например, получение дополнительной информации о состоянии усыновляемого ребенка и подробное ознакомление кандидатов в усыновители с медицинской документацией мальчика послужили причиной отказа супругов — граждан Италии от поданного ими в Верховный Суд Республики Коми заявления об усыновлении. По одному из рассмотренных Хабаровским краевым судом дел об усыновлении граждане Италии отказались от усыновления несовершеннолетнего ребенка, ссылаясь на то, что, получив дополнительные консультации о состоянии здоровья ребенка, изменили свое решение и не желают его усыновлять. Производство по делу судом было прекращено.

При рассмотрении дел о международном усыновлении суды изучали заключение психолога относительно **общения усыновителей с усыновляемым ребенком** и выясняли в том числе вопросы о том, каковы были длительность и периодичность такого общения. Судебная практика свидетельствует о том, что, как правило, усыновители общались с детьми 2—3 раза по не-

сколько часов в течение нескольких дней как в детском учреждении, где находился ребенок, так и за его пределами — на улице, в парках, кафе. В перерывах между личным общением с ребенком усыновители продолжали интересоваться его судьбой и общались с ним посредством сети “Интернет”, передавали ему игрушки и фотографии. По всем рассмотренным делам период общения ребенка с усыновителями с момента их знакомства до принятия решения усыновителями об усыновлении данного ребенка судом признан достаточным для установления устойчивого контакта.

В ходе судебного разбирательства суды исследовали также обстоятельства того, насколько успешно кандидаты в усыновители, **ранее усыновившие** детей, в том числе граждан Российской Федерации, справляются со своими родительскими обязанностями в отношении этих детей. В качестве доказательств, свидетельствующих о выполнении своих обязанностей по воспитанию ранее усыновленных детей надлежащим образом, заявители представляли медицинские заключения на детей с положительной динамикой их развития, учебно-педагогические характеристики, социально-психологические отчеты о жизни и развитии детей, подготовленные социальными работниками, наблюдающими за жизнью детей.

В 2018 году рассмотрено несколько дел об усыновлении, заявления по которым поданы лицами, воспитывающими ранее усыновленных детей. Такие дела были рассмотрены, в частности, Верховным Судом Республики Саха (Якутия), Верховным Судом Удмуртской Республики, Алтайским краевым судом, Иркутским, Кемеровским, Рязанским, Саратовским и Челябинским областными судами, Санкт-Петербургским городским судом, судом Еврейской автономной области. При этом по трем делам усыновители ранее приняли в свою семью двоих детей.

Например, при рассмотрении заявления граждан Испании Верховным Судом Республики Саха (Якутия) установлено, что супруги в 2013 году усыновили ребенка — гражданина Российской Федерации, 2011 года рождения. Удовлетворяя заявление, суд принял во внимание, что заявители имеют положительный опыт усыновления, поскольку успешно справляются со своими родительскими обязанностями в отношении ранее усыновленного ребенка.

По одному из дел об усыновлении, рассмотренных Алтайским краевым судом, установлено, что супруги — граждане Италии ранее усыновили ребенка, являвшегося гражданином Российской Федерации. Ребенок вместе с ними приехал в Россию для встречи с будущим братом, который находился в том же детском доме, где ранее воспитывался и он. В судебном заседании представитель детского учреждения, воспитанником которого был ранее усыновленный ребенок, пояснила, что работники детского учреждения отметили значительные положительные изменения в поведении ребенка, а также то, что родители справились с имевшимися у него проблемами.

С учетом того, что дети усыновлялись иностранными гражданами, вопрос о том, владеют ли усыновители **русским языком** и каким образом они планируют преодолевать языковой барьер с учетом возраста ребенка и периода, необходимого для его адаптации и овладения языком страны проживания, проверялся судами при рассмотрении каждого дела. Судами исследовался также вопрос о намерении усыновителей способствовать изучению ребенком родного языка, поддерживать интерес ребенка к национальной культуре страны происхождения.

Заявители в судебном заседании указывали на принятие мер к изучению ими русского языка, на наличие в стране проживания их родственников, друзей, коллег, владеющих русским языком и имеющих объектив-

ную возможность помочь им в случае необходимости. Ряд заявителей на момент усыновления владели русским языком в достаточной степени, чтобы общаться с ребенком без посторонней помощи.

В ходе судебного разбирательства суды выясняли также вопросы, связанные с устройством ребенка в детские учреждения (детские сады, школы и другие).

По всем делам судами исследовался вопрос о прохождении кандидатами в усыновители **подготовки** в порядке, установленном п. 6 ст. 127 СК РФ.

В подавляющем большинстве случаев трудоемкость программы подготовки кандидатов в усыновители соответствовала критериям, установленным в п. 3 Требований к содержанию программы подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, утвержденных приказом Минобрнауки России от 20 августа 2012 г. № 623 “Об утверждении требований к содержанию программы подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, и формы свидетельства о прохождении такой подготовки на территории Российской Федерации”.

Вместе с тем в судебной практике имел место случай, когда сведения о пройденной подготовке усыновителями были указаны неполно, что явилось причиной оставления заявления об усыновлении без движения и впоследствии его возврата заявителям. Так, определением Иркутского областного суда оставлено без движения заявление граждан Испании об удочерении ребенка в связи с тем, что приложенная к заявлению программа подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, не содержала сведений о количестве практических занятий. В связи с тем, что заявители не уточнили трудоемкость программы подготовки, определением судьи данное заявление было возвращено на основании ч. 2 ст. 136 ГПК РФ.

Как показало проведенное обобщение, в необходимых случаях суды назначали **экспертизы**, а также привлекали к участию в деле специалистов, психологов.

Так, например, для правильного разрешения вопроса о том, будет ли усыновление отвечать интересам ребенка, Иркутским областным судом была назначена комплексная медико-психолого-педагогическая экспертиза для определения готовности заявителей быть усыновителями ребенка с имеющимися у него заболеваниями, об установлении детско-родительских отношений между усыновляемым ребенком и заявителями, а также о готовности ранее усыновленного заявителями несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации стать братом усыновляемого мальчика, который имеет ряд заболеваний.

При усыновлении ребенка, как правило, заявителями ставились вопросы об **изменении фамилии, имени ребенка, об изменении или неприсвоении отчества** (ст. 134 СК РФ).

По всем делам изменение фамилии, имени и отчества усыновленного ребенка, достигшего возраста десяти лет, было произведено с его согласия (п. 4 ст. 134 СК РФ).

По одному из дел, рассмотренных Кемеровским областным судом, заявители — граждане Италии просили изменить имя ребенка, ссылаясь на то, что в переводе на итальянский язык оно означало “бабушка”, что для девочки неприемлемо. Суд удовлетворил просьбу усыновителей.

В соответствии с п. 1 ст. 135 СК РФ для обеспечения тайны усыновления по просьбе усыновителя могут быть **изменены дата рождения** усыновленного ребенка, но не более чем на три месяца, а также место его рождения; изменение даты рождения усыновленного ребенка допускается только при усыновлении ребенка в

возрасте до года; по причинам, признанным судом уважительными, изменение даты рождения усыновленного ребенка может быть разрешено при усыновлении ребенка, достигшего возраста одного года и старше.

Руководствуясь указанной нормой, Санкт-Петербургский городской суд удовлетворил заявление гражданина Российской Федерации и гражданки Латвийской Республики об удочерении несовершеннолетнего ребенка, 2018 года рождения, и изменил дату рождения на один день.

По другому делу, рассмотренному тем же судом, суд, удовлетворив заявление гражданина Российской Федерации и гражданки Белоруссии об усыновлении ребенка, отказал в удовлетворении их требования об изменении даты рождения ребенка на один год. Обосновывая просьбу об изменении даты рождения ребенка, заявители пояснили, что ребенок отстает от сверстников, его рост и вес не соответствуют возрасту, в связи с чем к школе через год он может быть не готов. Отказывая в удовлетворении указанного требования, суд руководствовался положениями п. 1 ст. 135 СК РФ, из которых следует, что дата рождения ребенка, достигшего возраста одного года и старше, может быть изменена не более чем на три месяца и только по причинам, признанным судом уважительными. Таким образом, изменение даты рождения ребенка на один год, как того просили заявители, противоречило указанной норме. Кроме того, согласно пояснениям медицинского работника детского учреждения, допрошенного в качестве специалиста, в случае надлежащего ухода, рационального питания, наблюдения врачей к началу следующего учебного года ребенок может догнать сверстников по уровню физического развития.

В 2018 году Верховным Судом Республики Саха (Якутия) и Санкт-Петербургским городским судом по делам о международном усыновлении на основании ст. 226 ГПК РФ были вынесены **частные определения**.

Так, по делу по заявлению граждан Италии, рассмотренному Верховным Судом Республики Саха (Якутия), вынесено частное определение в адрес органов опеки и попечительства МО “Город Якутск”, ГБУ “Городской специализированный дом ребенка” и регионального оператора — Министерства труда и социального развития Республики Саха (Якутия) в связи с неприятием достаточных мер для передачи ребенка его родственникам (не предпринимались попытки установить местонахождение предполагаемой биологической матери ребенка, которая ранее обращалась в орган опеки и попечительства и выражала желание забрать ребенка).

По другому делу Верховным Судом Республики Саха (Якутия) вынесено частное определение в адрес органов опеки и попечительства МО “Усть-Нерский улус (район)” и регионального оператора — Министерства труда и социального развития Республики Саха (Якутия) в связи с неприятием достаточных мер для передачи детей в семьи граждан Российской Федерации, не оказанием реального содействия в устройстве детей на воспитание в семьи граждан Российской Федерации. Как установлено в ходе судебного разбирательства, каких-либо мер по установлению совершеннолетних родственников детей не принималось, с момента постановки ребенка на учет ознакомиться со сведениями о ребенке было предложено только одному гражданину Российской Федерации.

Санкт-Петербургским городским судом вынесены три частных определения. По одному делу частное определение вынесено в адрес органа опеки и попечительства и регионального оператора в связи с допущенными нарушениями законодательства при организации устройства ребенка в семью, выразившимися в неприятии всех возможных мер и способов к устройству усыновляемого в семьи российских граждан, в том числе в

семью опекуна биологического брата усыновляемого ребенка. По двум другим делам частные определения вынесены в адрес органа опеки и попечительства и регионального оператора в связи с тем, что на момент выдачи направления иностранным гражданам для посещения несовершеннолетнего прошло менее двенадцати месяцев со дня поступления сведений о нем в федераль-

ный банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей, а также в связи с непринятием эффективных мер, направленных на передачу несовершеннолетнего на воспитание российским гражданам.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
29 мая 2019 г.)*

ОБЗОР ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ СПОРОВ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ОТНОШЕНИЙ ПО ДОБРОВОЛЬНОМУ ЛИЧНОМУ СТРАХОВАНИЮ, СВЯЗАННОМУ С ПРЕДОСТАВЛЕНИЕМ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТА

Верховным Судом РФ проводится систематическая работа по разъяснению вопросов судебной практики в целях обеспечения единообразного применения судами законодательства Российской Федерации, связанного с защитой прав потребителей, в частности страхованием.

Так, Пленумом Верховного Суда РФ приняты постановления от 28 июня 2012 г. № 17 “О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей”, от 27 июня 2013 г. № 20 “О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан” и от 26 декабря 2017 г. № 58 “О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств”.

Актуальные вопросы применения судами законодательства о страховании освещались в тематических обзорах судебной практики, утвержденных Президиумом Верховного Суда РФ, в частности в Обзоре Верховного Суда Российской Федерации по отдельным вопросам судебной практики о применении законодательства о защите прав потребителей при рассмотрении гражданских дел (утвержден 1 февраля 2012 г.), в Обзоре практики рассмотрения судами дел, связанных с обязательным страхованием гражданской ответственности владельцев транспортных средств (утвержден 22 июня 2016 г.), в Обзоре судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг (утвержден 27 сентября 2017 г.), в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с добровольным страхованием имущества граждан (утвержден 27 декабря 2017 г.).

Отдельные правовые позиции излагались в периодических обзорах Верховного Суда РФ.

Поскольку к настоящему моменту накоплена значительная практика применения судами правовых норм, регулирующих добровольное личное страхование, связанное с предоставлением потребительского кредита, в целях обеспечения эффективной защиты нарушенных прав и законных интересов страхователей, выгодоприобретателей и страховщиков, правильного и единообразного применения законов при рассмотрении дел соответствующей категории подготовлен данный обзор. На основании ст. 126 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 2, 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации” выработаны следующие правовые позиции.

1. На отношения между физическим лицом — потребителем финансовой услуги, заключившим договор добровольного личного страхования одновременно с потребительским кредитным договором, и финансовой организацией распространяются положения Закона РФ “О защите прав потребителей”.

Д. обратилась в суд с иском к банку о признании договора присоединения к программе страхования жизни и трудоспособности заемщиков кредитов и держателей кредитных карт в банке расторгнутым, взыска-

нии платы за подключение к программе страхования, денежной компенсации морального вреда и штрафа, предусмотренного п. 6 ст. 13 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 “О защите прав потребителей” (далее — Закон о защите прав потребителей).

Разрешая спор и частично удовлетворяя иски требования, суд первой инстанции исходил из того, что в пользу Д. с банка подлежат взысканию штраф и денежная компенсация морального вреда, предусмотренные п. 6 ст. 13 и ст. 15 Закона о защите прав потребителей, поскольку банк отказался прекратить действие договора добровольного личного страхования досрочно и продолжал списывать с банковского счета Д. денежные средства в качестве платы за присоединение к программе страхования.

Отменяя решение суда в части взыскания в пользу истца штрафа и денежной компенсации морального вреда, суд апелляционной инстанции указал на то, что правоотношения по обязательствам, возникшим из неосновательного обогащения, Законом о защите прав потребителей не регулируются, а нормы Гражданского кодекса РФ не предусматривают взыскание штрафа и денежной компенсации морального вреда в качестве ответственности при невозврате неосновательного обогащения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, признавая апелляционное определение вынесенным с нарушением норм материального права и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, руководствовалась положениями ст. 9 Федерального закона от 26 января 1996 г. № 15-ФЗ “О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации”, п. 1 ст. 1 Закона о защите прав потребителей и исходила из того, что гражданин, заключая договор добровольного личного страхования одновременно с потребительским кредитным договором, является потребителем финансовой услуги. Отношения по оказанию финансовой услуги регулируются как нормами Гражданского кодекса РФ, так и положениями Закона о защите прав потребителей в том случае, если банковский счет используется таким гражданином для личных, семейных, домашних и иных нужд.

Данная позиция вытекает из преамбулы Закона о защите прав потребителей и разъяснений, изложенных в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 “О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей”.

Судами установлено, что Д. выразила желание досрочно расторгнуть договор добровольного личного страхования, что допускается в соответствии с его условиями, однако банк продолжал списывать с банковского счета Д. денежные средства в качестве платы за присоединение к программе страхования в отсутствие оснований для такого списания, чем нарушил п. 2 ст. 854 ГК РФ.

С учетом того, что банк нарушил права Д., предусмотренные п. 2 ст. 854 ГК РФ, оснований для отказа в

удовлетворении требования истца о компенсации морального вреда и взыскании штрафа не имелось.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6 марта 2018 г. № 66-КГ17-15)

2. При подключении заемщика к программе добровольного страхования до сведения потребителя должна быть доведена информация о характере оказываемых финансовых услуг, об условиях их оплаты, в том числе информация о праве на отказ от участия в программе страхования.

Ч. обратилась в суд с иском к банку о защите прав потребителей, взыскании убытков, неустойки, процентов за пользование чужими денежными средствами, компенсации морального вреда.

Удовлетворяя частично исковые требования Ч., суд первой инстанции исходил из того, что истец как потребитель финансовой услуги не была проинформирована банком о добровольном характере страхования, об условиях и о стоимости, а также о возможности досрочного прекращения действия договора добровольного личного страхования, в связи с чем была лишена возможности сделать выбор относительно необходимости заключения договора добровольного личного страхования при предоставлении кредита.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции указал, что при заключении кредитного договора истец была проинформирована о добровольном характере страхования, об условиях и о стоимости, а также о возможности досрочного прекращения действия договора добровольного личного страхования.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, отменяя апелляционное определение и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, руководствовалась положениями п. 1 ст. 329 и ст.ст. 310, 450 ГК РФ, ст. 33 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 “О банках и банковской деятельности”, ст.ст. 10, 12 и 16 Закона о защите прав потребителей и исходила из того, что судом апелляционной инстанции не дано никакой оценки отказу банка в удовлетворении заявления потребителя о прекращении участия в программе страхования.

Между тем на данные обстоятельства истец ссылалась в исковом заявлении о взыскании излишне уплаченных платежей.

В возражениях на кассационную жалобу Ч. банк сослался на то, что оказывал услуги по присоединению истца к программе страхования одновременно при заключении договора добровольного личного страхования на год и при последующей пролонгации на следующий год с рассрочкой оплаты заемщиком (застрахованным) данной услуги в виде ежемесячных платежей в течение года страхования.

В соответствии с указанными выше положениями норм материального права, а также требованиями ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суду следовало в таком случае установить, предусмотрено ли это условиями заключенного сторонами договора добровольного личного страхования, дав ему толкование по правилам ст. 431 ГК РФ, а также была ли банком доведена до потребителя соответствующая информация о характере оказываемых услуг, об условиях их оплаты в сочетании с правом на отказ от участия в программе страхования в любое время с тем, чтобы потребитель мог сделать надлежащий выбор и принять эту услугу или отказаться от нее при заключении договора.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 июня 2017 г. № 6-КГ17-2)

3. К наследникам переходит право требования исполнения договора добровольного личного страхования, заключенного наследодателем, а следовательно, на отно-

шения между наследниками и страховщиком распространяются положения Закона о защите прав потребителей.

Ш. обратилась в суд с иском к страховщику о взыскании убытков, компенсации морального вреда и штрафа за несоблюдение в добровольном порядке требований потребителя.

Разрешая спор, суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу о нарушении страховщиком сроков выплаты страхового возмещения и взыскали со страховщика в пользу Ш. причиненные просрочкой платежа убытки. Отказывая в удовлетворении иска в части взыскания денежной компенсации морального вреда и штрафа, предусмотренных положениями Закона о защите прав потребителей, судебные инстанции исходили из того, что данный Закон к спорным правоотношениям не применяется, поскольку Ш. как наследник страхователя не являлась ни стороной договора добровольного личного страхования, ни выгодоприобретателем.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, отменяя апелляционное определение и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, руководствовалась положениями ст.ст. 1112 и 1113 ГК РФ, а также Закона о защите прав потребителей и исходила из того, что после смерти З. (страхователя) к его наследнику Ш. перешло право требовать исполнения договора добровольного личного страхования, а следовательно, на отношения между Ш. и страховщиком распространяется Закон о защите прав потребителей, в том числе и в части взыскания штрафа и денежной компенсации морального вреда (п. 6 ст. 13 и ст. 15 Закона о защите прав потребителей).

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 апреля 2018 г. № 35-КГ18-4)

4. Обязательный досудебный порядок урегулирования спора по требованиям, возникающим из договора добровольного личного страхования граждан, действующим законодательством не предусмотрен.

К. обратилась с иском к страховщику о взыскании части суммы страховой премии в связи с досрочным прекращением договора добровольного личного страхования и денежной компенсации морального вреда.

Определением судьи суда первой инстанции исковое заявление возвращено на основании п. 1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ в связи с несоблюдением истцом досудебного порядка урегулирования спора с ответчиком.

Согласно правовой позиции, изложенной в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 “О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей”, до подачи искового заявления в суд обязательный претензионный порядок урегулирования споров предусмотрен только в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения оператором связи обязательств, вытекающих из договора об оказании услуг связи (п. 4 ст. 55 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ “О связи”), а также в связи с перевозкой пассажира, багажа, груза или в связи с буксировкой буксируемого объекта внутренним водным транспортом (п. 1 ст. 161 Кодекса внутреннего водного транспорта РФ).

К. предъявлен иск о возврате страховой премии в связи с прекращением договора кредитования и защите ее прав как потребителя страховой услуги, который не требует обязательного соблюдения досудебного порядка урегулирования спора.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции пришел к правильному выводу о том, что исковое заявление К. соответствовало требованиям ст. 131 ГПК РФ и возвращению не подлежало.

(По материалам судебной практики Московского городского суда)

Следует отметить, что с 28 ноября 2019 г. потребитель финансовых услуг вправе заявлять в судебном по-

рядке требования к страховщику только после получения от финансового уполномоченного решения по обращению (ч. 2 ст. 25 и ч. 6 ст. 32 Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ “Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг”).

Таким образом, законодателем установлен обязательный досудебный порядок урегулирования спора, в том числе по делам, возникающим из отношений по добровольному личному страхованию, связанному с предоставлением потребительского кредита.

5. При присоединении к программе страхования и внесении заемщиком соответствующей платы за такое присоединение застрахованным является имущественный интерес заемщика, который по данному договору является страхователем.

Региональная общественная организация защиты прав потребителей обратилась в суд в защиту интересов И. с иском к банку о признании недействительным заявления об участии в программе коллективного страхования.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суды первой и апелляционной инстанций руководствовались положениями ст. 421 ГК РФ и исходили из того, что И. добровольно согласилась стать застрахованным лицом по договору коллективного страхования, заключенному между банком и страховой организацией. Присоединение И. к действующему между банком и страховщиком договору коллективного страхования не свидетельствует о нарушении прав заемщика как потребителя, а потому оснований для признания заявления об участии в программе коллективного страхования недействительным не имеется.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с вынесенными судебными постановлениями не согласилась по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 421 ГК РФ (здесь и далее правовые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена названным Кодексом, законом или добровольно принятым обязательством.

В силу п. 4 ст. 421 ГК РФ условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами (ст. 422). В случаях, когда условие договора предусмотрено нормой, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное (диспозитивная норма), стороны могут своим соглашением исключить ее применение либо установить условие, отличное от предусмотренного в ней. При отсутствии такого соглашения условие договора определяется диспозитивной нормой.

Судом установлено, что, обращаясь к банку с требованием о признании недействительным заявления об участии в программе коллективного страхования, И. как застрахованное лицо указывала на то, что заявление, не допускающее возврат платы за участие в программе страхования, противоречит указанию Банка России от 20 ноября 2015 г. № 3854-У “О минимальных (стандартных) требованиях к условиям и порядку осуществления отдельных видов добровольного страхования” (далее — Указание Банка России).

Указанием Банка России, вступившим в силу 2 марта 2016 г., исходя из его преамбулы установлены минимальные (стандартные) требования к условиям и порядку осуществления в отношении страхователей — физических лиц страхования жизни на случай смерти, дожития до определенного возраста или срока либо наступления иного события; страхования жизни с усло-

вием периодических страховых выплат (ренты, аннуитетов) и (или) с участием страхователя в инвестиционном доходе страховщика; страхования от несчастных случаев и болезней и т.д. (далее — добровольное страхование).

В силу пп. 1, 5, 6 и 10 Указания Банка России все договоры добровольного страхования, заключенные с физическими лицами после вступления в силу Указания, должны соответствовать требованиям, предусматривающим право страхователя — физического лица в течение пяти рабочих дней со дня заключения договора добровольного страхования отказаться от него с возвратом страховой премии в полном объеме, если к моменту отказа от него договор страхования не начал действовать, а если договор начал действовать, то за вычетом суммы страховой премии, пропорциональной времени действия начавшегося договора добровольного страхования.

Отказывая в удовлетворении иска, судебные инстанции приведенные выше положения законодательства не учли.

Необоснованными являются также доводы суда апелляционной инстанции о том, что Указание Банка России неприменимо к спорным правоотношениям, поскольку оно устанавливает минимальные (стандартные) требования к условиям и порядку осуществления страхования в отношении страхователей — физических лиц, в то время как страхователем по договору коллективного страхования являлось юридическое лицо — банк.

Согласно п. 1 ст. 2 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-I “Об организации страхового дела в Российской Федерации” (далее — Закон о страховом деле) страхование — отношения по защите интересов физических и юридических лиц при наступлении определенных страховых случаев за счет денежных фондов, формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий (страховых взносов), а также за счет иных средств страховщиков.

В силу ст. 934 ГК РФ по договору личного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию), уплачиваемую другой стороной (страхователем), выплатить единовременно или выплачивать периодически обусловленную договором сумму (страховую сумму) в случае причинения вреда жизни или здоровью самого страхователя или другого названного в договоре гражданина (застрахованного лица), достижения им определенного возраста или наступления в его жизни иного предусмотренного договором события (страхового случая).

Право на получение страховой суммы принадлежит лицу, в пользу которого заключен договор.

Из материалов дела следует, что в соответствии с договором коллективного страхования от потери работы, несчастных случаев и болезней заемщиков кредитов, заключенным между банком как страхователем и страховщиком, правилами страхования от несчастных случаев и болезней и правилами страхования от потери работы разработаны условия участия в программе коллективного страхования клиентов — физических лиц, являющихся заемщиками по кредиту банка (далее — условия участия).

Условиями участия предусмотрено, что застрахованным является физическое лицо, которому банк предоставил кредит, добровольно изъявившее желание участвовать в программе страхования, страховщиком является страховая организация, а страхователем — банк.

Платой за участие в программе страхования является оплата застрахованным лицом комиссии банка за подключение к указанной программе, а также компен-

сация расходов банка на оплату страховой премии по договору страхования (п. 1 условий участия).

Объектами страхования являются имущественные интересы застрахованного лица, связанные с причинением вреда здоровью застрахованного, а также с его смертью в результате несчастного случая или болезни и (или) связанные с риском неполучения ожидаемых доходов, которые застрахованный получил бы при обычных (планируемых) условиях (п. 3.1 условий участия).

Застрахованный вправе отказаться от участия в программе страхования в любое время, если к моменту отказа возможность наступления страхового случая не отпала по обстоятельствам иным, чем страховой случай (п. 5.5 условий участия).

Страховая выплата производится путем перечисления на банковский счет застрахованного или выгодоприобретателя, приведенный в заявлении о страховом случае, если в нем не указано иное (п. 9.3 условий участия).

Таким образом, вследствие присоединения к программе страхования с внесением заемщиком соответствующей платы застрахованным является имущественный интерес заемщика, а следовательно, страхователем по данному договору является сам заемщик.

Поскольку заемщиком в таком случае является физическое лицо, то на него распространяется приведенное выше Указание Банка России, предусматривающее право такого страхователя в течение пяти рабочих дней¹ отказаться от заключенного договора добровольного личного страхования с возвратом всей уплаченной при заключении им по этому договору страхования (подключении к программе страхования) денежной суммы за вычетом части страховой премии, пропорциональной времени действия такого договора, если таковое имело место, а также реальных расходов банка, понесенных в связи с совершением действий по подключению данного заемщика к программе страхования, обязанность доказать которые в соответствии с ч. 2 ст. 56 ГПК РФ должна быть возложена на банк.

При таких обстоятельствах вывод суда апелляционной инстанции о том, что Указание Банка России неприменимо к данным правоотношениям, является ошибочным.

На основании изложенного Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ апелляционное определение отменено, дело направлено на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 49-КГ17-24)

6. Сумма, в пределах которой страховщик обязуется выплатить страховое возмещение по договору добровольного личного страхования, и/или порядок ее определения устанавливаются сторонами. Условия договора подлежат толкованию судом в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства, закрепленными в ст. 1 ГК РФ, другими положениями Гражданского кодекса РФ, законов и иных актов, содержащих нормы гражданского права (ст.ст. 3, 422 ГК РФ).

В. обратился в суд с иском к страховщику о взыскании страхового возмещения, убытков, неустойки, штрафа, компенсации морального вреда, возмещении расходов на оплату услуг представителя.

Разрешая спор и отказывая В. в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что ответчиком страховая выплата произведена в полном объеме.

¹С 1 января 2018 г. в соответствии с Указанием Банка России от 21 августа 2017 г. № 4500-У в течение четырнадцати календарных дней.

Изменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что, поскольку договор добровольного личного страхования обеспечивает исполнение солидарного обязательства по кредитному договору, соответственно размер страховых сумм не может устанавливаться в долях на каждого из застрахованных лиц и должен быть выплачен в полном объеме независимо от того, что страховой случай наступил только в отношении одного заемщика.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, отменяя апелляционное определение и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, руководствовалась положениями п. 1 ст. 934, пп. 1 и 3 ст. 947 и ст. 431 ГК РФ и исходила из того, что в договорах добровольного личного страхования и договорах страхования гражданской ответственности страховая сумма определяется сторонами по их усмотрению.

Пунктом 8.1.1 договора страхования, заключенного сторонами, предусмотрено осуществление страховщиком страховой выплаты в случае наступления инвалидности первой или второй группы застрахованного лица в размере 100% страховой суммы по личному страхованию, установленной для данного застрахованного лица на дату наступления страхового случая.

По договору добровольного личного страхования застрахованными лицами являются В. и Л. и для каждого из них установлен конкретный размер страховой выплаты, а именно для В. в размере 55% от общей страховой суммы, для Л. — в размере 45%.

Данное обстоятельство не было учтено судом апелляционной инстанции, взыскавшим в пользу В. 100% общей страховой суммы, в связи с неправильным применением нормы материального права, что повлекло вынесение незаконного судебного постановления.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 июня 2017 г. № 46-КГ17-9)

7. По общему правилу досрочное погашение заемщиком кредита само по себе не может служить основанием для применения последствий в виде возврата страхователю части страховой премии за неистекший период страхования.

Х. обратилась в суд с иском к банку и страховщику о прекращении участия в программе добровольного страхования жизни, здоровья и в связи с недобровольной потерей работы заемщика, взыскании платы за подключение к программе страхования, неустойки, денежной компенсации морального вреда, штрафа за неудовлетворение в добровольном порядке требований потребителя, а также расходов на оплату услуг представителя.

Отказывая в удовлетворении исковых требований Х., суды руководствовались положениями п. 1 ст. 934, ст. 958 ГК РФ и исходили из того, что в силу свободы договора и возможности определения сторонами его условий (при отсутствии признаков их несоответствия действующему законодательству и существу возникших между сторонами правоотношений) они становятся обязательными как для сторон, так и для суда при разрешении спора, вытекающего из данного договора.

Судом первой инстанции установлено, что страхование истца осуществлялось на основании соглашения об условиях и о порядке страхования, заключенного между страховщиком и банком.

Приложением к данному соглашению являются условия участия в программе добровольного страхования жизни, здоровья и в связи с недобровольной потерей работы заемщика, в силу положений которых независимо от установления страховой суммы, равной величине первоначальной суммы кредита, в дальнейшем она остается неизменной в течение всего срока действия договора добровольного личного страхования; воз-

возможность наступления страхового случая, срок действия этого договора страхования и размер страховой выплаты не зависят от досрочного возврата кредита и от суммы остатка по кредиту.

При таких обстоятельствах судебные инстанции пришли к правильному выводу о том, что досрочное погашение кредита не прекращает действие договора добровольного личного страхования в отношении заемщика и не предусматривает возврат страховой премии на основании п. 1 ст. 958 ГК РФ.

Учитывая изложенное, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ оставила в силе решение суда первой инстанции и апелляционное определение.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6 марта 2018 г. № 35-КГ17-14; аналогичная правовая позиция содержится в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 44-КГ17-22 и определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 августа 2018 г. № 44-КГ18-8)

8. Если по условиям договора добровольного страхования жизни и здоровья заемщика выплата страхового возмещения обусловлена остатком долга по кредиту и при его полном погашении страховое возмещение выплате не подлежит, то в случае погашения кредита до наступления срока, на который был заключен договор страхования, такой договор страхования прекращается досрочно на основании п. 1 ст. 958 ГК РФ, а уплаченная страховая премия подлежит возврату страхователю пропорционально периоду, на который договор страхования прекратился досрочно.

Г. обратилась в суд с иском к страховщику о возмещении части страховой премии в связи с досрочным прекращением действия договора добровольного личного страхования.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что погашение истцом задолженности по кредитному договору само по себе не является основанием прекращения этого договора страхования и возникновением у страховщика обязательства по возврату страховой премии.

Суд апелляционной инстанции согласился с решением суда, указав также на то, что досрочное погашение кредита не свидетельствует о том, что возможность наступления страхового случая (причинения вреда жизни заемщика) отпала и существование страхового риска (риска причинения вреда жизни заемщика) прекратилось по обстоятельствам иным, чем страховой случай.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, отменяя апелляционное определение и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, исходила из того, что в силу условий договора добровольного личного страхования страховая сумма тождественна сумме задолженности по кредитному договору и уменьшается вместе с погашением этой задолженности, в связи с чем при отсутствии кредитной задолженности страховая сумма равна нулю и в случае наступления страхового случая страховая выплата страховщиком фактически не производится.

Из анализа пп. 1 и 3 ст. 958 ГК РФ следует, что под обстоятельствами иными, чем страховой случай, при которых после вступления в силу договора добровольного личного страхования возможность наступления страхового случая отпала и существование страхового риска прекратилось, в данном случае подразумеваются обстоятельства, приводящие к прерыванию отношений по защите имущественных интересов истца, связанных с причинением вреда ее здоровью или ее смертью в результате несчастного случая, что лишает всякого смысла страхование от несчастных случаев, по ко-

торому невозможна выплата страхового возмещения, и, следовательно, приводит к досрочному прекращению такого договора страхования.

Кроме того, суд апелляционной инстанции не учел, что перечень приведенных в п. 1 ст. 958 ГК РФ оснований для досрочного прекращения договора страхования не является исчерпывающим. Если страховая выплата при наступлении страхового случая по условиям договора добровольного личного страхования будет равна нулю, в силу чего на страховщика невозможно возложить обязанность произвести страховую выплату, то согласно п. 1 ст. 958 ГК РФ действие такого договора прекратится досрочно. В этом случае на основании положений абз. 1 п. 3 ст. 958 ГК РФ страховщик имеет право только на часть страховой премии пропорционально времени, в течение которого действовало страхование.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 мая 2018 г. № 78-КГ18-18)

9. Определение группы инвалидности за пределами срока действия договора добровольного личного страхования в результате заболевания, возникшего в период действия договора добровольного личного страхования, не может служить основанием для отказа страховщика в выплате страхового возмещения.

Ш. обратилась в суд с иском к страховщику о возмещении страхового возмещения, процентов за пользование чужими денежными средствами, штрафа и компенсации морального вреда.

Разрешая спор и отказывая в иске, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что инвалидность в результате болезни установлена истцу после окончания срока действия договора добровольного личного страхования.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, отменяя апелляционное определение и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, исходила из следующего.

Статья 942 ГК РФ к числу существенных условий договора страхования относит условия о характере события, на случай наступления которого осуществляется страхование (страховой случай).

В соответствии с п. 1 ст. 934 ГК РФ по договору личного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию), уплачиваемую другой стороной (страхователем), выплатить единовременно или выплачивать периодически обусловленную договором сумму (страховую сумму) в случае причинения вреда жизни или здоровью самого страхователя или другого названного в договоре гражданина (застрахованного лица), достижения им определенного возраста или наступления в его жизни иного предусмотренного договором события (страхового случая).

Согласно общим положениям договора, заключенного между Ш. и страховщиком, датой наступления страхового события в случае постоянной утраты трудоспособности признается дата установления инвалидности согласно справке медико-социальной экспертизы, выданной застрахованному лицу.

Таким образом, названным соглашением установлено, что страховой случай имеет сложный состав, включая в себя не только событие, на случай наступления которого проводится страхование, но и дополнительное обстоятельство — выдачу застрахованному лицу справки медико-социальной экспертизы, тем самым предусматривая, что страховой случай наступает не в момент наступления этого события, а в момент, когда будет осуществлено дополнительное договорное обстоятельство — выдача соответствующей справки.

Болезнь у Ш., повлекшая установление ей II группы инвалидности, выявлена в сентябре 2014 г., т.е. в

пределах срока договора страхования (с 22 октября 2013 г. по 21 октября 2014 г.).

Справка медико-социальной экспертизы об установлении Ш. группы инвалидности выдана 3 февраля 2015 г., т.е. за пределами срока договора страхования истца.

Между тем, учитывая, что выдача справки медико-социальной экспертизы может осуществляться после окончания срока действия договора страхования, в то время как вред наступил в период действия договора страхования, страхователь в результате присоединения к такому договору, который содержит условие, противоречащее положениям ст. 934 ГК РФ, может быть лишен не только страховой выплаты, но и судебной защиты.

Это обстоятельство судами учтено не было.

Суды не приняли во внимание, что при заключении договора добровольного личного страхования наличие указания на дополнительные обстоятельства (в данном случае — выдачу справки медико-социальной экспертизы) можно рассматривать лишь в качестве обстоятельства, подтверждающего факт наступления страхового случая, а действия компетентного учреждения по установлению инвалидности — как направленные на документальное удостоверение факта наличия у лица повреждений здоровья того или иного характера.

Факт определения истцу II группы инвалидности по заболеванию, впервые диагностированному в период действия договора добровольного личного страхования, ответчиком не оспаривался.

В связи с этим получение подтверждающих документов после истечения срока договора добровольного личного страхования не может служить основанием для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения по заболеванию, ставшему основанием для установления истцу II группы инвалидности и существовавшему вне зависимости от его документального оформления.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 4 декабря 2018 г. № 42-КГ18-6)

10. Сообщение заведомо недостоверных сведений о состоянии здоровья застрахованного при заключении договора добровольного личного страхования является основанием для отказа в выплате страхового возмещения, а также для признания такого договора недействительным.

К. обратился в суд с иском к страховщику о признании страховым случаем по договору добровольного страхования жизни и здоровья установления инвалидности, взыскании с ответчика в пользу кредитной организации страхового возмещения, денежной компенсации морального вреда, штрафа, предусмотренного п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей, и расходов на услуги представителя.

Страховщик обратился в суд с встречным иском к К. о признании договора добровольного личного страхования недействительным и применении последствий недействительности сделки.

Судом установлено, что договор добровольного личного страхования заключен между сторонами на основании правил страхования от несчастных случаев и болезней. Правила были вручены К. лично, он с ними был ознакомлен и согласен. В соответствии с условиями страхования страховым риском по названному договору является в том числе и установление инвалидности I и II группы в результате несчастного случая или болезни.

В разделе «Декларация о состоянии здоровья» К. подтвердил, что не является инвалидом, не страдает в том числе заболеваниями сердечно-сосудистой системы, почек, не является лицом, по медицинским показаниям нуждающимся в постоянной посторонней помощи.

Существенными признаются, во всяком случае, обстоятельства, определенно оговоренные страховщиком в стандартной форме договора страхования (страхового полиса) или в его письменном запросе.

В соответствии с п. 1 ст. 944 ГК РФ при заключении договора страхования страхователь обязан сообщить страховщику известные страхователю обстоятельства, имеющие существенное значение для определения вероятности наступления страхового случая и размера возможных убытков от его наступления (страхового риска), если эти обстоятельства не известны и не должны быть известны страховщику.

Если после заключения договора страхования будет установлено, что страхователь сообщил страховщику заведомо ложные сведения об обстоятельствах, указанных в п. 1 названной статьи, страховщик вправе потребовать признания договора недействительным и применения последствий, предусмотренных п. 2 ст. 179 ГК РФ (п. 3 ст. 944 ГК РФ).

Заболевание, в связи с которым наступила инвалидность К., было получено до заключения договора добровольного личного страхования. При заключении договора добровольного личного страхования К. были сообщены страховщику заведомо ложные сведения, имеющие существенное значение для определения вероятности наступления страхового события и последствий от его наступления, а, поскольку инвалидность наступила вследствие не заявленного им заболевания, суды пришли к правильному выводу о том, что страховой случай не наступил.

(По материалам судебной практики Челябинского областного суда)

11. Страховщик по договору добровольного личного страхования несет ответственность за убытки, возникшие вследствие несвоевременного осуществления выплаты страхового возмещения, которым обеспечивается исполнение кредитного обязательства.

М. обратился в суд с иском к страховщику о взыскании убытков, неустойки, а также денежной компенсации морального вреда и штрафа, предусмотренных п. 6 ст. 13 и ст. 15 Закона о защите прав потребителей.

Отказывая в удовлетворении исковых требований М., суд первой инстанции исходил из того, что обязанность истца по возврату кредита и иные вытекающие из договора с банком обязанности не зависят от факта ненадлежащего исполнения страховщиком обязанности по перечислению суммы страхового возмещения.

По мнению суда, М. был обязан исполнять кредитный договор до момента исполнения страховщиком своих обязательств по выплате страхового возмещения, поскольку ни условиями кредитного договора, ни условиями договора добровольного личного страхования не предусмотрено прекращение обязательств заемщика при наступлении страхового случая.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и оставил решение суда без изменения.

Суд кассационной инстанции, отменяя принятые по делу судебные постановления и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, руководствовался положениями ст.ст. 15 и 393 ГК РФ и исходил из того, что страховщик по договору добровольного личного страхования несет ответственность за несвоевременное осуществление выплаты страхового возмещения, которым обеспечивается исполнение кредитного обязательства в виде возмещения в полном объеме убытков, возникших у страхователя вследствие задержки страховой выплаты.

В силу закона и заключенного между сторонами договора добровольного личного страхования жизни с момента установления истцу II группы инвалидности у

последнего возникло право требовать со страховщика выплаты страхового возмещения в счет погашения его обязательств по кредитному договору перед банком, а в течение 15 календарных дней с даты обращения М. с заявлением о наступлении страхового случая у страховщика возникла обязанность выплатить в пользу банка страховое возмещение в размере задолженности по кредиту на дату наступления страхового случая и неустойки.

Однако, как установлено судом, фактически страховщик исполнил свою обязанность только через три с половиной года, что свидетельствует о ненадлежащем исполнении им своих обязательств по договору добровольного личного страхования, заключенному с

М., что повлекло возникновение у последнего убытков в виде начисленных процентов и неустойки в связи с неисполнением обязательств по кредитному договору.

При надлежащем исполнении страховщиком обязательства по выплате страхового возмещения в пользу банка в течение установленного срока обязательства должника перед банком считались бы исполненными.

(По материалам судебной практики Рязанского областного суда)

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
5 июня 2019 г.)*

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕЗАВИСИМОЙ ГАРАНТИИ

В целях обеспечения единообразных подходов к разрешению споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии, по результатам изучения и обобщения судебной практики Верховным Судом РФ на основании ст. 126 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации” определены следующие правовые позиции.

1. Для возникновения обязательства из независимой гарантии достаточно одностороннего волеизъявления гаранта, если иное прямо не предусмотрено в тексте самой гарантии.

В обеспечение обязательства поставщика по поставке товаров общество (гарант) выдало независимую гарантию, по которой приняло на себя обязательство выплатить определенную сумму покупателю (бенефициару) при предъявлении им письменного требования, содержащего ссылку на невыполнение поставщиком (принципалом) обязательства по поставке.

В связи с неисполнением обеспечиваемого гарантий обязательства бенефициар предъявил гаранту письменное требование об уплате соответствующей суммы с приложением предусмотренных условиями гарантии документов.

Гарант отказался произвести выплату, поскольку обязательство по гарантии не возникло. По мнению гаранта, не была соблюдена простая письменная форма сделки (ст.ст. 161, 434 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), так как бенефициар не направил гаранту письменное извещение об акцепте гарантии.

Рассмотрев иск бенефициара к гаранту о взыскании долга по гарантии, суд признал его обоснованным, поскольку п. 2 ст. 368 ГК РФ, предусматривая необходимость письменного оформления обязательства гаранта, не требует заключения письменного соглашения между гарантом и бенефициаром. Кроме того, в соответствии со ст. 373 Кодекса независимая гарантия вступает в силу со дня ее отправки (передачи) гарантом, если в самой гарантии не предусмотрено иное.

В гарантии гарант не поставил возникновение своих обязательств в зависимость от получения письменного ответа бенефициара о принятии гарантии. Следовательно, обязательства гаранта возникли в момент выдачи гарантии. Поэтому суд, установив, что требование бенефициаром было предъявлено в предусмотренный срок и с приложением всех необходимых документов, иски бенефициара удовлетворил.

2. Обязательство из независимой гарантии нельзя признать отсутствующим по мотиву не указания наименования бенефициара в тексте гарантии, если достоверно

установлено лицо, в пользу которого эта гарантия была выдана.

Общество (гарант) выдало независимую гарантию, не указав в тексте гарантии бенефициара, перед которым оно принимает обязательство уплатить денежную сумму в случае невыполнения принципалом (подрядчиком) предварительно оплаченных работ по строительству торгового центра.

Сославшись на неисполнение подрядчиком обязательств по договору строительного подряда, кредитор (заказчик) обратился к обществу с требованием о совершении платежа по независимой гарантии. Общество отказалось удовлетворить это требование, мотивировав отказ отсутствием гарантийного обязательства.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении иска бенефициара о взыскании долга по гарантии отказано.

Суд исходил из того, что в силу абз. 4 п. 4 ст. 368 ГК РФ в тексте гарантии должно содержаться наименование бенефициара, в пользу которого она выдана. В противном случае гарантийное обязательство в соответствии со ст. 156, п. 1 ст. 432 ГК РФ нельзя считать возникшим.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и удовлетворил исковое требование.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции, что выдача независимой гарантии на предъявителя противоречит требованиям абз. 4 п. 4 ст. 368 ГК РФ, согласно которому указание наименования бенефициара является существенным условием гарантии.

Вместе с тем в силу ст. 156, п. 3 ст. 432 ГК РФ гарант, подтвердивший действие гарантии, не вправе заявлять о том, что она не породила юридических последствий, если соответствующее заявление гаранта с учетом конкретных обстоятельств дела будет противоречить принципу добросовестности.

В ходе рассмотрения спора было достоверно установлено, что гарантия, обеспечивающая исполнение подрядчиком обязательств по договору строительного подряда, была направлена самим обществом (гарантом) конкретному заказчику строительства торгового центра (бенефициару), раскрытому принципалом (подрядчиком) в ходе переговоров по вопросу об условиях выдачи гарантии. Какая-либо неопределенность в отношении бенефициара по независимой гарантии отсутствовала. Текст банковской гарантии составлялся гарантом, и недостатки данного текста не могли быть истолкованы в пользу составителя, позволяя ему освободиться от исполнения гарантийного обязательства при наличии у бенефициара разумных ожиданий отно-

сительно существования данного обязательства (пп. 6, 43, 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 “О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора”).

3. Начало срока действия независимой гарантии может определяться моментом совершения бенефициаром действий, относящихся к исполнению основного договора.

В обеспечение исполнения поставщиком (принципалом) обязательства по поставке товара банк выдал независимую гарантию. В соответствии с условиями гарантии срок ее действия составил один год с момента уплаты бенефициаром (покупателем) аванса по обеспечиваемому договору.

Получив гарантию, покупатель перечислил аванс поставщику.

Впоследствии покупатель предъявил банку требование о выплате по гарантии, сославшись на непоставку товара поставщиком.

Банк отказался осуществить платеж, полагая, что им не был определен срок действия гарантии и это в силу положений абз. 8 п. 4 ст. 368 ГК РФ свидетельствует об отсутствии гарантийного обязательства.

Удовлетворяя иск бенефициара о взыскании долга по независимой гарантии, суды исходили из того, что ст. 373 ГК РФ, регулирующая порядок вступления гарантии в силу, является диспозитивной: гарантия вступает в силу со дня выдачи (отправки, передачи) гарантом, если в самой гарантии не предусмотрено иное.

Требования гражданского законодательства об определении срока действия гарантии установлены с целью недопущения неопределенности в отношениях гаранта и бенефициара.

По смыслу п. 1 ст. 157, ст.ст. 314 и 368 ГК РФ начало срока действия гарантии может определяться моментом совершения бенефициаром действий, относящихся к исполнению основного договора. При этом предполагается, что такие действия будут совершены бенефициаром в срок, предусмотренный основным договором, а при его отсутствии — в разумный срок. В случае если бенефициар не совершит соответствующих действий в указанные сроки, применительно к положениям п. 3 ст. 157 ГК РФ гарантия вступает в силу в момент, когда они должны были быть совершены согласно условиям основного договора, а при отсутствии соответствующих условий в тексте основного договора — после истечения разумного срока.

Применительно к обстоятельствам настоящего дела судами установлено, что договором поставки был предусмотрен срок внесения предварительной оплаты, бенефициар в этот срок аванс перечислил, соответственно, независимая гарантия, выданная банком, вступила в силу в момент уплаты аванса. Следовательно, какой-либо неопределенности в сроке действия гарантии не имелось, поэтому отказ гаранта от выплаты по гарантии со ссылкой на ее незаключенность является неправомерным.

4. Требование о платеже по независимой гарантии считается представленным своевременно, если оно направлено гаранту в пределах срока действия гарантии и условиями независимой гарантии не предусмотрено иное (например, что момент предъявления требования определяется исходя из момента его доставки гаранту).

Федеральное агентство (бенефициар) обратилось с иском к банку о взыскании денежных средств по банковской гарантии.

Основанием для обращения в суд явился отказ банка удовлетворить требование бенефициара о выплате по банковской гарантии, мотивированный пропуском срока представления требования.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении иска отказано.

Суды сочли, что бенефициар обязан направить гаранту требование с таким расчетом, чтобы обеспечить его получение гарантом до истечения срока действия гарантии.

Суд округа судебные акты судов нижестоящих инстанций отменил, отметив следующее.

Содержащаяся в п. 1 ст. 374 ГК РФ и вменяемая бенефициару обязанность представления требования по банковской гарантии до окончания срока, на который она выдана, должна толковаться с учетом положений п. 2 ст. 194 Кодекса, согласно которому письменные заявления и извещения, сданные в организацию связи до двадцати четырех часов последнего дня срока, считаются сделанными в срок.

В спорной гарантии не содержатся условия о необходимости получения гарантом требования бенефициара до истечения срока действия этой гарантии.

Следовательно, днем представления требования следовало считать день его передачи на почту.

Положения п. 1 ст. 165¹ ГК РФ, согласно которым гражданско-правовые последствия возникают с момента доставки юридически значимых сообщений либо с момента, когда они считаются доставленными, означают, что именно этими моментами определяется начало течения срока, отведенного гаранту п. 2 ст. 375 ГК РФ на рассмотрение требования бенефициара.

5. Требование об определении в независимой гарантии денежной суммы, подлежащей выплате бенефициару, считается соблюденным, если условия гарантии позволяют установить эту сумму на момент исполнения обязательства гарантом.

Предприятие (заказчик) разместило сообщение о проведении торгов в целях заключения договора на выполнение строительных работ.

Согласно аукционной документации необходимым условием допуска к торгам являлось предоставление участником банковской гарантии в обеспечение его обязательств как подрядчика.

Банк выдал обществу такую гарантию, назвав в гарантии предприятие бенефициаром. В текст гарантии также включено положение о том, что при предъявлении требования бенефициаром банк производит выплату в пределах цены договора подряда, подлежащего заключению на торгах.

Общество, приложившее полученную гарантию к заявке на участие в торгах, признано их победителем. С ним заключен договор подряда.

Предприятие под банковскую гарантию перечислило обществу аванс.

Впоследствии сославшись на то, что полученный аванс общество не отработало, предприятие обратилось к банку с требованием о совершении платежа по банковской гарантии.

Банк отказался удовлетворить указанное требование. По мнению банка, сумма, подлежащая выплате по гарантии, не была однозначно определена в тексте гарантии, так как цена договора подряда окончательно сформировалась лишь по результатам торгов, т.е. после выдачи гарантии. Спорную гарантию банк считал не породившей юридических последствий на основании ст. 156, п. 1 ст. 432, абз. 7 п. 4 ст. 368 ГК РФ.

Суды удовлетворили иск бенефициара о взыскании основного долга по банковской гарантии.

При этом суды исходили из того, что в гарантии содержится ссылка на бенефициара и основную сделку, подлежащую заключению в будущем, достаточные для целей ее идентификации. Банк в письменной форме выразил волю на принятие гарантийного обязательства, обладая информацией о начальной цене договора

подряда и осознавая, что впоследствии она будет скорректирована по результатам торгов. Такие условия о сумме гарантии не противоречили смыслу абз. 10 п. 4 ст. 368 ГК РФ. Поскольку условия гарантии позволяли установить денежную сумму, подлежащую выплате бенефициару, на момент исполнения обязательства гарантом, требование закона об определении в независимой гарантии этой денежной суммы считалось соблюденным в силу п. 1 ст. 368 ГК РФ.

6. По общему правилу при внесении изменений в условия основного договора, в обеспечение исполнения обязательств по которому выдана гарантия, объем обязательств гаранта не изменяется.

Управление строительства (бенефициар) обратилось в арбитражный суд с иском к банку (гаранту) о взыскании денежных средств по банковской гарантии.

Возражая по иску, банк сослался на изменение условий основного обязательства после выдачи гарантии без согласия гаранта — увеличение объема и стоимости работ по обеспеченному гарантией договору подряда дополнительными соглашениями, заключенными бенефициаром и принципалом. Это, по мнению гаранта, повлекло увеличение его ответственности ввиду возрастания риска предъявления требования о платеже по гарантии и, как следствие, прекращение обязательств гаранта.

Суды удовлетворили иск бенефициара, указав следующее.

В данном случае в гарантии определена твердая сумма, подлежащая выплате бенефициару (абз. 7 п. 4 ст. 368 ГК РФ), — цена иска не превысила эту твердую сумму. При этом обязательство гаранта перед бенефициаром не зависит от основного обязательства, и в своих возражениях против требования бенефициара об исполнении независимой гарантии гарант не вправе ссылаться на обстоятельства, не указанные в гарантии (пп. 1 и 2 ст. 370 ГК РФ). Следовательно, в рассматриваемом случае изменение основного обязательства, в обеспечение исполнения которого выдана независимая гарантия, не повлияло на объем обязательств гаранта перед бенефициаром.

В другом деле суды, определяя размер ответственности гаранта, выдавшего независимую гарантию, в которой был указан порядок определения предельной суммы, подлежащей выплате по гарантии (абз. 7 п. 4 ст. 368 ГК РФ), — 10 процентов от цены договора поставки, исходили из того, что в гарантии не содержится условие об увеличении суммы гарантии при наступлении тех или иных обстоятельств (абз. 10 п. 4 ст. 368 ГК РФ), поэтому произошедшее после выдачи гарантии изменение объемов поставки, повлекшее увеличение общей стоимости поставленных товаров, не изменило объем обязательств гаранта перед бенефициаром: он отвечает в пределах 10 процентов от прежней цены основного договора (п. 3 ст. 308 ГК РФ).

7. Сами по себе недействительность или незаключенность соглашения о выдаче независимой гарантии, подписанного принципалом и гарантом, не свидетельствуют об отсутствии обязательства из гарантии.

Бенефициар обратился к гаранту с требованием о выплате по гарантии. Гарант отказался от исполнения принятых обязательств, поскольку письменное соглашение о выдаче гарантии, заключенное им и принципалом, признано судом недействительным как крупная сделка, заключенная с нарушением корпоративных правил об одобрении такого рода сделок. Это, по мнению гаранта, свидетельствует об отсутствии оснований возникновения гарантийного обязательства перед бенефициаром.

Рассмотрев иск бенефициара к гаранту о взыскании основного долга по гарантии, арбитражный суд его удовлетворил, исходя из следующего.

Гарантийное обязательство возникает между гарантом и бенефициаром на основании одностороннего письменного волеизъявления гаранта. Согласно п. 1 ст. 370 ГК РФ предусмотренное независимой гарантией обязательство гаранта перед бенефициаром не зависит от отношений между принципалом и гарантом. В соответствии с п. 2 ст. 370 Кодекса гарант не вправе выдвигать против требования бенефициара возражения, вытекающие из соглашения о выдаче независимой гарантии. По смыслу приведенных норм права на действительность обязательства гаранта не влияют наличие (отсутствие) письменного соглашения между гарантом и принципалом или недействительность данного соглашения. Вместе с тем в том случае, когда бенефициар, получая гарантию, действовал заведомо недобросовестно, т.е. если он доподлинно знал об отсутствии законных оснований к выдаче гарантии во время ее получения, гарант, которому предъявлено требование по гарантии, вправе ссылаться на свои отношения с принципалом (ст. 10 ГК РФ).

Как установлено судом в рассмотренном деле, банковская гарантия по форме и содержанию соответствовала положениям ст. 368 ГК РФ. Требование заявлено бенефициаром в установленный срок и отвечало условиям гарантийного обязательства. Бенефициар не знал о пороках соглашения о выдаче гарантии в момент ее получения. В связи с этим у судов не имелось оснований для освобождения гаранта от исполнения обязательств по гарантии.

8. Нарушения, допущенные при выдаче независимой гарантии, могут быть противопоставлены требованию бенефициара о платеже по гарантии, если он являлся стороной соглашения о выдаче гарантии и знал об этих нарушениях.

Компания (займодавец) и общество (заемщик) заключили договор займа. В обеспечение исполнения обязательств по возврату займа банк выдал независимую гарантию.

Впоследствии, на основании приказа Банка России, назначена временная администрация по управлению банком.

Компания, не получившая исполнения от заемщика, предъявила банку требование о платеже по гарантии. Поскольку банк отказался произвести выплату, компания обратилась в суд с иском о взыскании с банка денежных средств.

Возражая по иску, банк в лице временной администрации сослался на злоупотребления, допущенные в момент выдачи гарантии как со стороны бывших менеджеров банка, так и со стороны бенефициара.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен.

Суд счел, что нарушения, имевшие место при выдаче независимой гарантии, ни при каких обстоятельствах не могут быть противопоставлены требованию бенефициара.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении иска отказано.

Банковская гарантия, как правило, выдается на возмездной основе, во исполнение соглашения, заключаемого гарантом и принципалом (п. 1 ст. 368, п. 1 ст. 420, п. 3 ст. 423 ГК РФ), а негативные последствия нарушений, допущенных при ее выдаче, подлежат урегулированию в рамках спора гаранта с принципалом и не могут перекладываться на бенефициара, не являющегося стороной соглашения о выдаче гарантии (п. 3 ст. 308 ГК РФ).

Вместе с тем в рассматриваемом случае судом апелляционной инстанции установлено, что менеджеры банка Е. и Р., контролировавшие кредитную организацию до санации (п. 3 ст. 53¹ ГК РФ), фактически приняли решение о выдаче банковской гарантии в обеспечение исполнения обязательств подконтрольного им же общества. При этом банковская гарантия выдавалась банком на безвозмездной основе, что противоречило существу предпринимательской деятельности (абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ). Переговоры по поводу условий выдачи гарантии велись менеджерами Е. и Р. непосредственно с представителями компании — бенефициара. Последняя выступила стороной заключенного в устной форме соглашения о выдаче гарантии и знала, что упомянутые менеджеры в действительности обеспечивали гарантией свой личный материальный интерес вопреки интересам банка, принявшего долговые обязательства на значительную сумму без какого-либо встречного предоставления.

Компания, получившая при таких обстоятельствах гарантию от банка и впоследствии предъявившая требование по ней, недобросовестно воспользовалась тем, что Е. и Р. при выдаче гарантии действовали явно в ущерб подконтрольному им юридическому лицу. Поэтому ее интересы не подлежат судебной защите в силу п. 4 ст. 1 ГК РФ, не допускающего возможность извлечения выгоды из недобросовестного поведения.

9. Гарант не вправе отказать бенефициару в удовлетворении его требования, если приложенные к этому требованию документы по внешним признакам соответствуют условиям независимой гарантии.

Бенефициар обратился в суд с иском о взыскании с банка денежных средств по банковской гарантии.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении иска отказано.

Суды исходили из того, что условиями банковской гарантии предусматривалось представление бенефициаром копии платежного поручения о перечислении аванса принципалу в качестве приложения к требованию о платеже. Поскольку в рассматриваемом случае к требованию была приложена не заверенная надлежащим образом копия платежного поручения, суды сочли, что бенефициар не выполнил условия гарантии.

Суд округа, отменяя судебные акты и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указал следующее.

Гарант проводит проверку приложенных к требованию о платеже документов по внешним признакам (п. 3 ст. 375 ГК РФ).

В рассматриваемом случае представленный бенефициаром документ именовался «платежное поручение» и содержал информацию, которую обычно содержат документы такого рода. В тексте гарантии отсутствовали положения о том, что копия платежного поручения о перечислении аванса принципалу должна быть заверена, не устанавливались какие-либо общие или особые требования к порядку заверения копии.

При таких обстоятельствах гарант должен был принять документ (копию платежного поручения) в том виде, в каком он представлен, а бенефициар не мог быть признан лицом, не исполнившим условия гарантии, необходимые для получения платежа.

В другом деле суды признали неправомерным отказ банка в удовлетворении требования о выплате по независимой гарантии, мотивированный неполнотой расчета суммы убытков, возникших вследствие поставки недоброкачественных товаров.

Суды, сославшись на независимый характер банковской гарантии от основного обязательства (п. 1

ст. 370 ГК РФ), подчеркнули, что банк, гарантировав надлежащее исполнение договора со стороны принципала, обязался уплатить по требованию бенефициара сумму, установленную банковской гарантией, в случае, если бенефициар заявит о нарушении условий основного договора поставщиком, что соответствует положениям пп. 1 и 4 ст. 368 Кодекса.

Согласно условиям рассматриваемой гарантии к требованию бенефициара о платеже должен быть приложен расчет истребуемой суммы. В гарантии отсутствовали какие-либо положения о порядке выполнения и оформления расчета суммы требования, о содержании расчета. Документ, поименованный расчетом суммы требования бенефициара, заявляемого в связи с ненадлежащим исполнением основного обязательства, был представлен бенефициаром. Оценка данного расчета на предмет полноты и обоснованности означала бы исследование отношений между принципалом и бенефициаром, что выходит за рамки формальной проверки документа гарантом по его внешним признакам и не может влиять на решение о выплате по гарантии.

Суды отметили, что в предмет доказывания по спору между бенефициаром и гарантом входит установление обстоятельств, которые подтверждают или опровергают тот факт, что бенефициар при обращении к гаранту исполнил условия самой гарантии.

10. Условие банковской гарантии, обеспечивающей исполнение государственного контракта, о приложении к требованию о платеже оригинала гарантии на бумажном носителе является ничтожным.

Суд округа оставил в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции об отказе в удовлетворении иска управления (бенефициара) о взыскании основного долга по банковской гарантии.

Суды исходили из того, что бенефициар, приняв гарантию в обеспечение исполнения обязательств принципала перед ним (заказчиком по государственному контракту), согласился со всеми условиями этой гарантии, в том числе с тем условием, что к требованию управления о совершении платежа по гарантии должен прилагаться оригинал гарантии. Бенефициар к своему требованию приложил лишь копию гарантии на бумажном носителе.

Сославшись на положения п. 1 ст. 376 ГК РФ, суды освободили гаранта от платежа, так как представленный управлением вместе с требованием документ (копия гарантии) по своим внешним признакам не соответствовал условиям гарантии.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила судебные акты, направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Во исполнение п. 7 ч. 2 ст. 45 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон о контрактной системе) постановлением Правительства РФ от 8 ноября 2013 г. № 1005 «О банковских гарантиях, используемых для целей Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» утвержден перечень документов, прилагаемых к требованию о платеже по банковской гарантии. Этот перечень является исчерпывающим и не предусматривает представление бенефициаром оригинала банковской гарантии.

Гарант в соответствии с требованиями ст. 45 Закона о контрактной системе с использованием государственной информационной системы выразил волю на выдачу банковской гарантии (включил все сведения о гарантии в государственный реестр, находящийся в от-

крытом доступе, создал электронный образ выполненной на бумажном носителе банковской гарантии (путем сканирования с сохранением всех реквизитов), подписал этот образ усиленной электронной подписью и направил его через систему электронного документооборота, доведя тем самым и до сведения бенефициара, а в дальнейшем не отрицал факт выдачи банковской гарантии, в связи с чем у судов не имелось оснований не признавать юридическую силу за волеизъявлением банка, подтвержденным его же электронными сообщениями.

Условие рассматриваемой банковской гарантии о необходимости приложения к требованию о платеже ее оригинала на бумажном носителе является ничтожным как противоречащее существу законодательного регулирования в сфере обеспечения исполнения государственных контрактов, заключаемых на электронных аукционах, основанного на признании электронного документооборота (ст. 168 ГК РФ, п. 74 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации").

11. Обязательство гаранта перед бенефициаром не зависит от того основного обязательства, в обеспечение исполнения которого выдана гарантия, даже если в самой гарантии содержится ссылка на это обязательство.

Дирекция строительства (бенефициар) обратилась к банку (гаранту) с иском о взыскании основного долга по банковской гарантии.

Иск мотивирован тем, что банк не исполнил обязательство по банковской гарантии, выданной на случай неисполнения обществом (принципалом, подрядчиком) обязанности по возврату неотработанного аванса, перечисленного дирекцией строительства (заказчиком) в рамках государственного контракта.

При этом гарант, отказывая в удовлетворении требования бенефициара в досудебном порядке, сослался на то, что государственным контрактом предусмотрено перечисление только одного авансового платежа, который подрядчик отработал.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен.

Суд первой инстанции исходил из соответствия требования бенефициара и приложенных к нему документов условиям гарантии, положениям Гражданского кодекса РФ о независимости гарантии, констатировав отсутствие предусмотренных законодательством оснований для отказа в совершении платежа.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением окружного суда, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении иска отказано.

Суды апелляционной инстанции и округа приняли во внимание двусторонний акт сверки расчетов, согласно которому дирекция строительства зачла первый авансовый платеж в счет оплаты фактически выполненных обществом работ, и условия договора подряда об однократности авансирования подрядчика. Ссылки дирекции строительства на то, что согласно названному акту сверки расчетов итоговое сальдо сложилось в пользу заказчика, суды отклонили, поскольку он на свой риск перечислял второй и последующие авансовые платежи, не предусмотренные договором подряда.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ постановления судов апелляционной инстанции и округа отменила, решение суда первой инстанции оставила в силе.

Как указала Судебная коллегия, гарант не вправе выдвигать против требования об осуществлении платежа по гарантии возражения, вытекающие из основного обязательства (п. 1 ст. 370 ГК РФ). Независи-

мость гарантии обеспечивается наличием специальных и при этом исчерпывающих оснований для отказа гаранта в удовлетворении требования бенефициара, которые никак не связаны с основным обязательством (п. 1 ст. 376 ГК РФ), а также отсутствием у гаранта права на отказ в выплате после истечения срока приостановления платежа (п. 5 ст. 376 названного Кодекса).

Отход от принципа независимости гарантии допускается только при злоупотреблении бенефициаром своим правом на безусловное получение выплаты. Для применения норм о злоупотреблении правом в споре о взыскании долга по независимой гарантии необходимо, чтобы из обстоятельств дела явно следовало намерение бенефициара, получившего вне всяких разумных сомнений надлежащее исполнение по основному обязательству, недобросовестно обогатиться путем истребования платежа от гаранта. В этом случае иск бенефициара не подлежит удовлетворению на основании п. 2 ст. 10 Кодекса.

Суждения банка относительно того, каким образом должно было осуществляться авансирование и как стороны подрядных отношений зачли те или иные платежи заказчика, связаны исключительно с оценкой гарантом обстоятельств, касающихся исполнения основного обязательства, и сами по себе не могут приниматься во внимание при разрешении иска о взыскании долга по банковской гарантии. При этом из поведения бенефициара нельзя сделать однозначный вывод, что его действия были направлены исключительно на недобросовестное получение обогащения за чужой счет.

В другом деле гарант, отказывая в удовлетворении требования бенефициара о выплате по гарантии, сослался на то, что не наступил срок исполнения обеспеченного гарантией обязательства принципала по возврату авансового платежа, перечисленного по договору поставки, поскольку бенефициар не уведомил принципала об одностороннем отказе от исполнения основного договора.

Суды первой и апелляционной инстанций, согласившись с доводами гаранта, отказали в удовлетворении иска бенефициара, признав недоказанным факт прекращения отношений по поставке.

Суд округа отменил принятые по делу судебные акты.

В рассматриваемом случае не имелось оснований, по которым гарант вправе был отказать в удовлетворении требования бенефициара (п. 1 ст. 376 ГК РФ). Требование предъявлено бенефициаром до окончания срока действия гарантии, его размер не превышает определенную в гарантии сумму, а приложенные к требованию о платеже документы по своим внешним признакам соответствуют условиям гарантии. В текст гарантии не включено положение о необходимости представления бенефициаром с требованием о платеже документа, подтверждающего прекращение договорных отношений по поставке. При этом из материалов дела не следовало, что в действиях бенефициара имеются очевидные признаки злоупотребления правом, в частности, что он явно недобросовестно пытается обогатиться за чужой счет, требуя произвести платеж по гарантии после приемки доброкачественного товара, поставленного в согласованные сроки, в отсутствие каких-либо претензий к поставщику.

12. Денежные суммы, уплаченные гарантом бенефициару по независимой гарантии, возмещаются принципалом в порядке, предусмотренном ст. 379 ГК РФ. Соответствующее возмещение не может быть квалифицировано в качестве неосновательного обогащения гаранта, если он произвел выплату по гарантии согласно ее условиям.

Федеральное агентство (бенефициар) предъявило банку (гаранту) требование об осуществлении платежа

по банковской гарантии, мотивированное ненадлежащим исполнением строительной компанией (принципалом) обязательств по обеспечиваемому гарантией договору подряда.

Банк выплатил бенефициару сумму, указанную в банковской гарантии. Затем воспользовался правом, которое закреплено в соглашении о выдаче гарантии, заключенном банком и принципалом, и в безакцептном порядке списал со счета принципала денежные средства в размере произведенной выплаты.

Принципал обратился в суд с иском о взыскании с банка списанной с его счета суммы в качестве неосновательного обогащения.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен.

Суд исходил из того, что банк был привлечен к участию в судебном споре бенефициара и принципала относительно подрядных отношений, поэтому гарант, располагавший документами о ходе исполнения основного договора, имел возможность установить saldo взаимных обязательств его сторон, выяснить, что принципал не имеет задолженности по этому договору, и должен был воздержаться от исполнения необоснованного требования бенефициара.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении иска отказано.

По мнению суда апелляционной инстанции, суть независимой гарантии заключается в предоставлении бенефициару возможности получить удовлетворение максимально быстро за счет гаранта, избежав возражений принципала, касающихся существа исполнения основного обязательства.

Банк правомерно ограничился проверкой формального соответствия требования бенефициара о выплате условиям банковской гарантии, не должен был проверять состояние расчетов по основному договору, несмотря на то, что знал об аргументах сторон этого договора и имел доступ к их документам.

Последующее списание банком денежных средств со счета принципала в сумме, уплаченной по гарантии, основано на соглашении между банком и принципалом о выдаче гарантии, положениях ст. 379 ГК РФ.

Произведенная судом первой инстанции проверка требования бенефициара на соответствие условиям договора подряда противоречит независимой природе гарантии (п. 1 ст. 370 Кодекса). Исследовав обстоятельства исполнения основного договора и согласившись в данной части с позицией принципала об отсутствии какой-либо задолженности с его стороны, суд первой инстанции вышел за пределы рассмотрения настоящего дела, разрешив спор бенефициара и принципала об исполнении подрядной сделки, который находился на рассмотрении другого суда.

Сумма, возмещенная банком за счет принципала, не обладает признаками неосновательного обогащения, определенными в ст. 1102 ГК РФ, и получена гарантом по существующему основанию — соглашению о выдаче банковской гарантии.

13. Расходы принципала на оплату банковской гарантии по государственным (муниципальным) контрактам, прекращенным по обстоятельствам, за которые отвечает бенефициар, являются убытками принципала, подлежащими возмещению бенефициаром.

Обществом (подрядчиком) и администрацией (муниципальным заказчиком) заключен муниципальный контракт на выполнение строительных работ.

В связи с неисполнением муниципальным заказчиком своих обязательств по контракту подрядчик неоднократно уведомлял заказчика о невозможности выполнения работ на объекте, о приостановлении работ до выполнения заказчиком своих обязанностей и впо-

следствии заявил отказ от исполнения муниципального контракта (ст. 719 ГК РФ).

Сославшись на то, что договорные отношения прекращены по обстоятельствам, за которые отвечает заказчик, подрядчик обратился в арбитражный суд с иском к администрации о возмещении убытков в размере фактически понесенных расходов на оплату банковской гарантии, предоставленной подрядчиком (принципалом) заказчику (бенефициару) в целях обеспечения исполнения муниципального контракта.

Суды, удовлетворяя иск, исходили из того, что предоставление гарантии являлось обязательным условием заключения муниципального контракта (ст.ст. 45, 96 Закона о контрактной системе).

В соответствии с п. 2 ст. 719 ГК РФ, если подрядчик отказался от исполнения договора подряда в связи с тем, что допущенное заказчиком нарушение обязанностей по договору подряда воспрепятствовало исполнению договора подрядчиком, заказчик обязан возместить подрядчику убытки.

Размер убытков, подлежащих возмещению, определяется по правилам ст.ст. 15, 393 Кодекса.

Расходы на оплату независимой гарантии понесены принципалом исходя из сформулированных заказчиком требований к победителю торгов, обусловлены намерением общества вступить в договорные отношения, исполнить муниципальный контракт в полном объеме и получить за выполненные работы установленную муниципальным контрактом цену, за счет которой, помимо прочего, компенсировать упомянутые расходы. Однако расходы принципала остались некомпенсированными в связи с нарушением бенефициаром контрактных обязательств, ставшим причиной преждевременного прекращения договора подряда.

Таким образом, данные расходы являются прямыми убытками принципала, возникшими в результате неправомерного бездействия бенефициара.

14. Банкротство лица, выдавшего независимую гарантию, которое наступило в период действия гарантии, не является основанием для прекращения обязательств из гарантии, но свидетельствует о снижении обеспечительной функции гарантии и может являться основанием для перерасчета согласованной ранее платы за выдачу гарантии.

Банк (гарант) обратился в суд с иском к обществу (принципалу) о взыскании задолженности по соглашению о выдаче банковских гарантий, предоставленных в обеспечение исполнения государственных контрактов.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной инстанции и округа, в удовлетворении иска отказано.

Суды сочли, что с момента признания банка банкротом он фактически не может исполнить свои обязательства по банковским гарантиям, т.е. выплатить суммы, предусмотренные гарантиями, по требованиям бенефициаров, а следовательно, не вправе претендовать на вознаграждение за банковские услуги по выдаче гарантий.

Отменяя судебные акты и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ указала, что банкротство гаранта само по себе не является основанием прекращения его обязательств перед бенефициарами по банковским гарантиям ни в силу Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве), ни в силу положений ст. 378 ГК РФ.

Кредитор, не отказавшийся от своих прав по гарантии (подп. 3 п. 1 ст. 378 Кодекса), вправе потребовать от банка исполнения по гарантии и в процедуре кон-

курсного производства в порядке, установленном Законом о банкротстве.

Судебная коллегия указала, что гарантиями, предоставленными в обеспечение исполнения основных договоров, общество частично удовлетворило свой интерес (заключило государственные контракты, и определенное время гарантии полноценно выполняли обеспечительную функцию), в то же время с момента признания банка банкротом эффективность банковских гарантий действительно снизилась.

В связи с этим судам необходимо было оценивать стоимость реального исполнения, предоставленного банком (исходя из всего срока, на протяжении которого гарантии являлись безупречным обеспечением, и с учетом вероятности получения платежа по ним в конкурсном производстве), рассмотрев вопрос о необходимости назначения по делу судебной экспертизы.

15. Иск бенефициара к гаранту, отказавшемуся удовлетворить своевременно предъявленное требование о платеже по независимой гарантии, может быть заявлен в пределах общего срока исковой давности.

Бенефициар обратился в арбитражный суд с иском к гаранту о взыскании денежной суммы по банковской гарантии.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска по мотиву его подачи после прекращения срока действия гарантии, сославшись на подп. 2 п. 1 ст. 378 ГК РФ и по аналогии закона на нормы о поручительстве (п. 6 ст. 367 Кодекса).

В апелляционном порядке решение суда первой инстанции отменено.

Суд апелляционной инстанции указал на то, что нормы о сроке действия поручительства не подлежат применению к обязательствам по независимым гарантиям, специально урегулированным параграфом 6 главы 23 ГК РФ.

По смыслу ст. 374 Кодекса в пределах срока действия гарантии бенефициару достаточно заявить письменное требование о выплате по ней, предусмотренное названной статьей.

В рассматриваемом случае такие действия бенефициар совершил.

Поскольку гарант в отведенный срок требование бенефициара не удовлетворил, последний вправе в пределах общего срока исковой давности (ст. 196 Кодекса) обратиться в суд с иском о принудительном взыскании денежной суммы по банковской гарантии.

16. Принципал вправе взыскать с бенефициара превышение суммы, полученной бенефициаром по независимой гарантии от гаранта, над действительным размером обязательств принципала перед бенефициаром.

Банк (гарант) произвел платеж по независимой гарантии, выданной в обеспечение исполнения обязательств по договору подряда. Впоследствии он списал в безакцептном порядке денежные средства со счета принципала (подрядчика) в сумме, равной выплаченной бенефициару, на основании соглашения о выдаче гарантии.

Сославшись на то, что работы выполнены в установленных договором подряда сроки и с надлежащим качеством, ввиду чего отсутствовали основания для

предъявления бенефициаром требования о выплате по банковской гарантии, принципал обратился в суд с иском к бенефициару о взыскании полученного им в нарушение условий основного договора.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной инстанции и округа, исковые требования удовлетворены.

В рамках данного спора суды признали доводы принципала о состоянии подрядных отношений обоснованными, а соответствующие факты — доказанными.

В силу исчерпывающего перечня оснований для отказа в выплате по независимой гарантии (ст. 376 ГК РФ) выплата гарантом бенефициару денежных сумм по гарантии являлась правомерной, поскольку бенефициаром соблюдены формальные требования, установленные законом и условиями гарантии.

Независимый характер обязательства гаранта перед бенефициаром и правила о возмещении гаранту сумм, выплаченных по гарантии, не означают, что бенефициар вправе получить за счет принципала денежные средства в большем размере, чем ему причитается по обеспечиваемому договору. Принципал не лишен возможности обратиться к бенефициару с иском о взыскании средств, полученных бенефициаром без осуществления какого-либо встречного предоставления с его стороны в нарушение условий основного договора (ст. 328, п. 1 ст. 423, абз. 1 п. 1 ст. 424 ГК РФ).

17. При направлении бенефициаром гаранту требования о платеже, предусмотренного ст. 374 ГК РФ, считается соблюденным досудебный порядок урегулирования спора, установленный ч. 5 ст. 4 АПК РФ.

Учреждение (бенефициар) обратилось в суд с иском к банку (гаранту) о взыскании задолженности по банковской гарантии.

Определением суда первой инстанции иск оставлен без рассмотрения.

Суд счел, что направлением бенефициаром гаранту требования, предусмотренного ст. 374 ГК РФ, не может подтверждаться соблюдение досудебного порядка урегулирования спора. В случае получения отказа в совершении платежа либо при неполучении ответа на это требование в установленный срок бенефициар обязан направить гаранту второе требование — претензию.

Суд апелляционной инстанции отменил определение суда первой инстанции, поскольку иск оставлен без рассмотрения без учета положений п. 5 ст. 376 ГК РФ о порядке совершения платежа по гарантии. Исходя из предназначения института гарантии как независимого и оперативного способа беспрепятственного получения исполнения, предъявление гаранту требования в соответствии со ст. 374 Кодекса является достаточной мерой для урегулирования спора во внесудебном порядке, совершать дополнительные действия по направлению претензии не требуется.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
5 июня 2019 г.)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Борисова Е.Е., Горшков В.В., Давыдов В.А.,**
Журавлева Е.М., Момотов В.В., Нечаев В.И., Петрова Т.А., Пчелинцева Л.М., Рудаков С.В.,
Свириденко О.М., Хаменков В.Б., Хомчик В.В., Шилов О.Ю.

**Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”**

Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru

<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 25.10.2019.

Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 6,51. Уч.-изд. л. 8,04. Тираж 8629 экз. Заказ 208-2019.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.

109316, г. Москва, Волгоградский просп., д. 43, корп. 3, эт. 11, пом. XXVI, комн. 13К.

Телефон: 495-636-27-08.

E-mail: e.moiseeva@sinteria.ru
